

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Дмитрий Рябов
начальник отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

12/2021

Содержание

ПРОЗА

Александр МАРКОВ. Мечтатели. Повесть.	3
Руслан БЕКУРОВ. Небесные батуты. Рассказ.	47
Сергей БОРОЗДИН. Дочь тайги. Рассказ.	62
Алина ОСОКИНА. Там, где нет войны. Рассказ.	99

ПОЭЗИЯ

Анна ПАВЛОВСКАЯ. Небесный эхолот. Стихи.	42
Ганна ШЕВЧЕНКО. Дожди на крышах. Стихи.	59
Владимир СВЕТЛОСАНОВ. Из «Книги насекомых». Стихи.	93

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Володя ЗЛОБИН. Люциферин и ковидла: инактивированный вирус российской архаики.	120
Александр ШЕКШЕЕВ. Маут для русских. Восстание на Таймыре.	133

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Михаил ХЛЕБНИКОВ. «Сибирские огни»: «Настоящее», будущее и пролетарские писатели.	148
--	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Анастасия КОБОЗЕВА. Литературный сериал: вечный эксперимент или становление жанра?	171
Елена ЕЛИНА. «На холсте совершается таинство»: о двух книгах Светланы Кековой.	176

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Валерий КОПНИНОВ. Вперед, к классике!	183
--	-----

Содержание журнала за 2021 год	187
---	-----

Авторы номера	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Александр МАРКОВ

МЕЧТАТЕЛИ

Повест ь

Нам было лет по тринадцать, когда Коля обронил в разговоре фразу, показавшуюся мне очень глубокомысленной и емкой. Не берусь ее в точности повторить, но звучала она примерно так:

— Не стоит где-то искать золотоносные копи — они и так у нас под ногами, и надо только их увидеть.

— Точно-точно, — закивал я в ответ.

Вот бы мне тогда расспросить его, что он имеет в виду! Но в ту пору в моей школьной сумке, помимо учебников, частенько лежали книжки Эмара и Сабатини, и мне показалось, как само собой разумеющееся, что речь идет о пиратах. В крайнем случае — о Клондайке и золотоискателях, ринувшихся на Аляску. Случись наш разговор чуть позже, я стал бы думать о тех черных копателях, которые грабят древние захоронения. Без подсказки мне никогда не пришло бы в голову, что приятель мой говорит всего лишь об автомобильных свалках.

Как их можно считать золотоносной жилой?

Узнал я об этом, когда мечта побывать на этих автомобильных свалках настолько овладела Колей, что он называл их не иначе как «поле чудес» и злился, когда я напоминал ему историю про богатенького Бурадино, которому кот Базилио и лиса Алиса на Поле Чудес посоветовали закопать пять золотых.

— И что из этого вышло? — спрашивал я его.

— Да я не буду золотые закапывать. Я их выкапывать буду! — размахивал он руками.

— Как?

— Узнаешь. У меня, в отличие от тебя, руки из правильного места растут.

— Зато у меня голова на плечах есть. Умная.

— Кто ж спорит? Если бы из нас сделать одного человека — цены б ему не было.

— Начитался ты фантастических историй. Жуть просто! Но головы еще не научились пересаживать. Меня и мои руки вполне устраивают, пусть они и не из нужного места.

— А меня — моя голова! — рассмеялся Коля.

На том и порешили.

Думаю, что он еще в песочнице, сложив горкой все имеющиеся у него машинки, думал: а вот что получится, если к крыльям «опеля» приставить двигатель «мерседеса» и водрузить все это на ходовую «вольво»? Уж не знаю, приступал ли он тут же к экспериментам, но явно жизнь его машинок продолжалась недолго. Чем-то мне все это напоминало рассказ Гоголя — тот, где к молодой, но не очень красивой девушке пришли совсем некрасивые женихи. По отдельности они ей совсем не нравятся. Но если взять от них части да сложить из этих частей одно целое, выйдет в итоге вполне сносный муж. Один умник уже попробовал нечто подобное — и вышел у него Франкенштейн.

К слову, руки у Коли действительно росли из правильного места. Сделав уроки, а то и не доделав их, он убирал со стола тетрадки с учебниками, складывал их в стопку на полу и начинал мастерить всякие средства передвижения из железных конструкторов, оставшихся в его семье с незапамятных времен.

Несколько получившихся моделей у него выпросил учитель труда и выставил среди прочих поделок школьников в витрине, располагавшейся напротив центрального входа в наше учебное заведение. Мало того что все работы там были подписаны, так еще рядом помещались фотографии их создателей. Я такой славой гордился бы, а Коля ее стеснялся и каждый раз, проходя мимо витрины, вжимал голову в плечи, отворачивался, боялся, что его узнают и начнут в него тыкать пальцами.

Дело в том, что эти работы были для него уже прошлой эпохой, каменным или бронзовым веком, а он к тому времени переступил в эру пластмассовых моделей. Но при их сборке приходилось просчитывать каждый шаг, действовать по инструкциям и по правилам, а это Коле быстро наскучило. Чтобы немного подогреть его интерес к пластмассе — уж больно мне нравился результат его трудов, — я рассказал ему, что Лукас, снимая свою первую классическую трилогию «Звездных войн», делал макеты космических кораблей и «Звезды Смерти» из отходов фабрики, выпускавшей сборные пластмассовые модели разных танков, машин и самолетов. Выслушав меня, Коля купил несколько таких наборов и соорудил из них какую-то футуристическую конструкцию, как в комиксах.

— Неплохо, — сказал я, тут же вспомнив, что у меня дома где-то валяется машина с дистанционным управлением, которая на части не разваливается лишь оттого, что я всю ее обмотал скотчем. На приказы пульта управления она не реагировала: видимо, захотела обрести свободу. В ее электронные мозги не поместили информацию, что она марио-

нетка, которая может лишь выполнять команды хозяина, а сама по себе труп.

Таланты Коли надо было использовать в личных целях.

— Ну чего, починить сможешь? — спросил я, притащив ему на следующий день свою четырехколесную пластмассовую калеку.

— Попробую, — сказал Коля, повертев машину в руках.

Он ее словно в первый раз видел, хотя крушили мы ее вместе, выясняя, что прочнее — стены или машина. Стены, конечно, оказались крепче. Зато мы не стали проверять их прочность головами, как это с некоторыми случается.

— Попробуй, — сказал я, — а то новую-то мне не купят.

— Живут же люди без таких машин, — заметил Коля, видимо намекая на себя.

— Но с ними жить веселее.

— Ага. Я уже придумал, как мы повеселимся с ней, когда я ее почищу. — Он таинственно улыбнулся мне, но больше ничего не рассказал.

В дальнейшем на все мои вопросы он отвечал, что машину чинит, а я понять не мог, отчего это продолжается так долго, ведь в мастерских с поломками настоящих машин справляются быстрее. Нет, у меня в мыслях не было, что Коля эту машинку у меня «заиграл», ведь в разбитом виде ценности в ней было не больше, чем в неработающем телевизоре, который выбрасывают на помойку.

То, что он полностью поглощен решением поставленной перед ним задачи, я понимал хотя бы по тому, что Коля все это время совсем не готовился к урокам. Так как происходило это по моей вине, я всячески его прикрывал и, как только учитель спрашивал, кто хочет отвечать домашнее задание, — а взгляд его отчего-то неизменно останавливался на Николае, — тянул вверх руку и вызывался пойти на Голгофу — к доске. Выручало то, что историю, географию и литературу я очень любил, знал гораздо больше, чем сообщалось в учебниках, считался гордостью школы и учителя частенько отправляли меня на районные и городские олимпиады, где я даже занимал какие-то призовые места. С математикой обстояло не так хорошо, но решить примеры за Колю я был в состоянии.

Спустя неделю я все ж не выдержал и сказал ему, что он совсем обнаглел, влез мне на плечи и пользуется моей добротой. Мы, как обычно, встретились на улице перед началом занятий.

— Игра стоила свеч, — сказал он мне.

Я заметил, что рюкзак его буквально распирает от содержимого — явно не от знаний, а от чего-то другого, потому что такого количества книжек Коля в рюкзаке не носил, даже когда мы собирали макулатуру.

— Тебе ведь практика полезна. Ну и мне тоже. Мы с пользой для обоих провели это время. Вот, смотри, что вышло.

Он снял с плеча рюкзак, расстегнул молнию. В руки ему вывалилось что-то блестящее и серебристое. Машина моя теперь походила на

космический корабль на колесах. У нее и вправду виднелись дюзы, как будто имелся реактивный двигатель. Когда я взял ее, то почувствовал, что она стала заметно тяжелее, хотя корпус Коля сделал не из металла, а из пластика. С переднего капота на меня уставилось мое искаженное отражение, и я подумал, что всегда мечтал иметь на машине красивую аэрографию.

— Летает? — спросил я.

— Попробуй, — усмехнулся Коля, протягивая мне пульт управления.

Я тут же решил приступить к тестовым испытаниям, поставил машинку на асфальтовую дорожку и нажал на пульте кнопку «Вперед».

У машинки из-под колес повалил дым, прямо как у настоящих гоночных болидов. Она сорвалась с места и понеслась так лихо, что я едва успевал рулить, пытаюсь не врезаться ею в бордюр или в стенку сарая, куда складывали всякий ненужный хлам и пачки макулатуры. Начни я испытывать новинку в школьном коридоре, точно разбил бы о стенку, прежде чем привык бы к ее резвости.

Коля стоял рядышком и смотрел больше не на машину, а на меня, довольный моей реакцией.

— У нее что, действительно двигатель реактивный? — спросил я, когда заметил, что из дюз вырываются яркие огни и дым, похожий на выхлопы отработанного топлива, тянущиеся за ракетами и самолетами.

— Не. Где я тебе реактивный двигатель достану, да еще такой маленький? Имитация это. Но моторчик я немного усовершенствовал. Теперь она гоняет лучше. В дюзах — фонарики. Вот и кажется, что там огни.

— Да, прикольная вышла штука! — согласился я.

— Но это не все, — хитро сказал Коля.

— А что еще? Она все-таки летает?

— Лучше, — таинственно отозвался он.

Мне пришлось еще минут пятнадцать томиться в неведении, потому что грянул звонок и нам пришлось запихнуть машину в сумку и во всю прыть мчаться в класс, чтобы не опоздать на первый урок.

Пока мы бежали, Коля пытался мне рассказать, как он клеил корпус из стекловолокна, но я половины слов не слышал. В класс мы успели раньше, чем там появился учитель. Не пришлось канючить, чтобы нас пустили, обещать, что такого больше никогда не повторится, — а через несколько дней опять краснеть, потому что раз в неделю мы обязательно опаздывали на первый урок.

Я все вертелся на стуле, будто мне кто-то из одноклассников подложил под зад кнопку, не мог сосредоточиться на том, что объясняет учитель, и, вздумай он меня вызвать повторить хоть часть из рассказанного, я бы опозорился на весь класс. Да и домашнее задание внятно не смог бы изложить, замямлил бы что-то непонятное, как закоренелый троечник.

Хорошо еще, что учитель интуитивно понял: это не мой день. Он не вызвал меня к доске, и на расставленных им минах подрывались мои одноклассники.

Рука сама собой тянулась к сумке, раскрывала молнию, и тогда корпус машины частично высовывался наружу, как косточка перезревшего и лопнувшего плода. Но что там, под партой, урывками рассмотришь?

Будь сейчас контрольная или экзамен, учитель мог бы подумать, что я разглядываю свои шпаргалки. Как бы он удивился, узнав, что я на самом деле прячу в сумке!

Нащупав на лобовом стекле глазок, похожий на те, что врезают в дверь, чтобы разглядывать пришедших и не открывать непрошеным гостям, я догадался, что Коля установил в машине видеокамеру.

— Я придумал, что мы будем снимать, — тут же заявил я Коле, пихнув его локтем под бок.

— Что же? — спросил он.

Но теперь пришла его очередь томиться в неведении.

Идея была авантюрной, как и многое из того, что обычно лезло в мою голову. Время урока тянулось бесконечно долго. Мне иногда казалось, что стрелка на часах вовсе остановилась, дрожит, не в силах сдвинуться и на микрон, будто кто-то ее сдерживает.

— Ну и что же? — повторил Коля свой вопрос, когда мы наконец-то дождались звонка.

Мы вышли из класса. Нас окружал гомон, от которого звенели окна. Девчонки прыгали через резинку, мальчишки гонялись друг за дружкой; кое-кто, опираясь на стенку, стоял с учебником в руках и пытался надыхаться перед смертью.

Машину я, недолго думая, запустил в женский туалет: бросил ее туда, как гранату в амбразуру дота, — и когда она промчалась перед кабинками, поднялся такой визг, будто девчонки, находившиеся внутри, увидели змею. Прежде их донимали только дымовыми бомбочками, сделанными из треснувших мячиков для пинг-понга.

Я не видел, что снимает камера, а было бы интересно следить за съемками в реальном времени! Не понимал я и где едет машинка, только слышал, как она завывает и ударяется о стены. Главное, чтобы, натолкнувшись на плинтус, автомобильчик не опрокинулся колесами вверх, завалившись на крышу и став таким же беспомощным, как перевернутая черепаха. Сам он тогда и с места не сдвинется. Я в этот туалет войти не решусь, а ждать добра от девчонок не приходится. Они машину скорее раздавят, чем вернут...

Дверь распахнулась, все, кто находился в туалете, с визгом выбежали наружу, а следом за ними мчалась машина, ревя и урча, как какой-то неведомый зверь. Среди беглянок оказалась учительница математики. Она неслась прямо к своему кабинету, до которого было метров пятнадцать, надеясь там переждать опасность. Вот только туфли на высоком

каблуке, которые она надела, чтобы произвести впечатление на учителя истории, сыграли с ней злую шутку. Когда до спасения оставалась всего пара шагов, каблук на левой туфле подломился, и единственное, что учительница успела сделать, прежде чем врезаться в закрытую дверь, это выставить вперед руки.

У меня волосы на голове встали дыбом от осознания, что я натворил. Я еще подумал: может, бог с ней, с этой машиной? Не стану признаваться, что она моя, а родители, если им ее покажут, вообще не признают в этом монстре свой подарок полугодичной давности. Но эта разумная мысль не успела до конца оформиться. Меня сгубила жадность.

— Это что такое?! — кричал на меня директор школы Алексей Константинович.

Опустив глаза, я стоял возле его стола и рассматривал мыски своих кед. Мне казалось, что, если я подниму глаза и встречу взглядом с директором, меня испепелят. Нечего мне было сказать в свое оправдание: дежурные, подхватив под руки, буквально внесли меня в директорский кабинет, а я все не выпускал пульт от машины. Тут уж, как ни отпирайся, все и так ясно.

Николай из этой передряги мог выйти сухим: подождать меня, к примеру, у дверей директорского кабинета, сказать потом, что за меня переживал, но помочь все равно никак не мог, и я бы согласился с этим доводом, в ответ кивнул и не обиделся... Вместо этого Коля проскользнул следом за дежурными, тащившими меня на расправу, к директору и честно признался, что тоже участвовал в хулиганстве и даже был заправилкой.

— Ладно, Тоболкин — бестолочь, но вот ты, Левашов, — гордость школы! Что ты себе позволяешь? — кричал на меня директор. — А если бы Алевтина Николаевна ногу сломала или голову разбила? Что тогда?!

«Тогда у нас какое-то время не было бы математики, — подумал я. — Учитель истории ходил бы к травмированной коллеге в больницу, носил всякие вкусности, и они сыграли бы свадьбу месяца через два после того, как Алевтина Николаевна поправилась бы, а то и не дожидаясь этого. А теперь уж и не знаю, когда они поженятся и поженятся ли вообще...»

Но о своих догадках я директору не говорил, стойко молчал и думал, что сейчас похож на пленного партизана с какой-нибудь из картин времен развитого социализма, репродукции которых печатали в старых учебниках истории.

Я краснел и бледнел, ждал, когда иссякнет директорский поток красноречия, когда Алексей Константинович возьмет наконец самую высокую ноту, после которой охрипнет и больше не сможет на нас кричать.

— А ты, Тоболкин, молодец все-таки, что друга в беде не бросил, — заключил неожиданно директор. — Потому я вас не буду сильно наказывать.

Кары небесные действительно оказались не такими уж страшными. Машину директор обещал отдать лишь родителям, но я и не надеялся, что он ее мне вернет. Правда, пока Алексей Константинович распекал нас, я начал строить кое-какие планы насчет этой машины и даже придумал снять с ее помощью фильм. А вот затея со съемками в женском туалете теперь казалась мне не самой умной. Вернее, то, как мы ее осуществили. Надо было иначе.

После разговора с директором родители меня почти и не ругали. Папа так и вовсе едва сдерживал смех и все порывался рассказать о каком-то из своих школьных хулиганств. Машину мне вернули, но без кассеты, которую директор с общего согласия вынул и уничтожил в присутствии родителей моих и Николая. Он сказал, что на ней заснят компрометирующий материал и съемка эта не должна быть обнародована. Хорошо, что Алевтина Николаевна преподавала не в нашем классе, а то, боюсь, всех моих математических способностей не хватило бы, чтобы противостоять ее мести.

После этого случая какое-то время дежурные по школе при входе осматривали все сумки на тот случай, если кто-то вздумает притащить какой-нибудь подозрительный предмет и устроить хулиганство. Все знали, что причиной такой бдительности были мы с Колей. Эту историю пересказывали по всему району. Мы прославились — стали «героями на один день», как пел Дэвид Боуи.

— Покажь свою машину-то знаменитую! — услышал я, как-то раз проходя мимо кучки ребят, сидевших на лавке в аллее неподалеку от моего дома.

К лавке был прислонен выдавший виды мопед. Руки ребят перепачкались в масле, потому как каждый из них по очереди забирался во внутренности мопеда и копался там. Хирурги из них были плохие, мопед никак не хотел выздоравливать. Парни пили пиво, оглядываясь пугливо по сторонам, зато курили совсем не таясь.

— Так я ж ее с собой не ношу, — сказал я.

— Ну так принеси! — велел парень лет пятнадцати, который, видимо, был в этой компании за главного. Вывод такой я сделал из того, что он больше всех испачкался маслом, даже лицо у него было в масляных полосах, будто он, как герой боевика, нарисовал перед трудным заданием маскировочную окраску. Пожалуй, сложной задачей для него могла стать контрольная по любому предмету. Одет главарь был в спортивный, явно контрафактный костюм фирмы Reebok с уже пузырящимися на коленках мешковатыми штанами. У него были желтоватые зубы, а двух верхних передних и вовсе не хватало. Из-за этого он немного шепелявил.

Я и с одним этим парнем не справился бы, а их было трое. Они бы догнали меня, попробуй я убежать. И что помешало бы им ждать меня каждый день здесь, на лавке? А если бы я выбрал другие пути домой из школы, они все равно их скоро обнаружили бы и перекрыли.

— Так вы же ее потом не отдадите, — сказал я в раздумье.

— Почему тебе знать? — ухмыльнулся щербатый. — Не бойся.

— Я не боюсь. Но вот пить пиво за рулем вредно для здоровья. — Я попробовал перевести разговор на другую тему, кивнул сперва на бездыханный мопед, а затем на бутылку пива, которую главарь держал в руке.

— Мы не за рулем, — сказал парень. — Никак починить не можем. Хочешь? — спросил он, протягивая полупустую бутылку.

— Нет, — замотал я головой. У меня вдруг возникла идея, от которой глаза буквально загорелись. — Я сейчас приду.

— Машину-то принесешь?

— Да.

— Смотри не обмани! Мы знаем, где ты живешь.

Это признание не очень меня испугало, хотя времена стояли суровые и проблемы в бизнесе часто решались при помощи пистолета Макарова или автомата Калашникова.

Оказавшись дома, я взял телефонную трубку и набрал Колин номер. К счастью, мой друг оказался дома. Он часто оказывался дома, и вероятность застать его там была намного больше, чем встретить во дворе.

— Ты чем занят? — спросил я.

— Да вот, кое-что клею, — ответил он.

— Можешь на улицу выйти? Ты же мастер на все руки. Почини пацанам мопед. Они в парке маются.

— Могу попробовать, — сказал Коля.

— Тогда давай у твоего подъезда встретимся. Я уже выхожу.

Чумазый парень смотрел на нас двоих с усмешкой. Наверное, он думал, что я привел с собой какого-то местного чемпиона по боям без правил в надежде, что тот навалит всей троице старшеклассников и заставит их поклясться впредь мне не досаждать.

Коля был меня чуть повыше и заметно крепче, но не производил впечатления великого спортсмена. А впрочем, Джеки Чан вон тоже неказист, но руками и ногами машет так, что любо-дорого смотреть. В руках у Коли был чемоданчик с инструментами. Он уже имел некий опыт починки механических монстров — помогал отцу реанимировать в гараже старый-престарый «москвич».

— На, смотри. — Я вытащил из сумки машину, пульт и протянул их щербатому. — Разберешься, что там к чему, или показать?

— Разберусь.

Он так сказал это, что я чуть не рассмеялся.

— Посмотришь? — деловито спросил я Колю, показав на неисправный мопед.

— Могу, — кивнул Коля.

Он подошел к мопеду, нажал рычаги тормоза и газа, потом глазом проследил, куда от них тянутся провода, нагнулся, ощупал двигатель...

— Это чего это ты? — спросил главарь, на какое-то время потеряв интерес к машинке. — Отойди, сломаешь ведь! А не отойдешь — по рылу получишь.

— Так что его ломать-то? — пожал плечами Коля. — Его до меня уже сломали. Вот тому, кто сломал, по рылу и дай.

Наша наглость поразила старшеклассников. Они решили, что пока нас бить не будут.

— Корпус крепкий, — сказал щербатый, постучав костяшками пальцев по машинке.

— Ага, он делал. — Я кивнул на Колю.

— Да ладно? — удивился парень.

— А что мне врать-то? — развел я руки в стороны.

— Чё, правда ты? — главарь недоверчиво посмотрел на Колю.

И хотя тот этого взгляда не видел, но понял, что обращаются к нему.

— Ага. Стекловолокно проклеенное, — сказал он. — Ничего, в общем, сложного.

Затем Коля вновь ухватился за рога мопеда, поставил его в вертикальное положение, дернул рычаги на руле, нажал на педаль, и — о чудо! — мопед, испуская клубы прогорклого, едкого дыма, завелся, зачихал, как человек, пораженный простудой.

Старшеклассники обмерли на секунду, потом загалдели от радости, принялись всем скопом отнимать у Коли руль, и каждый старался оседлать мопед первым.

Коля за мопед не сражался, отошел в сторонку, и без него двигатель тут же заглох. Как ребята ни жали на педаль и на рычаги, ничего у них не получалось. Пришлось им посмотреть на Колю и безмолвно попросить у него помощи.

— По-хорошему, почистить бы там кое-что надо. Тогда лучше работать будет, — посоветовал он.

— А ты можешь? — спросил главарь.

— Могу. Но завтра. Сегодня не успею — работы много.

Коля начал ощущать свою силу. Он смотрел на свои измазанные маслом ладони. Кто-то дал ему тряпку, чтобы вытереться.

— Гриша, — сказал щербатый, протягивая руку сперва Коле, а потом и мне.

Пока не наступил вечер, мы рассказывали старшеклассникам о том, как запустили машину в женский туалет в школе, а позже гоняли ее по газону и пугали прохожих. Ребята смеялись и в свою очередь тоже принялись рассказывать нам истории из своей жизни, по большей части незамысловатые и неинтересные. Предлагали пиво и сигареты, но мы стойко держались. Опасений, что машину не отдадут, у меня уже не было. Благодаря умениям Коли мы заполучили телохранителей, которые в случае чего постоят за нас своими кулаками. Этим же вечером наши новые приятели вызвались сопроводить нас до подъездов, чтобы

никто не пристал, не поколотил и не отнял деньги, которых у нас и так не было.

Коля из-за своей скромности отнекивался, благодарил, говорил, что и сам дойдет и ничего с ним не случится. Я больно пихнул его локтем в бок, чтобы у него на пару мгновений перехватило дыхание, и он замолчал, а когда задышал снова, то сказал, что согласен и даже будет признателен, если меня проводят до подъезда.

Собственно, от дружбы со мной старшеклассникам никакой пользы не было. На уроках они проходили то, что нам предстояло познать лишь через пару лет. Так далеко забегать вперед и читать их учебники, чтобы потом за них решать домашние задания, я не хотел. Вернее, попробовал, когда Гриша меня попросил. Но стоило мне только открыть его учебник алгебры, как от неведомых формул у меня тут же разболелась голова, перед глазами пошли какие-то желтые круги, я побледнел и чуть не упал в обморок.

— Во-во, а прикинь, как нам-то тяжело всю эту дрянь учить! Вот и тебе так же мучиться скоро, — говорил Гриша, усаживая меня на лавку, чтобы я и в самом деле не упал.

— Я раньше сдохну, — сказал я.

— Не, не сдохнешь, — предсказал Гриша. — Но крепок гранит науки — все зубы об него поломаешь.

Он улыбнулся, показывая, что у него нет двух верхних передних зубов. Сломал он их вовсе не о гранит науки, а о кулаки соседских ребят. Зубы эти были не молочными, а коренными, вот и придется ему, пока не накопит денег на стоматолога, ходить с дырой в верхней челюсти. Я бы на его месте говорил сквозь губы и совсем не улыбался, но Гриша этой прорехой гордился, считая, видимо, что она подчеркивает его героический характер.

— Ну, значит, не сможешь решить? — спросил он, уже догадываясь, что мне не под силу справиться с его задачками, но еще на что-то надеясь.

— Не получается у меня, — извиняющимся тоном ответил я.

— Ну, бывает.

Я мог сказать, что с сочинениями по литературе, письменными заданиями по истории или географии справлюсь. Но выросли мы в ту пору, когда все эти работы надо было сдавать не в виде компьютерных текстов, а написанными в тетрадке, а почерк — вещь узнаваемая и уникальная, как отпечатки пальцев. Подделать Гришин я не сумел бы. Не оттого, что он писал как врач в поликлинике, где даже коллеги могут разобрать лишь отдельные буквы. Напротив, у Гриши-то почерк был понятный, а вот про меня говорили, что я пишу как курица лапой.

Однако вскоре надобность во мне возникла. Наши старшие приятели оканчивали выпускной класс, и им при подготовке к экзаменам пришлось повторять все, что они проходили раньше. В головах у них был

только ветер. Порой мне казалось, что при трепанации их черепов врачи обнаружили бы там вместо мозгов остатки выпитого, прямо как в кубке какого-нибудь хана степняков, сделанном из черепа врага. Я иногда соглашался им помочь, благо задачи решал с той же легкостью, с какой белочка грызет орешки. Но все равно Коля для этой компании оказался несравнимо более ценным приобретением, нежели я.

На листочках во время уроков он рисовал вовсе не веселых человечков или прочую ерунду, которой мы, все прочие, занимали мозги, когда становилось неинтересно слушать учителя. Нет. Он рисовал мотоцикл — вернее, мопед, который был у наших старших приятелей, — и прилаживал к нему какие-то фантастические обвесы, передний и боковые обтекатели. А со стороны могло показаться, что он тщательно записывает слова, сказанные учителем.

Краем глаза я наблюдал за его художествами. Проект был гораздо сложнее, чем тюнинг моей машинки с дистанционным управлением. Это была уже серьезная работа. В дело пошел все тот же стеклопластик, из которого Коля спустя месяц, после многочисленных неудачных попыток, и соорудил задуманное. Никто его не принуждал. Старшеклассники и вообразить не могли, что он такое сможет сотворить. Он просто сказал им, что хочет немного поработать над их мопедом и сделать его, хотя бы внешне, не хуже тех мотоциклов, фотографии которых появлялись в глянцевого журналов.

На всякий случай они приволокли ему несколько мотоциклетных журналов, которые где-то смогли раздобыть. То ли утащили из ближайшего киоска, где продавалась пресса, вскрыв его ночью, то ли порылись в макулатуре, хранившейся в той убогой постройке, возле которой мы проводили первое испытание моей обновленной машинки. Не знаю, я этого не выяснял. Но в результате Коля получил в свое распоряжение обширный наглядный материал.

— Если еще какие журналы будут — тащите, — сказал он нашим приятелям. — Не обязательно, чтоб там про мотоциклы писали, пусть про машины. Они тоже мне пригодятся.

— И мне тащите — про путешествия, например, — вторил я ему.

Моя просьба осталась без ответа, а вот у Коли постепенно стала набираться библиотека, которую он хранил в отцовском гараже. Всякие старые журналы наподобие «Моделиста-конструктора» и множество новых. Он читал их с таким же вдохновением, как я — приключенческие и фантастические книжки.

Порывшись в его библиотеке, полистав эти журналы, я скривился, положил их обратно на полку, но не стал говорить, что Коля, изучая их, попусту расходует время. Ведь могло оказаться, что это я, читая всякую беллетристику, напрасно трачу жизнь.

Пока Коля тюнинговал свой первый мопед, у меня возникла мысль, что я могу написать рассказ наподобие тех, что печатаются в журналах.

Результат вышел хуже, чем у Коли. Времени это заняло много, но текст отвергли все журналы и газеты, куда я его посылал. Теперь-то я думаю, что его никто и не читал, потому что редакторы просто умирают под валом самотека, накатывающего на них каждый день. Невозможно ознакомиться со всеми бездарными произведениями, приходящими в редакции.

Зато Коля быстро начал купаться в лучах славы.

— Приходи поглядеть, что я с мопедом сделал, — позвонил он мне. — Ты его не узнаешь.

— А как я пойму, что это тот же мопед, если я его не узнаю? Может, тебе купили что-то заводское, а ты его за свою работу выдаешь!

— Ну, такого больше нет ни у кого, — сказал Коля, задумавшись на секунду. Никаких других аргументов, чтобы переубедить меня, он не нашел. — Так ты придешь?

— Приду, — сказал я. Мне уже до тошноты надоело пачкать бумагу своими мыслями, которые никому были не нужны. — Где вы?

Тест-драйв проводили неподалеку от жестяных гаражей, по крышам которых мы обычно бегали, перепрыгивая с одной на другую и представляя, что это крыши вагонов поезда. Подобные погони нередко показывают в разных боевиках. Я всегда задавался вопросом, как героям этих фильмов удается удержаться на крыше вагона, ведь у поезда приличная скорость и вагоны трясет на стыках рельсов. У нас тоже были враги в этих приключениях — хозяева гаражей, обещавшие, если поймают, надрать нам уши, но ведь они не могли постоянно сторожить свои владения.

Еще на подходе к гаражам я услышал рев работающего двигателя. Меня не дождались. Ну право, кто я такой, чтобы дожидаться моего прихода?

На меня никто не обратил внимания, когда я подошел в кучке ребят, наблюдавших за испытаниями мопеда. Из-за дыма, извергавшегося потоками из трубы и окутывающего облаком мопед, я не сразу разглядел, во что тот превратился.

На мопеде сидел Гриша. Он наворачивал круги, одной ногой упираясь в землю, газовал, разворачивая мопед вокруг себя, точно это была барышня, с которой он затеял танец. На голове у Гриши была советская железная каска времен Великой Отечественной войны, покрашенная ярко-зеленой краской — такой же, какой красили окрестные гаражи. Из-под покрывшек шел дым. Резина, и без того «лысая», могла от таких экспериментов и вовсе протереться до дыр.

Коля был прав, сообщив, что я не узнаю мопед. Я и так его не очень хорошо помнил, но сейчас он совсем изменился, как меняется тыква, которую фея временно, до полуночи, превратила в карету.

Спереди у него была какая-то странная конструкция, в которой я вдруг различил очертания человеческого лица. Причем фару втиснули как раз посередине лба, и из-за этого мопед спереди походил на циклопа

с разинутой пастью, из которой высовывался красный язык, прикрывавший переднее колесо. Голова переходила в раздутые, как у сытого животного, бока, спереди и сверху прикрывавшие ноги. На них были неумело нарисованы перья. Я догадался, что это сложенные крылья. Что же случится, если эти крылья раскроются? Мопед взлетит?!

— Ой, охреть! — сказал я, не сдержав восторга.

— Чё, нравится? — спросил Коля, наконец-то заметив меня.

— Не то слово, — честно признался я.

— Замучился я его делать. Но вышло, по-моему, хорошо.

— Не то слово, — повторил я.

Да с таким мопедом Гриша станет первым парнем на деревне и сможет на равных соперничать с новыми русскими, правдами и неправдами заполучившими в свое распоряжение старенькие БМВ, на которых они рассекали по району, время от времени устраивая между собой разборки, кому какую палатку, торгующую пивом, сигаретами и ширпотребом, крышевать.

— Я форму для переднего обтекателя из алебаstra делал, потом стеклопластиком обклеивал, — рассказывал мне Коля. — С боковыми-то попроще было. Но все равно, ох и намучился! Всю свою комнату извюзюкал. Мама на меня кричала постоянно, что я грязь развел в квартире, как свинья. Когда стал раскрашивать, ребята респиратор мне достали, а то совсем пришлось бы худо. Не дома раскрашивал. Там бы не продохнуть было, даже если на балконе рисовать. В гараже у Гришиного папы красил...

Вот с той поры и пошла о Коле слава по району.

С этого времени он вообще изменился, стал старше меня, что ли, хотя на самом деле мы одногодки и это я его старше на пару месяцев.

Один из гаражей — тех, зеленых, где проходили испытания и по которым мы так любили прыгать, — принадлежал Гришиному отцу. Там он хранил всякую рухлядь, для которой уже не находилось места в квартире, но выбросить которую было жалко. Вдоль жестяных стен стояли шкаф с разбитыми стеклами, какие-то комоды и столы, а в них — уже неработающие электроприборы. Прежде здесь держали машину, но она сломалась гораздо раньше знакомства Гриши с Колей. Коля бы ее наверняка починил, а вот ни один профессиональный механик сделать этого не сумел. Гришин папа говорил, что выгодно ее продал, но было видно, что он грустит о своей машине, как о жене, которая ушла к другому, а ты все никак не можешь ее забыть.

Теперь-то поставить машину в этом гараже было уже негде. Зато мопед отлично умещался, и еще оставалось немного незахламленного пространства для людей.

Вот здесь-то Коля и открыл ремонтную мастерскую. Не хотел он в этих целях использовать гараж своего отца: боялся, что рэкетеры могут приехать и у отца из-за него возникнут проблемы. Об аренде он дого-

варивался с Гришей. Своим родителям тот ничего не сказал и все деньги тратил на себя. Признался он во всем, только когда родители прижали его к стенке, выясняя, откуда у него деньги на выпивку и сигареты. Уже подумали плохое: что он грабит кого-то по ночам, — а когда открылась правда, были счастливы, что сын их никакой не преступник, и на радостях Колю из гаража не выгнали. Только Гришин отец попросил деньги за аренду отдавать лично ему, а он уж сам решит, сколько из них положено сыну на карманные расходы. Похоже, тому почти ничего не доставалось.

Коля теперь после уроков большую часть времени проводил в гараже, а иногда и вовсе не ходил в школу. Все что-то точил, пилил, варил и красил. Директор несколько раз вызывал его родителей и доводил до их сведения, что сын прогуливает занятия. Колины родители поначалу, после этих встреч с директором, устраивали сыну разносы, но у того было железное оправдание: мол, многие, кто получил высшее образование, сейчас нищенствуют, а бездари, наоборот, в люди выбиваются. И вот зачем тогда учиться?

Некоторые эксперименты с железяками уже приносили Коле небольшой доход. Выручку он не прогуливал, не пропивал, а нес в семью, так что родители в конце концов махнули рукой: дескать, парень правильно поступает — с малолетства осваивает профессию, так что всегда заработает себе на хлеб с маслом.

Аргументы для Колиной защиты придумал я. За это он позволил мне покопаться в той рухляди, что заполняла гараж Гришиного отца. Я нашел там механическую кофемолку, выпущенную еще до революции, и половинку журнала «Знание — сила» за тысяча девятьсот сороковой год с куском фантастической повести «Моряки Вселенной» писателя со странной фамилией Анибал*, которая у меня тут же вызвала ассоциацию с предком Пушкина. Все это досталось мне в личное пользование. Я посчитал, что выгодно продал свою идею, а так как идей в моей голове было пруд пруди, то решил, что, если буду хоть половину из них пристраивать, вскоре обзаведусь солидным капиталом.

В этот гараж мы притащили старый телевизор с еще деревянным корпусом. Первоначально в его конструкции не предусматривалась такая деталь, как входы для проводов от видеомагнитофона. Умельцы исправляли ситуацию, вставляя имплантат. Но дни таких телевизоров, даже усовершенствованных, были сочтены. Началась новая эпоха. После развала Советского Союза, когда деньги стремительно обесценивались и их надо было срочно куда-то девать, все обзавелись телевизорами нового поколения. А этот должен был оказаться на помойке, но мы его спасли. К телевизору мы приладили старый видеоплеер и устроили нечто вроде собственного кинотеатра.

* Борис Анибал (1900—1962) — русский советский очеркист, литературный критик, журналист, поэт, писатель-фантаст.

Я заметил, что фильмы, где за людьми носится какой-нибудь ма-
няк, вооруженный бензопилой, совсем не трогали Колю и не заставляли
дрожать от страха. Но стоило на экране возникнуть прессу, сминавшему
корпуса старых машин в железные кубы, — и Коля тут же хотел теле-
визор выключить. Еще несколько секунд он сидел в оцепенении, вспо-
миная увиденный ужас, а в ушах его, похоже, все слышался противный
звук, с которым пресс переламывает кости машин, рвет их кожу и сплю-
щивает внутренности.

— Согласен, очень они расточительны, — поддел я Колю.

— Да... — выдавил он из себя.

Время подпольных видеосалонов давно ушло, иначе мы могли бы
сделать нечто подобное из этого гаража и продавать билеты на сеансы.
Пришлось бы нам тогда очень скоро познакомиться с бандитами, ко-
торые крышевали в нашем районе малый бизнес до той поры, пока эту
функцию не взяли на себя представители органов власти.

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь, и, хоть клиентов у
Коли было немного, бандиты все равно прознали, что в одном из гара-
жей кто-то оказывает ремонтные услуги, не делится прибылью, наруша-
ет законы дикого рынка, и решили, что пора его проучить.

Надо же мне было оказаться в гараже как раз в то время, когда они
приехали знакомиться...

Я валялся на диване, у которого порвалась обивка. В прорехи лез-
ли пружины, щекотавшие бока и спину, как массажные иглы. Лежать
на диване, предаваясь мечтам, было моим обычным состоянием, когда я
оказывался в этом гараже, потому что другу своему я ничем помочь не
мог. В оправдание безделья у меня имелся железный аргумент, причем
Коля, на свою беду, мне когда-то его и предоставил.

— Ты же сам сказал, что у меня руки из жопы растут, — говорил я
Коле, когда он просил меня что-нибудь подержать.

— Ну-у-у... э-э-эм, — мычал Коля, придумывая, что бы мне воз-
разить. — Я погорячился. Не из жопы.

— А откуда?

— Ну я не знаю... Из плеч.

— Вот ты какой непостоянный! Как флюгер. А слово надо держать
и мнение свое отстаивать в любых обстоятельствах, — строго говорил
я ему, но, если от меня требовалось лишь что-то подержать и не более,
менял гнев на милость.

И в этот раз Коля, как всегда, возился на улице с какими-то железя-
ками. Я услышал, как подъехала машина, но подумал, что это очередные
клиенты, и насторожился, лишь когда до меня донесся грубоватый голос:

— Пацан, ты чего здесь работаешь? Долг, что ли, отработываешь?

— Нет, — ответил Коля хрипло, пересохшим горлом.

— Ты не бойся. Скажи нам. Мы разберемся, — продолжал вы-
яснять голос.

У меня сердце в пятки ушло, потому что я догадался, кто приехал. Насмотревшись всяких криминальных боевиков, я ждал, что вот прямо сейчас начнется стрельба и живым своего друга я больше не увижу.

Мне бы забиться в дальний угол, сесть по другую сторону дивана, спрятавшись за его спинкой, или вовсе лечь на пол и голову руками прикрыть. Тогда бандиты меня не заметили бы и у меня появился бы шанс без потерь пережить их визит. Но то ли любопытство мое пересилило страх, то ли возобладал товарищеский долг, всякие эти глупости вроде «сам погибай, а товарища выручай»... В общем, вместо того, чтобы затаиться за диваном, я медленно с него приподнялся, стараясь, чтобы пружины своим скрипом не выдали меня, и на цыпочках начал подкрадываться к входной двери.

Заглянув в щель между железным косяком и дверью, я увидел, что на улице стоит черная потертая БМВ, прозванная в народе «крокодил», а с Колей разговаривают два крепких парня в черных просторных джинсах, черных кожаных куртках и с толстыми золотыми цепочками на шеях.

Щелка была узкой, и я все никак не мог разглядеть лиц пришельцев. У них, похоже, еще не настолько заострено сердце, чтобы требовать мзду с чумазого школьника. Не подумали они, что это он здесь всем верховодит.

Пока я подбирался к двери, Коля успел уже разъяснить бандитам, что находится здесь по собственной воле. Надо деньги для семьи зарабатывать. Некоторые вот пиво с сигаретами перепродают, другие стекла у машин на остановках моют, а он делает то, что у него лучше всего получается.

— Хо! Ты знаешь, прибыльнее всего Родиной торговать да еще экспроприаторов экспроприировать, — усмехнулся один из бандитов, который был чуть пониже своего приятеля и заметно уже в плечах, но чувствовалось, что в этом дуэте он за главного. — Но таких смекалистых слишком много. Родины на всех не хватает. Экспроприаторов — тоже. Вот и случаются непонятки. Так что уж лучше ты занимайся починкой машин. Могу тебе работенку подкинуть, если с заказами беда.

— Номера на двигателях у угнанных машин перебивать или их на запчасти разбирать? — угрюмо спросил Коля.

— Пацан, ты что-то больно смелый! — опять усмехнулся бандит. — Но глядишь в корень и фронт работ правильно охватил.

— Не по мне такое, — честно признался Коля. — Вот хотите, чуток нос вашей машины оттюнингую?

— Да она ж тоже угнанная, — сказал бандит, бросив взгляд на свою машину. — Ты ж с такими не работаешь.

— Так я же не номер у нее на двигателе буду перебивать. Почем я знаю, что она угнанная?

— Ладно, работай, пацан. Если кто наедет, говори, что ты под крышей у Крокодила. Тогда отстанут. Когда разбогатеешь, я тебе счет представлю, с процентами. Так что богате́й быстрее, а то не расплатишься.

Бандиты уехали. Коля все никак не мог вернуться к работе и стоял столбом, глядя в проем между гаражами, где скрылась БМВ. Я наконец-то выбрался из своего убежища. Что сказать, я не знал, но Коля сам заговорил:

— Вот ведь, крышу себе раздобыл... Ты слышал?

— Да. Но если кто придет деньги выбивать, я бы не стал на этого Крокодила так безоглядно ссылатся. Вдруг тот, кто придет, окажется его лютым врагом? Тогда нам точно не поздоровится.

— Посмотрим, — сказал Коля.

Никто не приехал. А Коля не разбогател. Но и счет ему никто уже не мог предъявить. Спустя полгода по местному телевидению показали сюжет о перестрелке между бандитами, в которой с обеих сторон полегло с десятков человек. Это была бойня, как в американских фильмах. Рассказывая подробности, корреспондент вместе с именами погибших приводил и их прозвища. Первой прозвучала кличка Крокодил. Узнав об этом, Коля немного расстроился, но вовсе не так, как надо расстраиваться, когда теряешь своего ангела-хранителя.

Я уговаривал его поехать на похороны, благо информации о том, где и когда они состоятся, было в избытке. Я вовсе не горел желанием воздать почести убитым. Просто все новое мне тогда было жутко интересно. Криминальные похороны к этому тоже относились. Но у Коли образовался какой-то срочный заказ. Мой друг буквально дневал и ночевал в гараже и составить компанию мне никак не мог, а ехать одному на кладбище было скучно.

Коля выбрал время, чтобы сходить на кладбище, лишь через пару месяцев. Над могилой уже успели поставить бесформенный черный гранитный монолит. Имя покойника на нем не выбили, а лишь написали: «Крокодил». Зато нам не пришлось долго искать эту могилу. Мы-то знали, кто в ней лежит. Рядышком высилось еще четыре похожих памятника. На них тоже не было имен. Видно, те, кто устраивал похороны, считали, что прозвища будут помниться дольше, но они ошибались.

— Его хоронили в машине или в обычном гробу? — спросил я, найдя-таки повод мрачно пошутить.

— А? — переспросил Коля.

— Он ездил на машине, которую тоже прозвали «крокодил», — пояснил я.

— А, вот ты о чем! — Коля улыбнулся. — Нет, наверное.

— А зря. Так было бы почетнее.

С потерей ангела-хранителя надо было ожидать всяческих неприятностей. Но жизнь тянулась, как и прежде, а изменения случались сами по себе, потому что этот бандит вовсе не был Колиным ангелом-хранителем.

Пока я терял зря время, пытаюсь стать писателем, а наши одноклассники старались выбиться в менеджеры или юристы, Николай по-

ступил в колледж на автослесаря, а потом — на вечернее отделение в автодорожный институт. Конкурс там был чуть ли не меньше одного человека на место, так что мне почти не пришлось его натаскивать по теории, а уж что касается практики, так равных ему на всем курсе точно не было.

К моменту окончания школы я уже пропихнул десяток статей в районную газету, поэтому мог попытаться счастья на вступительных экзаменах на факультет журналистики местного университета. Мое испытание вышло посложнее, чем у Коли: претендентов было гораздо больше, — но все же я, хоть и со скрипом, его выдержал.

С собственной практикой Коля завязал и теперь подрабатывал в маленьком частном автосервисе. Он брался за самые безнадежные случаи, говоря:

— Если уж я восстановлю эту рухлядь, то смогу сделать все что угодно!

Его коллеги по сервису, слыша такие слова, сначала крутили пальцем у виска. Куда проще заклеить резину или поменять несущественную деталь в машине: работа не очень долгая и оплачивается хорошо, а вот с восстановлением какого-нибудь калекки, которому впору отправляться под пресс, до смерти намучаешься, и еще не факт, что вернешь машине жизнь. И клиенту такая работа влетит в копеечку. Проще новую машину купить, а старую на улице бросить, как зверушку ненужную. Глядишь, кто и подберет. Но скорее на запчасти растащат, как стервятники растаскивают по кускам мертвую тушу.

Но Коля заранее обговаривал, во сколько встанет восстановление машины, и никогда не повышал расценки, даже если приходилось возиться гораздо дольше, чем он первоначально планировал. Себе он брал лишь самую малость, главным для него было уговорить клиента, чтобы тот руки не опустил и не отправил покореженную машину под пресс. Коля обещал, что сделает ее лучше, чем она была. Все знали, что согнувшийся гармошкой корпус, когда его вытянут, по прочности прежним уже не будет и может вновь сложиться по тем же сгибам от слабого удара. Но на такие аргументы Коля только рукой махал:

— Я сделаю так, что не согнется.

И действительно — делал! Он мог сутками не выходить из мастерской, пока не вдохнет в машину новую жизнь. Он восстанавливал их и после лобового столкновения, и после перевертыша. Сослуживцы вскоре перестали над ним подшучивать.

Слух о мастере с золотыми руками разнесся по всей округе. Клиенты повалили валом, и никому, кроме Коли, не хотели доверить свои побитые машины, даже если там была простая царапина на крыле, которую можно замазать и в домашних условиях. Конечно, Коля не мог справиться со всеми заказами. Владелец сервиса поставил его руководить бригадой механиков, чтобы, с одной стороны, не сам Коля все своими

руками делал, а с другой — клиентам можно было сказать, что поломку исправляли под его руководством, и это уже было как знак качества.

— Волшебник! — разводил руками хозяин мастерской, осматривая очередную восстановленную машину, которая должна была уже окончить свой век в челюстях прессы. — Как тебе это удается?

— Колдую потихоньку, — улыбался Коля.

Самым страшным для его работодателя — конечно, после пожара и налоговой инспекции — было опасение, что Коля переметнется к конкурентам. Тогда на бизнесе можно ставить крест.

Героями Коли стали не банкиры, которые перевели в офшор очередной миллиард долларов, а три парня, что накануне уборочной собрали в своем загибающемся от долгов колхозе из пяти покореженных комбайнов три исправных. Работали ребята в мастерской, в которой прохудилась крыша и зияли пробоины в стенах, будто после обстрела. Зимой в такой мастерской очень холодно. Без перчаток руки к металлу прилипнут, потом и не отдерешь. У парней были чумазные лица. Вытирая их ладонями, мастера только размазывали по коже грязь и смеялись, наблюдая за тем, как в черных клубах дыма двигаются собранные ими монстры. Так и хотелось написать на ржавых корпусах этих комбайнов: «На Берлин!»

— Еще повоюем! — только и могли сказать эти парни.

Лица в эти мгновения у них светились счастьем.

Так уж вышло, что сюжет про них снял я, когда проходил практику на областном телевидении. Руководство канала мой сюжет отметило и даже выплатило мне небольшой гонорар, хотя первоначально предполагалось, что я буду работать исключительно «за интерес» и за возможность получить немного практического опыта. Гонорара хватило лишь на то, чтобы посидеть в одном из городских кафе, куда я и пригласил Колю немного поболтать.

— Вот что ты на дядю чужого горбатишься? — спрашивал я. — Арендывал бы мастерскую да собственное дело открыл. Прибыль-то побольше будет!

— Считай, что я пока себе зарабатывал имя.

— Так заработал ведь уже. Ребятам тех, что я в сюжете показал, к себе перемани. Из них хорошие помощники выйдут.

— Можно, конечно. Но как подумаю, что надо столько бухгалтерии и прочих документов вести, налоги платить, проверки разные начнутся чуть ли не каждый день, — руки опускаются. Когда я не хозяин, у меня от этого голова не болит. Меня пока что все устраивает.

Масло и грязь въелись в кожу у него на ладонях и забились под ногти. Отмыть их получалось редко. В стародавние времена, когда плакаты с передовиками производства, как говорят, висели по всему городу, Коля мог бы такими руками гордиться, а теперь он их стеснялся и даже летом предпочитал ходить в перчатках из тонкой кожи, будто его руки обезо-

бражены шрамами. Из-за этого у него не ладилась отношения с девушками. Тут я ему мог дать много-много очков форы. Но мне казалось, что ему скучно обсуждать разные вечеринки и дискотеки, да, признаться, и мне эта тема была не очень интересна.

— Как знаешь, — сказал я. — Не буду тебя уговаривать. Но ты еще раз подумай. Все равно же развиваться надо. Тот, кто не развивается, — деградирует.

— Это да. А ты-то как?

— Нормально, — сказал я.

У меня уже начали сползать розовые очки с глаз. Я видел, что занятие журналистикой не такая хорошая работа, как мне казалось прежде, потому что, пока пишешь то, что выгодно властям, ты живешь более-менее спокойно. Но уж если начинаешь критиковать их за плохие дороги, разваливающиеся дома и украденные бюджетные деньги — получишь кучу проблем. А кому нужны проблемы?

На встречу Коля приехал на пятилетней «тойоте». Видимо, мои постоянные упреки, что он сапожник без сапог, ему надоели и он решил эту тему закрыть.

— Ты-то думаешь обзавестись собственным транспортом? — спросил он.

— Надеюсь, что скоро обзаведусь. Коплю помаленьку, по мере возможностей. Как бабла побольше срублю, так сразу к тебе обращусь за помощью. Я ведь ничего не понимаю в этом. Мне любую рухлядь всучить могут, которую чинить замучаешься. А чинить, замечу, придется тебе. И только попробуй с меня за это деньги взять! Обижусь.

— Не возьму, не переживай.

— Спасибо, конечно. Но, в общем, в твоих интересах найти мне не ведро с гайками, а просто ведро.

— Когда к поискам приступать?

— Скоро. Пока не буду разглашать подробности, а то ведь дело может и не выгореть.

— Всякое может быть. Но ты-то про мое «поле чудес» знаешь. И я все верю, что до него доберусь.

— Так ты еще не расстался с идеей отправиться на американские автомобильные свалки? — удивился я, вспоминая давний наш с ним разговор. — Разве того хлама, что со всей Европы, Америки и Японии к нам за последние годы повезли, тебе не достаточно?

— Не, не достаточно, — махнул Коля.

Я действительно боялся рассказывать Коле о том, что устроился в избирательный штаб одного из кандидатов в депутаты Госдумы и в том случае, если кандидат этот заполучит заветный мандат, рассчитывал значительно улучшить свое материальное положение.

В избирательной кампании побеждает обычно тот, кто обещает землю крестьянам и фабрики рабочим. Когда добьешься власти, о своих

обещаниях можно забыть, ссылаясь на то, что ситуация в стране трудная и выполнить их просто невозможно. А можно и вовсе не вспоминать и ни на что не ссылаться. Умом избиратели всегда понимают, что им врут, но душой тянутся за тем, чья сказка красивее. По сказочности обещаний кандидат, на которого я работал, ничем от своих соперников не отличался.

В команде, отвечающей за его пиар, мне отводилась незначительная роль — раздавать на улице листовки, расклеивать их повсюду, где на них мог наткнуться взгляд избирателя. Следуя этой логике, надо было расклеить предвыборную агитацию на внутренней стороне дверей туалетов в каждой квартире, так чтобы избиратель, в очередной раз отправляясь по малой или большой нужде, видел перед глазами листовку и за неимением других развлечений принимался ее изучать. Фамилия кандидата отпечаталась бы у него тогда в подкорке мозга, и, придя ставить галочку на избирательном листе, он автоматически сделал бы нужный моему работодателю выбор. Бюджетно, не надо платить за рекламное место.

С этой идеей к начальнику избирательного штаба я не пошел: была у меня еще одна, и получше. Но и ею я не стал делиться со своим непосредственным руководителем, побоявшись, что он ее присвоит и все лавры достанутся ему, а я останусь у разбитого корыта. Вернее, у ведра с гайками. Вернее, даже без этого ведра, потому что денег мне не хватит и на него.

Я мало чем рисковал. Всего лишь копеечной зарплатой, которой лишусь в том случае, если моя затея провалится и меня погонят из избирательного штаба поганой метлой. Те же самые копейки я заработал бы, переметнувшись в штаб конкурента, подрядившись раздавать листовки уже с его физиономией и аналогичными обещаниями. Мне ведь, по сути, было абсолютно наплевать, кто выиграет эти выборы. А если меня внесут в черный список и ни один из кандидатов не захочет бросить мне косточку — что ж, превращусь в человека-бутерброда. Взвалю на себя два картонных щита с логотипами какого-нибудь супермаркета и буду его рекламировать, расхаживая по улицам города. Надо только лицо балаклавой прикрыть, а то вдруг повстречаю кого-то из знакомых.

При любом раскладе мне пришлось бы копить на машину несколько лет. Меня такая перспектива не устраивала. Я решил сорвать джекпот.

Подкараулив кандидата в предвыборном штабе, я тут же, пока он, опешив от моей наглости, не послал меня на три буквы, выложил, что избирательную кампанию надо строить не на обещаниях, а на исторических параллелях. Обещать никому ничего вообще не надо. Давить надо на патриотизм.

— Помни о нашем славном прошлом! Думай о нашем славном будущем! Сделай правильный выбор! — выпалил я ему рекламный слоган, пока он хлопал веками и пытался понять, чего от него хотят.

Дальше я начал пояснять, что на плакате надо изобразить наших известных соотечественников, в том числе и адмирала Никополева, чей памятник стоял в самом центре города. Помещать рядом изображение кандидата не стоит, достаточно упомянуть лишь его имя, но и так избирателям станет ясно, что наши великие соотечественники как бы нахоятся в его команде и поддерживают его.

— Ты кто? — спросил наконец кандидат.

Я увидел, что идея ему понравилась и он начинает ее обдумывать.

Я представился, сказал, чем занимаюсь, добавил, что способен на гораздо большее и хочу быть не простым статистом на этих выборах, а сделать все от меня зависящее, чтобы мой работодатель стал депутатом.

— Молодец! — похлопал меня по плечу кандидат. — Есть еще идеи?

— Есть, — кивнул я.

— Хорошо. Пошли — поболтаем.

Болтали мы в самом дорогом ресторане города. Прежде меня и на порог сюда не пустили бы. Все столики здесь бронировала местная элита. Я в лучшем случае чашку кофе смог бы себе позволить. Одну. И то она такую дыру проест в бюджете, которую придется еще долго латать, будто заказал не кофе, а расплавленное золото.

Одежда моя тоже не соответствовала этому заведению. Но в обществе кандидата в депутаты местные охранники пустили бы меня внутрь не то что в вытертых джинсах и майке, а даже в пижаме. И даже без нее. Еще и дверь передо мной отворили бы и не закрывали, пока я не войду.

— Сука ты, Левашов! — сказал прежний руководитель избирательного штаба, передавая мне дела на следующий день после моих посиделок с кандидатом. — Вот пригнул я змею на груди! Впредь умнее буду. А ты по головам идешь. Этак и свою расшибить можно.

Снятие с должности стало для него полной неожиданностью. Он кинулся к нашему работодателю в кабинет, умолял оставить все как есть, но тот был непреклонен.

Я молчал. Незачем расшаркиваться перед поверженным противником. Но и врагом его делать тоже не стоит. Поэтому я придал лицу непонимающее выражение и пожал плечами:

— Вот уж не знаю, отчего так вышло.

— Все ты знаешь. Мне сказали, что ты с Евгением Петровичем вчера в ресторане сидел.

— Но мы же на общее дело работаем! — разводил я руками, все так же изображая непонимание.

Проиграй мой кандидат на выборах, нашлась бы куча желающих открутить мне голову за такие проделки. В очередь бы вставали, чтобы меня проучить за то, что высунулся. Несколько недель я ходил по краю пропасти, хотя совсем этого не осознавал из-за адреналина, бурлящего в крови. Но все обошлось.

К тому же мне повезло, что предвыборный штаб нашего основного конкурента допустил фатальную ошибку, напечатав громадным тиражом плакат, на котором была надпись: «Я не сижу сложа руки», а на фотографии под ней наш конкурент как раз и сидел за столом со сложенными руками. Этими шедеврами агитации обклеили весь город, и мы успели вдоволь поглумиться над соперником, прежде чем его пиарщики опомнились и выпустили новые плакаты. Они опоздали. Мы вырвались вперед и на выборах заняли первое место.

— Хочешь, со мной в Москву поедешь? — предложил мне Евгений Петрович сразу после того, как в избиркоме подсчитали голоса и объявили результат. — Пресс-секретарем у меня будешь.

— Мне еще доучиться надо, — сказал я.

Такого предложения я не ожидал и сказал первое, что пришло на ум. Потом-то у меня в голове помутилось от тех перспектив, которые я упустил: от возможности осесть в столице и присосаться к телу, то есть к финансам, нового депутата. Но, наверное, у меня не вышло бы работать пресс-секретарем. Не мое это. Там нужны люди с более покладистым характером. Все же лучшее решение — то, что сразу приходит на ум. Правда, не всегда его надо тут же оглашать.

— Это правильно, — сказал Евгений Петрович. — Доучивайся. Тебе же еще год остался? — И, не дожидаясь, когда я отвечу, потому что наверняка, прежде чем сделать меня начальником избирательного штаба, он ознакомился в подробностях с моей биографией, продолжил: — Диплом получишь — вот тогда поговорим. Я же безвылазно в Москве сидеть не стану. Сюда часто буду приезжать. В приемную мою заходи. И звони, если что, — мобильный мой знаешь. Не пропадай, в общем. С трудоустройством, думаю, проблем у тебя не будет. Чувствуется в тебе перспектива.

Настроение мое еще больше поднялось, когда выяснилось, сколько же Евгений Петрович отвалил мне денег за успешное проведение избирательной кампании. Раньше я в самых радужных мечтах рассчитывал лишь на ведро с гайками, которое Коля доведет до ума. Теперь мне по карману была приличная машина. Пусть не новая, но Коле с ней точно долго не придется возиться.

— Я тут немножко денежек заработал, — позвонил я ему и сообщил, какой суммой располагаю.

— Ого! Ты что — банк ограбил? — спросил он.

— Не, — сказал я. — Джекпот в игральном автомате выиграл.

— Везет же некоторым! — сказал Коля. Он не знал, чем я занимался на протяжении последних недель, и моего объяснения ему было вполне достаточно. — Ты поосторожнее с этим. Проиграть ведь все с потрохами можно. И еще в долги влезть.

— Ой, будто ты не знаешь, что риск — благородное дело и тот, кто не рискует, не пьет шампанское! Ну и прочую дребедень.

— Знаю, знаю. Только я не люблю шампанское.

— Я тоже. Но ты не заговаривай тему. Знаешь, зачем звоню?

— Догадываюсь.

— Поищешь?

— Уже нашел. Но не думал, что ты так разбогатеешь. Надо что-нибудь поинтереснее присмотреть. Как буду готов — позвоню.

— Давай. Только ты автомат бери. Коробку в смысле, — пояснил я, почувствовав, что на другом конце связи Коля напрягся от моих слов. — С механикой я не в дружбе. Кстати, а что это мы по телефону разговариваем? Можем кофе попить и поболтать.

— Да я с удовольствием, но на работе с утра до вечера. И еще учеба. Ты не подумай, что встречаться не хочу. Устаю сильно. Мне до кровати бы доползти и поспать вволю.

— Ладно, не буду тебя отвлекать. Звони.

Мне, действительно, показалось, что он не горит желанием меня повидать и уж тем более не будет мне искать машину. Как же я удивился, когда на следующий день после обеда мой телефон зазвонил и на дисплее я увидел Колин номер.

— Я кое-что откопал. У тебя как со временем? — спросил Коля так, будто это я делаю ему одолжение, а не он — мне.

— Найду, — сказал я, едва сдерживая дрожь в голосе.

— Ты там, когда ее увидишь, не смотри, что она неказистая. Не «мерседес» и не БМВ. Но хорошая машина. Я уже проверял.

— Ой, а что ж ты мне тогда добыл? «Запорожец»?

— Нет, тоже немца. «Опель». Я тебе из нее конфетку сделаю. Все на тебя смотреть будут. Только это между нами. Когда с продавцом будем разговаривать, ты морду кирпичом делай — ну что не сильно нравится она тебе.

— Само собой, — сказал я.

Ловить такси я не стал: считал это напрасной тратой денег. Пока доехал на перекладных до указанного Колей места, успел успокоиться, сердцебиение улеглось. Иначе не шел бы я на эту встречу, а бежал вприпрыжку, будто на первое свидание.

Коля уже меня ждал вместе с еще каким-то парнем лет под тридцать. Они стояли возле спортивного «опеля». Машина мне издала понравилась, я просто почувствовал, что она скоро станет моей, но скрывал свой настрой, следуя Колиным инструкциям. Он представил мне парня, и мы пожали друг другу руки. Коля кивнул на машину, спрашивая, что я о ней думаю, а я сказал только:

— Ну... нормально.

Обычно продавцы свои машины нахваливают, говорят, что она еще до Луны дотянет и обратно вернется — такой у нее пробег скромный, а запас хода просто космический — и что почти ничего чинить не надо... Но парень молчал и все на Колю поглядывал. Ждал, что тот скажет.

Видать, Коля уже посидел в машине, завел ее, послушал, как работает двигатель, а если он проехал сотню-другую метров, да через какого-нибудь лежачего полицейского переступил или другую кочку, то мог теперь рассказать про все ее хворобы лучше хозяина.

— Ты в машину садись. Осмотрись, как она тебе. Проедься чуток. А я рядышком могу посидеть, — предложил Коля и протянул мне ключи. — Хозяина на заднее сидение посадим, чтоб не подумал, что мы ее угнать хотим.

— Да я ничего такого и не подумал, — вставил свою реплику парень.

Пока мы делали круг почета вокруг дома, протискиваясь между припаркованными машинами и проваливаясь в громадные прорехи в асфальте, объехать которые не было никакой возможности, Коля рассказывал мне о болячках этого автомобиля. В зеркале заднего вида я наблюдал, как от Колиных слов морщился хозяин машины, будто это ему диагноз ставили. Но диагноз был не смертельным. Не страшнее простуды.

Я сидел с умным видом, молчал и только кивал иногда. Большая часть того, что Коля рассказывал, звучало для меня откровением, а вернее — просто тарабарщиной. Я боялся, что каким-нибудь глупым вопросом выдам себя и хозяин машины поймет, что я полный «чайник». Знаю только, что у машин есть четыре колеса, руль и коробка передач — механическая или автомат, а куда бензин заливать — мне уже надо показывать. Пока я был в его глазах до безобразия крут. Ас из асов. Потому что ни с кем иным, на его взгляд, Коля дружбу водить не мог. Парень, похоже, не понял, что мой водительский стаж измеряется несколькими часами.

— Цена вопроса какая? — спросил я, ознакомившись с товаром.

Коля еще до встречи со мной явно провел очень подробную разъяснительную беседу с хозяином машины, по полочкам разложил, что не так и во сколько встанет решение каждой проблемы, и наверняка существенно сбил первоначальную цену. Оглашенная сумма не показалась мне большой. По миру с протянутой рукой идти не придется, и от моих сбережений останется и на прокорм, и на развлечения.

— Ну раз такое дело, согласен, — сказал я.

Мы ударили по рукам, сгоняли ко мне домой за деньгами и оформили сделку. Парень был рад, что отдает машину в хорошие руки. Вообще-то, они у меня по-прежнему росли не из нужного места, но он этого не знал.

Права свои я не то чтобы купил, а заполучил по дружбе, использовав многоходовую комбинацию с привлечением к реализации этой затеи нужных лиц. Водить я почти не умел. На такой сноровистой машине велика была вероятность, что я заторможу, уткнувшись бампером в ближайший столб. Коля допустил меня за руль, но вот ставить эксперимен-

ты не позволил. Мне показалось, будто он обещал прежнему хозяину, что с машиной ничего скверного не случится. Если я ее разобью, Коле будет стыдно людям в глаза смотреть.

— Во-первых, ты водить не умеешь, — начал он.

— Умею немного. Да и в этом вопросе — как в плавании: бросили в воду — выплыл, значит, плавать научился.

— А если не выплывешь?

— Я про такие случаи не знаю. Вот анекдот вспомнил, как папа мальчика бросил в воду с лодки. Тот до берега доплыл и на папу клязгу в органы написал — про покушение на убийство. Вот так он писать научился.

— Смешно.

— Ага. А ты что предлагаешь? Мне уроки в автошколе брать скучно.

— В гробу лежать еще скучнее.

— Ну вокруг дома-то я проехал!

— К шумной улице ты еще не готов. Я немного тебя поучу.

— Хорошо. Ты сказал, что это во-первых. А что тогда во-вторых?

— Я эту машину немножко переделаю.

— Хорошо, — сказал я, даже не думая спорить с таким предложением. — Выходит, что это я тебе машину купил.

— Совсем так не выходит! — обиделся Коля. — Могу и не переделывать, а сейчас тебя в нее усадить и в добрый путь направить. Но на кладбище не приду. Пусть тебя без меня хоронят.

— Ладно, не обижайся, — сказал я примирительно.

Что-что, а Коле я мог доверить все что угодно, даже свою машину, нисколько не опасаясь, что он на ней отправится грабить банк, а после этот налет спишут на меня.

Это он, конечно, мягко сказал: «Немного переделаю». В том, что Коля мне продемонстрировал через пару месяцев, прежняя машина едва узнавалась. Разве что колес осталось столько же, сколько было, и фары прежние. И во внутренностях он наверняка не сильно копался.

Я не могу описать, что с ней стряслось. Она просто стала другой, как будто прежде была гусеницей, а пока я ее не видел, завернулась в кокон и вот теперь вновь выбралась наружу, превратившись в бабочку.

Коля выкрасил ее в небесно-голубой цвет. Всполохи огня вырывались из-под колес, даже когда машина стояла на месте, и растекались по бортам. Сзади на багажнике он поставил антикрыло, изменил форму бамперов, приделал обвесы и заменил диски.

Я с трудом сдерживал восторг, порывался от счастья запрыгать, закричать на всю улицу, как участники программы «Тачку на прокачку», увидевшие, во что превратили их рухлядь. Но я-то Коле не рухлядь отдавал, у которой постоянно что-то отваливается, как у полуразложившегося зомби, а вполне приличный автомобиль, поэтому и сдержался.

А еще, наверное, оттого, что участников программы снимали на видеокамеру, а за мной в ту пору камеры еще не таскались и мне свои эмоции, кроме Коли, демонстрировать было некому.

Я подумал, что он изменился, как врач, который раньше не выносил даже вида человеческой крови, а теперь спокойно копается во внутренних людях, потому что иначе их не вылечить. Вот так же он мог потрошить нутро любого автомобиля, чтобы спасти его от свалки. А ведь когда-то его корежило от фильмов, где разбивались машины.

— Ну и ну! — сказал я. — Космос! Отправь в программу «Тачку на прокачку» фотографии, как эта машина выглядела раньше и что ты из нее сделал. Тебя обязательно возьмут в дружную команду рэпера Экзибита. А там и до твоих вожделенных свалок уже рукой будет подать.

— Ага, — сказал Коля. — Тебе нравится?

— Еще спрашиваешь! — Мне хотелось побыстрее проехаться по центральным улицам города, посмотреть на реакцию прохожих и водителей. — Не взлетит, когда я ее заведу и нажму на газ? Ты там, случаем, реактивный двигатель сзади не установил?

— Не. Не нашел. Нашел бы — установил бы.

— Ох, повезло же мне! Тогда покатаемся, что ли? Ты же мне руль теперь доверишь?

— Теперь — да.

В течение следующего месяца после покупки Коля чуть ли не каждый день обучал меня основам вождения, и я ощущал себя за рулем все увереннее. Некоторую дрожь в коленках я поначалу все же испытывал. Но она прошла, стоило мне проехать десяток-другой метров.

Душа моя ликовала. Вот только бы не попасться на глаза прежнему хозяину машины. А то он узнает, что потерял, бросится, перегораживая дорогу, начнет рубашку (или что там на нем будет) рвать и кричать, что его обманули, сделку он расторгает и «такая корова нужна самому». А ведь в эту машину уже столько труда вложено, что он и не расплатится.

— Ты мне поставил новые диски, — рассуждал я, изредка поглядывая по сторонам.

Прохожих не было. Мы только выбирались из промзоны, где располагалась мастерская, в которой работал Коля. Здесь больше было бездомных собак, чем людей. Минута моей славы еще не настала.

— Сам-то ты их уж точно не мог сделать. Чай, из своих честно нажитых капиталов потратился? — Сказав это, я скосил взгляд на Колю. — Сколько я тебе за них должен?

— Нисколько, — сказал Коля.

— Это еще почему?

— Да потому, что ты мне всегда помогал решать домашние задания и денег за это не брал. А репетиторство нынче удовольствие не из дешевых. Без тебя я в институт не поступил бы. Считаю, что я тебе отдаю долги.

— Ни хрена себе! — удивился я. — Вот, значит, как мои услуги высоко ценятся? Ты там поспрошай у знакомых, не надо ли какую бес-толочь по литературе, истории или географии поднатаскать. Недорого возьму. Не колесными дисками и даже не борзыми щенками, а всего лишь презренным металлом.

— Не знаю я, — сказал Коля, для вида сморщив лоб, будто и вправду раздумывал.

— Да шучу. Расслабься. Я вот одного не понимаю: отчего ты себе что-нибудь подобное не сделаешь?

— Зачем? Моя машина хорошо ездит. Мне этого достаточно. А тебе нужно еще и внимание.

— Да уж, — кивнул я, улыбнувшись.

Прохожие провожали нас долгими взглядами. Водители ехали следом, пристраивались сбоку, обгоняли или отставали, а потом заходили с другого бока, чтобы рассмотреть машину со всех сторон.

Стоило мне улыбнуться какой-нибудь симпатичной девушке, сидевшей за рулем, как в ответ на ее губах тоже расцвела улыбка. Открой я окошко, мог взять телефон у любой и договориться о встрече этим же вечером.

Темнело. Я не нашел ничего лучшего, чем предложить Коле посидеть и послушать музыку в одном из популярных клубов. Возле каждого из них собиралась внушительная очередь. Охранники, приставленные досматривать посетителей, далеко не всех пропускали, пусть гости и потратили месячную зарплату на одежду и стилиста.

Но моя машина была входным билетом, с которым нас пустили бы, даже окажись мы грязными, как бомжи, что провели минувшую ночь в мусорном баке, и ели из него же, и там же нашли себе что-то, чем можно прикрыться. Даже Колины перчатки не вызвали у охранников подозрений. Уж не знаю, за кого они его приняли: за музыканта, который боится поранить руки, или за сумасшедшего, не желающего прикасаться к тому, до чего дотрагивались чужие руки. На месте охранников я, скорее, подумал бы, что Коля — матерый медвежатник, для которого вскрыть сейф — детская игра, и что он просто не хочет оставлять свои отпечатки. А в клуб мы зашли не потанцевать, попить кофе и кого-то «снять», а чтобы опорожнить сейф, где хранилась вся вырочка.

Охранники молча отомкнули цепочку, перегораживающую дорогу в клуб, и посторонились, давая нам пройти.

Вот тогда-то я и понял, что машина волшебная. Она превратила мою жизнь в сказку. Где бы я ни очутился, откуда ни возьмись появлялись девушки: одна, две, а то и целая стайка. Они просили у меня разрешения сфотографироваться на фоне машины. Самым симпатичным из них я позволял посидеть за рулем, и они буквально навязывали мне свои номера телефонов.

Все шло в руки само. Мне не надо было первым заводить разговор с девушкой, приглашать ее в ближайшее кафе. Они сами делали мне такие

предложения, радовались, если я соглашался, и расстраивались, если отказывал. А сердце мое было слабым и просто кровью обливалось, когда я читал в девичьих глазах, что мой отказ стал причиной их печали. Вот я и не мог отказать.

Видно, в этой машине был какой-то магнит, притягивающий девушек. Задумался я об этом только через несколько лет, когда на «пиратском» диске посмотрел фильм «Борат». Там есть эпизод, где главный герой, приехав в Америку, заходит на стоянку подержанных автомобилей и спрашивает у продавца, есть ли у того машина с магнитом для девушек. Продавец его не понимает. Я в этот момент улыбнулся, подумав, что надо позвонить Коле и спросить, где же он такой магнит в моей машине установил.

— Долго же до тебя доходило! — ответит он. — Но я тебе не скажу, где этот магнит. Даже не проси.

— Ты на другие машины его тоже устанавливаешь? — спрошу я.

— Нет, только тебе.

Его голос будет искажен помехами, но все равно мне покажется, что Коля сидит дома, на соседней улице, а вовсе не на другом краю земли, куда он так хотел уехать и в конце концов уехал.

Работал он не разгибая спины, получал прилично, а тратил мало, так что к окончанию института скопил небольшой капиталец. Деньги в любом виде — вещь рискованная. Под подушкой или в стеклянной банке держать их плохо. Могут прийти люди в черных масках и все отобрать. На банковских счетах — тоже ненадежно. Банк легко может лопнуть, например, потому, что его руководство, потратив деньги вкладчиков на недвижимость за рубежом, сбежало. И пойдешь их потом найди, чтобы ледорубом волосы расчесать за такие проказы.

Коля все же рискнул. И случилось чудо — деньги его не превратились в воздух, остались на счетах и даже немного приросли процентами. Какое-то время на далекой чужбине он мог протянуть и осмотреться, не боясь, что встретит голодную и холодную смерть под каким-нибудь мостом.

Он позвонил мне, как только получил диплом об окончании института. Я тогда и сам буквально на днях окончил свой и весело отмечал это событие с бывшими сокурсниками, и не только с ними. Язык меня не очень слушался, а голова болела. Смысл Колиных слов до меня дошел не сразу. Коля рассказывал, что ему дали временное разрешение на работу в США, он уже оформил визу, купил билет на самолет и на днях уезжает.

— А-а-а! — закричал я в трубку, и слова мои в моей же голове начали отдаваться барабанным боем: — На кого ж ты меня бросаешь, гад?! Как я без тебя машину свою чинить буду? Ты вот все о себе думаешь. Нет чтобы и о друзьях подумать!

— А ты поаккуратнее води, и прослужит она тебе долго. — Коля понимал, что я шучу, и не принимал мои причитания всерьез.

— Постараюсь, — сказал я. Голос мой мгновенно сделался грустным.

Мы, конечно, устроили вечеринку, на которую пригласили нескольких наших общих приятелей и подруг. Все мы вот уже несколько лет жили в разных мирах, и когда эти миры пересекались, становилось ясно, как сильно различаются круги нашего общения.

Я не уговаривал Колю остаться. Каждый человек должен попробовать осуществить свою мечту. Даже если у него не получится или вдруг мечта окажется совсем не такой, как он думал, он должен это попробовать. Иначе до скончания дней будет мучиться от мысли, что упустил свою птицу счастья.

Оказалось, что Коля все же выслал американцам фотографии своих работ — не в программу «Тачку на прокачку», а в несколько серьезных мастерских, — и ему обещали помочь с трудоустройством.

«Ох, как бы не обманули! — переживал я. — Ладно, если только деньги отберут, а то ведь и пришить могут. Кто его будет там, в Америке, искать? Исчез и исчез».

— Рисковый ты, — сказал я и пообещал, что отвезу его в аэропорт.

Коля начал было отказываться: дескать, и сам доберется, вещей у него мало — только рюкзак со шмотками, и он не хочет меня обременять.

— Заткнись, — мягко прервал я поток его красноречия.

Сколько бы он ни распибался и какие бы аргументы ни придумывал, это ничего не могло изменить.

А вдруг его девушка провожать будет и поэтому он не хочет, чтобы я его вез в аэропорт? Вдруг он стесняется, не хочет, чтобы кто-то видел, как они прощаются, как он клянется ее к себе вызвать, когда дела у него наладятся, а она обещает дождаться этого вызова? Да ерунда! Слишком сентиментально. Про девушку Коля мне рассказал бы. Я их и вдвоем с удовольствием отвезу, и прощаться не помешаю, а отойду в сторонку и буду рассматривать в киоске газеты с журналами.

Приехал я вовремя — вернее, даже чуть раньше оговоренного времени, — но Коля уже ждал меня, сидя на лавке возле подъезда. Наверное, он посидел «на дорожку» у себя в коридоре, потом еще на лестничной клетке и на каждой ступеньке.

— Дай помогу, — сказал я, отбирая у Коли рюкзак.

Тот оказался тяжелым и сильно давил на плечо, пока я нес его к багажнику машины.

— Не надорвешься? — спросил я. — Что ты там забрал с собой? Пуд золота?

— Родины чуток, — сказал он.

— Родины чуток — вот здесь, — сказал я, похлопав себя по лбу. — На фига ты взял с собой мешок родной земли? Хватит щепотки, завернутой в носовой платок.

— Ха! — засмеялся он. — А вот про щепотку родной земли я не подумал как-то. Хорошо, что ты напомнил!

Он тут же присел и принялся собирать пальцами грязь, которую ветер наметает на асфальт, забывая трещины, которые все никак не могут замазать дорожники. Земля эта была совсем не жирной. Так, пыль какая-то перекатная. Может, путешественнику как раз такая и годится, но я подумал, что уж лучше чернозем, который лежит в палисаднике перед домом.

Я перемахнул через маленький заборчик вокруг палисадника. Под окнами жители первых этажей высаживали цветы и всячески следили за тем, чтоб их никто не срывал. В общем-то, мои действия уже подпадали под санкции. В любую секунду окошко одной из квартир на первом этаже могло открыться, а появившаяся в нем жилища преклонных лет — в лучшем случае обложить меня руганью, а в худшем — вытащить дробовик или снайперскую винтовку времен Отечественной войны, потому что бабушка эта в молодости на фронте пачками изничтожала фашистов.

У Коли и так проблемы будут из-за перегруза, а тут еще горсть земли... Я держал ее на ладони и не знал, куда положить. Платка у меня не нашлось. Стаскивать с ноги носок было жалко. Пришлось искать обычный пакет.

— Как бы тебя таможенники не заподозрили в провозе контрабанды, — сказал я.

Всю дорогу Коля молчал, вертел головой по сторонам, будто за нами кто-то следил и он хотел выяснить, кто именно. Я нарочно ехал не очень быстро, чтобы он успел проститься с родными местами. Наверное, все последние дни он в одиночку бродил по этим улицам, смотрел на дома, которые так хорошо знал, и думал, что снова увидит их нескоро, если вообще когда-нибудь увидит.

Я и сам любовался и нашим неказистым для приезжих городом, и густыми лесными зарослями, которые подступали почти к краю дороги, ведущей в аэропорт. Как же без всего этого жить? Мне вот чужой берег без надобности. Я там сдохну от скуки, даже если мне некуда будет девать деньги.

Припарковав машину на стоянке, я выбрался на улицу и еще не успел вытащить Колин рюкзак из багажника, как ко мне подскочил парень, облаченный в некое подобие формы. На груди у него, точно медаль, висел бейджик с фотографией и каким-то лейблом.

— Стояночку оплатите, — сказал парень.

— Хочешь, милицию вызову? — спросил я.

— Не понял? — взгляд парня стал заметно наглее.

Видимо, он собирался сказать, что, если я не оплачу стоянку, за состояние моей машины он не отвечает, а за то время, пока я буду находиться в аэропорту, ее могут искалечить или даже угнать, но я его опередил:

— Слушай, вот не ври, что ты тут башли заколачиваешь законно! Стоянка эта бесплатная. Я в администрации работаю. — Это утвержд-

дение пока было небольшим преувеличением: мне только поступило соответствующее предложение. — Брехню свою впаривай лохам. Если с моей машиной что случится — спросят с тебя. Понял?

— Ну... да... — сказал парень.

Мой повелительный тон на него подействовал.

Здание аэропорта обросло ремонтными лесами. По ним, как муравьи, лазали несколько рабочих. Казалось, что они подвели к крепости штурмовые башни и теперь готовятся перебраться через стены, чтобы добить оставшихся в живых защитников и всласть пограбить.

Я умыкнул тележку, стоявшую возле центрального входа. Очередной прохиндей ринулся ко мне, требуя за нее денег. Я послал его очень далеко, намекнув, что, если не исчезнет, запрягу его в эту телегу и он будет мне бесплатно возить все сумки с чемоданами. На самом деле фраза звучала совсем иначе и состояла в основном из слов, которые в тексте обычно заменяют точками, а на телевидении — запикивают.

— Ого! — сказал Коля, прослушав мою тираду. — Лихо ты!

— С волками жить — по-волчьи выть. Сплошные проходимцы! И когда только здесь порядок наведут?

— Вот и займись! — посоветовал Коля.

— Вот и займись, — сказал я.

Ни один самолет из нашего города до Америки не дотянет, разве что к нему приварят дополнительные топливные баки или заправят прямо в воздухе. Я мысленно чертил в голове карту Колиного маршрута. Первой остановкой была Москва. Там пересадка на другой рейс. Он дозавращался в Ирландии и только затем летел через океан.

Дорога была дальняя, и некоторые нестойкие граждане, собравшись было на чужбину, в самый последний момент ломались и застревали в столице. Вообще-то, от нас и в соседнюю область тоже лететь через Москву. Быстрее получалось напрямик на вездеходе. Малая авиация к тому времени совсем сгнула. Губернатор все обещал ее восстановить, как только на эти цели в бюджете появятся деньги, но обещания эти были такими же призрачными, как миражи в пустыне. Ведь даже отыщись средства на малую авиацию, они тут же могли пойти на более необходимые расходы — например, на покупку новых автомобилей для членов регионального правительства.

Я таскался с рюкзаком, как верный оруженосец Санчо Панса, а когда Коля его сдал в багаж и зарегистрировался на рейс, вдруг с тоской понял, что все заканчивается, обратной дороги уже нет и, возможно, мы больше никогда не увидимся. Америка, конечно, давно уже не параллельный мир, куда невозможно попасть, но уж слишком она далеко от нашей провинции.

Коле лететь не меньше двух суток. Это если погода везде будет летняя и рейсы не задержат. У него в характере была такая черта, как прижимистость: он неохотно расставался с деньгами. Я догадывался, что

предстоящие двое суток он будет есть лишь то, что ему принесут стюардессы на борту самолета. Попить кофе в аэропорту, ожидая свой рейс, и поесть там пиццу он посчитает напрасной тратой финансов. Сразу на неделю, как верблюд, не наешься и не напьешься, но когда теперь Коля сможет вкусить наших великолепных беляшей и чебуреков, пожаренных на прогорклом масле и начиненных непонятно из кого сделанным фаршем? Это вкус Родины. Может, кто-то и воротит от него нос, а мне нравится.

Ожидая посадки, я скупал всю эту гадость, всучивал ее Коле и с удовольствием ел за компанию с ним, будто тоже куда-то надолго улетал.

— Ты, если что, возвращайся, — сказал я ему на прощание. — Ну и пиши, как там у тебя дела. Не забывай.

— Лучше ты приезжай в гости, когда я там на ноги встану. Вот соберу из обломков «мазд» и «фордов» космический корабль — и пришлю тебе приглашение.

— На них еще не ставят реактивные двигатели. Как же ты соберешь космический корабль?

— Придумаю что-нибудь, — засмеялся Коля и постучал себя пальцем по лбу. — Голова-то зачем нужна?

— Чтобы шапку носить, когда холодно? — предположил я.

Мы обнялись. Провожая Колю взглядом, я чувствовал, что ему очень хочется обернуться, помахать мне рукой, но, наверное, в его душе такое творилось, что он боялся это делать. Вдруг ноги откажутся нести его к трапу? А на вторую попытку у него не хватит решимости.

Коля прислал мне эсэмэску, что долетел без всяких происшествий. Формат этой переписки предполагал краткость, иначе бы мы обсудили, чем его кормили, какая погода стоит на дворе и у меня, и у него. Мы нашли бы еще кучу тем. Вместо всего этого я поздравил его с успешным приземлением и написал, чтобы он был осторожнее и не садился в первую попавшуюся машину.

Я же догадался, что он опять будет экономить и вместо рейсового автобуса решит добираться до своего «поля чудес» автостопом.

Признаться, и я мечтал совершить такое путешествие — пересечь без гроша в кармане полконтинента! Впечатлений потом на всю жизнь хватит, и в Америке такое путешествие — несмотря на множество фильмов про маньяков, которые похищают на дорогах одиноких путников, а потом мучают их в подвалах своих домов, — куда менее опасно, чем на наших родных просторах. Здесь-то твой хладный труп никто и не найдет, кроме оголодавших диких зверушек, которые растащат кости по оврагам да буреломам.

В мыслях своих я видел, как Коля бредет по обочине дороги с пыльным рюкзаком, где сложены все его пожитки. Заслышав автомобиль, идущий в нужном ему направлении, он поднимает большой палец. Он смотрит вперед, а не на машину, но та все равно останавливается,

скрипя тормозными колодками и обдавая Колю клубами пыли и газов. Стекло у нее опущено. Коля склоняется к дверям, заглядывает внутрь, приветливо улыбается и говорит водителю, куда ему нужно. Кто-то его подвозит всего лишь на десяток километров, кто-то — на сотню, но с каждой новой машиной его мечта становится все ближе.

Следующее послание от Коли пришло через неделю. Ожидая его, я не находил себе места, боролся с желанием позвонить самому. Мои пальцы уже почти набирали его номер, но в самый последний момент я давал отбой. Входящий будет стоять уйму денег, и Коля меня проклянет за такую расточительность.

Письмо пришло на мейл вместе с фотографиями: Колино селфи, скромная комнатуха, выделенная ему под жилье, и бесконечные поля ржавых машин. Я не мог определить по этим останкам, кому они когда-то принадлежали. Чем-то их скопление напоминало кладбище динозавров — одно из тех, что наши палеонтологи обнаружили в Монголии в середине двадцатого века. Коля, увидев это кладбище машин, наверное, испытал еще больший восторг, чем ученые, наткнувшиеся на древние кости. Он ведь мог эти машины оживить, а палеонтологи динозавров — не могли. Несколько десятилетий назад еще не было технологий клонирования, да и сейчас, похоже, сделать «парк юрского периода» все еще невозможно.

«Я тебя, конечно, поздравляю, но что-то ты долго добирался. Некоторые за это время на Луну слетали и обратно», — написал я, намекая и на американских астронавтов, и на песенку австралийцев из *Savage Garden**.

Кто-кто, а я-то не мог упрекать его за медлительность, ведь сам за эту неделю дальше пригорода не выбирался. Похоже, он нашел свое счастье, и я ему, признаться, завидовал. Я тоже искал свое, но не знал, где оно. Иногда мне казалось, что оно явилось в образе финалистки регионального конкурса красоты, который я вел. Или стюардессы местных авиалиний. Я познакомился с ней, летая в Москву на консультации со своим благодетелем и переправляя ему столь ценную корреспонденцию, что он не мог доверить ее ни почте, ни курьеру, ни другим помощникам — лишь мне. Во всех случаях ощущение счастья продолжалось месяц-другой, иногда полгода, но однажды оно заканчивалось. Все было не то.

Для Евгения Петровича я стал чем-то вроде Джонни Мнемоника** . Он всячески опекал меня, и явно неспроста. Были у него на меня какие-то долгосрочные планы. По его протекции я устроился на работу в мэрию и стремительно поднимался по карьерной лестнице. Даже имея за

* *Savage Garden* — австралийский поп-дуэт, популярный в конце XX века. Один из хитов — песня «To the Moon and Back» («На Луну и обратно»).

** *Джонни Мнемоник* — герой одноименного рассказа Уильяма Гибсона в жанре киберпанк (и одноименного фильма Роберта Лонго), курьер, чей мозг используется как контейнер для переправки ценной информации.

спиной такую мощную поддержку, легко было оступиться, потому что желающих подставить мне подножку или вырыть ямку на моем пути хватало с лихвой. Я учился выживать в административных джунглях, интриговал, чтобы меня не утопили, с кем-то объединялся против общего врага, а когда враг был повержен, ссорился с прежним союзником. Я уяснил простой лозунг, который писатель Ричард Олдингтон вынес на обложку своего романа: «Все люди — враги». В этом мире даже соратники от тебя отрекутся, если ты оступился, но если не прокололся, следуешь неписаным законам системы, она тебя не выкинет на улицу и, когда придет твое время уйти на покой, наградит теплым местечком, где ты счастливо проведешь старость.

Выводы эти подтвердились, когда моего благодетеля, с честью отмотавшего два срока в Законодательном собрании, перебросили на новую должность — руководить регионом, благо в ту пору губернаторов еще назначали, а вновь их избирать стали чуть позже. Прежнему губернатору уже давно было пора на пенсию, но и его со счетов не списали, а отправили сенатором в Совет Федерации.

Вернувшись в родные края, Евгений Петрович тут же вызвал меня в свою новую резиденцию.

— Ты тут опыта-то поднабрался, пока я в столице в высоких кабинетах заседал, — начал он, усадив меня в кресло возле своего стола. Сам при этом сел напротив, а не во главе, будто у нас равные весовые категории. — Отзывы о тебе положительные. Порадовал ты меня, прямо скажу. Не ошибся я в тебе. Мне опытные люди, на кого я положиться могу, ой как нужны! Так что давай-ка принимай должность моего зама по всяким там СМИ и связям с общественностью. Работа ответственная, но, сам понимаешь, и отдача будет соразмерная. Согласен?

— Да, — кивнул я, скромно потупив взгляд, а в этот момент сердце у меня в груди вибрировало, как «пламенный мотор».

Одним мановением руки Волшебник ставил меня выше всех главных редакторов местных СМИ. Теперь они приползут ко мне на коленках кланчить бюджетные деньги для своих газет и журналов, а ведь еще несколько лет назад я к ним на поклон ходил, чтобы меня взяли на практику и обучили чему-нибудь полезному. Почти все из них дали мне тогда от ворот поворот, а я человек памятный: добро помню, но и зло не забываю.

Новость о моем назначении разлетелась еще до того, как ее опубликовали местные информационные агентства. Мой телефон все никак не успокаивался. Меня поздравляли. Желали успехов. Кого-то из этих людей я не знал или никак не мог вспомнить, когда они представлялись. Руководители некоторых СМИ, догадываясь, что стулья под ними шатаются, больше всех изошрялись в поздравлениях. Однокурсники были сдержаннее. Но я чувствовал по голосам, что они тоже не бескорыстны.

Каждый из них надеялся получить какую-нибудь должность, пользуясь нашим старым знакомством. Когда-то они были на седьмом небе от счастья, устраиваясь после окончания института корреспондентами на самую низкую ставку в городскую или областную газету, а мне назидательно говорили, что я выбрал неправильную дорогу и зря иду работать в мэрию, потому что журналист должен писать тексты.

Что они мне скажут теперь, если вспомнить тот наш старый спор?

Они мечтали прославиться, написать о чем-то, что потом еще долго будет обсуждаться. Возглавить отдел, потом дорасти до заместителя главного редактора, а через какое-то время занять и главное кресло. Но сейчас они так и продолжали бегать по помойкам и нудным пресс-конференциям, а должности обходили их стороной. Самым талантливым создавали самые отвратительные условия существования, потому что конкуренты никому не нужны. Иногда я с ними встречался в каком-нибудь кафе. Они ныли и жаловались, что руководство пьет их кровь на каждой летучке.

«Идиот, — думал я, глядя на очередного такого нытика, — разве ты не понимаешь, что начальник питается твоей энергией, забирает твои идеи и выдает за свои? Он выпьет тебя досуха, а потом, когда ты превратишься в мумию и больше ничего уже не сможешь придумать, выбросит на улицу. Других вариантов для тебя нет. Это мне повезло. Больше никому так не повезет».

Такие разговоры давали мне ценную информацию, которую до поры до времени я накапливал и придерживал, но сейчас пришло время ею воспользоваться. Тот, кто раньше не захотел кинуть мне крошку со своего стола, теперь лишится и стола, и кабинета, и пусть радуется, что я не натравлю на него соответствующие органы за воровство денег, выделенных из областного бюджета на развитие свободной и независимой прессы. У меня в голове есть досье на каждого!

Но для части однокурсников мое повышение станет манной небесной. Мне ведь надо поставить кого-то вместо прежних начальников. И на кого еще опереться, кроме как на тех, с кем я когда-то сидел в одной аудитории? Они будут мне за это благодарны и преданы.

Звонков было много, а поделиться радостью так, чтобы собеседник мне не завидовал, было не с кем. Не осталось таких людей в моем окружении, кроме разве что родителей. А Николай был слишком далеко. Я позвонил ему, чтобы похвастаться. Он ведь и сам в письмах скромничал. Сообщал, что работает с утра до вечера. Ему нравится. Платят хорошо. Ничего ему больше пока и не нужно. Подробности не делился. Боялся сглазить? Мог ведь мне рассказать, как из хлама, ржавевшего на кладбище автомобилей, собрал машину, которую на аукционе продали за семьдесят с чем-то тысяч долларов.

Каждое утро референт приносил мне папку с распечатанными новостями и интересными статьями, с которыми мне следовало ознакомиться.

На заметку о парне, творившем из автомобильного металлолома всякие чудеса, я набрел сам. Увидел ссылку на нее в своей новостной ленте в социальной сети. На фотографии к этой заметке Коля стоял рядом со странной машиной, немного похожей на одноместный самолет на колесах и с прозрачным каплевидным фонарем над кабиной.

«Привет. Вот ты гад! — написал я ему тут же, благо социальные сети позволяют общаться практически в режиме реального времени. — Такую машину сделал и ничего про это мне не сказал! Хоть бы фотографию прислал».

«Откуда ты узнал? — Коля ответил буквально через несколько минут. — Я же ее на своей странице не выставлял».

«Шила в мешке не утаишь. Статью про тебя увидел».

«Репортеры приезжали, вопросами замучили. Когда им отвечал, представлял, что это ты меня расспрашиваешь. Так не очень страшно было. Ты-то как?»

«Помаленьку».

«Пишешь что-нибудь?»

«Ага. Анонимки на работу ЖКХ и чиновников, которые за дороги отвечают».

«Тоже дело. Читателей, наверное, мало. Ты ж хотел, чтобы тебя много людей читало».

«Блог заведу. Стану там что-нибудь писать актуальное. Может, тогда кто-нибудь читать будет. А что ты бездельничаешь? Что, работы нет?»

«Есть. Перерыв сделал кофе попить. Тут и увидел твое послание».

«Фотографии своих работ на странице размещай. Я лайкать буду, перепосты делать и комментировать».

«Хорошо».

Он собрал вторую машину, третью, четвертую... Коля сбрасывал мне ссылки на видеосюжеты, показанные по местному, и не только местному телевидению. На видео он кромсал машины, вырезал у одной автогенам какую-то часть, при помощи сварочного аппарата имплантировал ее в другую, зачищал шрамы, чтобы они были незаметными. Мне эти кадры напоминали «Безумного Макса» и прочие фильмы о мирах, переживших глобальную катастрофу.

«Да ты, брат, прямо совсем в доктора Франкенштейна превратился, — думал я, просматривая эти сюжеты. — Из нескольких трупов собираешь одного монстра».

Я иногда тоже выступал на телевидении, и мои слова цитировали в газетах, но больше следил за тем, чтобы СМИ освещали деятельность губернатора в правильном ключе. Если кому из журналистов удавалось нарыть информацию о косяках чиновников, то, прежде чем об этом писать статью или снимать сюжет, звонили мне и консультировались. В итоге сюжеты или статьи были вовсе не о том, что в каком-нибудь

отдаленном поселке в доме старушки, ветерана труда, нет тепла и она вынуждена круглые сутки ходить в своем ветхом пальтишке. Не об этом. Узнав от меня о бедственном положении старушки, губернатор устраивал местным чиновникам нагоняй, распорядился как можно быстрее ситуацию исправить, а к старушке приезжал проверить, как его приказ выполнили. Старушка радовалась и благодарила губернатора. Вот об этом и были сюжеты и статьи. Рейтинг популярности моего благодетеля в списке губернаторов поднимался. Моей работой он был доволен.

«Привет! Вот ты гад! — написал мне как-то Коля, видимо вспомнив стиль одного из моих посланий. — Что ж ты мне не сказал, как высоко взлетел?»

«А ты не спрашивал. Ты все про писанину спрашивал. А в этой области успехи мои скромны. “Войну и мир” не написал и “Войну миров” тоже. И не очень-то я высоко взлетел».

«Выше тебя только звезды».

«Это ты правильно про нашего губернатора сказал, — съязвил я. — А насчет золотоносных жил, что под ногами лежат, ты оказался прав».

Он понял, что я теперь веду речь не о пиратском золоте и уж тем более не об американских автомобильных свалках. О чем конкретно, не переспросил: догадался, видимо, что пишу я о тех жилах, которые можно разрабатывать, используя административные ресурсы.

Открыв собственное дело, Коля погрузился в него с головой. Желющие вылечить у него свою машину выстраивались в очередь, как и дома. Он расширил дело и увеличил штат работников, руководил процессом, а сам брался за ремонт лишь в самых сложных и интересных случаях. Такое ведь уже было. Мир, говорят, развивается циклично.

Он сильно сердился на меня, когда я не смог приехать к нему на свадьбу. Но у меня и вправду была уважительная причина: в область приезжал один из федеральных министров. С Колиной женой я познакомился заочно, по скайпу. Еще больше он рассердился, когда я не приехал посмотреть на его первого сына. А когда у него появился второй, а я все не приезжал, Коля на меня сердиться перестал.

— Ты-то когда женишься? — спрашивал он меня по скайпу. — Хватит уже гулять.

Буквально на днях, вызвав меня в свой кабинет, Евгений Петрович сказал примерно то же самое, а потом пояснил, что у него дочка подросла и пора бы уже наши с ним взаимоотношения подкрепить родством. Я подозревал, что когда-нибудь такое предложение последует, и даже представлял, как мы с дочкой благодетеля вместе будем жить. Не скажу, что был от нее без ума: встречался я с девушками и посимпатичнее, и поинтереснее. Но, похоже, у меня не было выбора. Вернее, он был, но лучше попасть в такую кабалу, чем отправиться на вольные хлеба. Да и какая это кабала? Это еще один выигранный билетик.

— Ты чего остолбенел-то? — спросил тогда Евгений Петрович. — На тебя это не похоже. — И, строго взглянув, спросил: — Али не мила тебе моя дочурка?

— Да она красавица! — сказал я и закивал с усердием китайского болванчика.

Благодетель спалил бы меня взглядом на месте, не выскажи я бурный восторг от его предложения.

— Вот и отлично. Тогда в эту субботу приезжай в гости с родителями. Еще раз знакомиться будем.

Суббота была на следующий день. У меня было немного подавленное настроение: все-таки женитьба — дело серьезное. Всех подробностей я Коле не говорил, а лишь сказал, что гулять мне, действительно, хватит.

— Ой, детишками, что ли, решил обзавестись? — обрадовался он. — Давно пора. И в этом вопросе руками ничего делать не надо.

— Ну ты и пошляк! — засмеялся я, вспоминая и детский анекдот, на который он намекал, и про мои руки, растущие не из того места. — Думаю, что скоро.

— Я уже устал тебя в гости звать, — завел он свою шарманку. — Когда приедешь?

Я не напомнил ему про космический корабль, который он обещал собрать. Он ведь собрал этот корабль, только тот не полетел, а поехал. На автомобильных свалках не найти двигателей, способных вывести Колину конструкцию на околоземную орбиту. Надо, чтобы появились кладбища старых, никому не нужных космических кораблей. Я устану ждать, пока они появятся. Надо слетать к нему пораньше, а то внесут меня американцы в черный список, как они уже сделали это с некоторыми чиновниками, и тогда придется нам с Колей встречаться на нейтральной территории: где-нибудь в Африке или в Азии. В Европу-то меня тоже не пустят. Если ему такой перелет дорогим покажется, я оплачу его. Я вообще могу сделать его заместителем министра транспорта нашего региона, а то и министром, если он захочет на родину вернуться. Но он ведь не захочет, потому что нашел свое счастье и его мечты осуществились...

Интересно, а осуществились ли мои?

Анна ПАВЛОВСКАЯ

НЕБЕСНЫЙ ЭХОЛОТ

* * *

где цвел болиголов бессонницей обвитый
в полях глухой тоски у пересохших рек
я нехотя во сне сошла с твоей орбиты
ушла одна во тьму на тысячи парсек

пока еще текли невидимые нити
последних фраз ночных тягучий майский мед
я не ковер ткала а полотно событий
я бросила вперед небесный эхолот

я видела вокруг неясные предметы
я не боялась тьмы я падала во тьму
как падает с небес несчастная комета
как светит вдалеке неведомо кому

кто в августе задет внезапным звездопадом
кто падающих звезд заметил косяки
оставлен навсегда в тоске бродить по саду
где гаснут на руках степные светляки

дежавю

1.

наступают сухие прозрачные ночи
дежавю октября из винтажного фото
эта тропка уходит как письма на почте
далеко за предел моего горизонта

дежавю это ключ открывающий сферу
звуковая дорожка на курс дивергента
это память свою открывает премьеру
недосмотренной скрытой во снах кинолентой

к дому отдыха в метафизическом фото
подступает как сумрак витая аллея
далеко за предел моего горизонта
я шагаю по ней я витаю над нею

я устала от книг и пустой ахинеи
я на воздух легла как на музыку строчки
я плыву саундтреком над темной аллеей
далеко улетаю как письма на почте

2.

я вступаю в потемки чужих литографий
в чьи-то роли другие эпохи и страны
моя жизнь это просто несчастный макгаффин
бог смеялся на все мои детские планы

и поэтому я научилась двоиться
в бесконечное зеркало прыгать с обрыва
мне пришлось позаимствовать крылья у птицы
потому что без крыльев летать некрасиво

в отражаемой части небесных просторов
под надзором недремлющей ангельской своры
двойники дубликаты сплошные повторы
слишком много повторов повторов повторов

* * *

в подвале сна где я совсем одна
есть комната заветная одна
подаренная папой мне в подмогу
там из окна аллея мне видна
там я живу до названного срока

я временами выхожу во двор
слоняюсь по аллее невермор
брожу под небом по листве багряной
и возвращаюсь в комнату с тех пор
когда я возвращаюсь постоянно

в подвале сна где заколочен дом
знакомый перекошенным окном
где лопается надвое завеса
и в чернотой зияющий проем
врываются бесчисленные бесы

в подвале сна затоплен магазин
где продавали тюль и крепдешин
плывут обломки кораблекрушенья
есть выживший несущийся один
как маленькая щепка по теченью

варшавское небо

мне снится один поворот отдаленный
изгиб неизвестный дороги мощеной
варшавское небо с лиловой луной
я еду в сутулой машине старинной
как пепел пластается пух тополиный
и следует всюду за мной

варшавское небо как серая пленка
где площадь улиткой и птицы воронкой
отчаянный пепел в груди
но я понимаю что я убежала
что целую жизнь начинаю сначала
что целая жизнь впереди

мы едем на мост и кончается пепел
и медленно светит отдушина в небе
и теплится свет фонарей
и я понимаю пора просыпаться
а мне бы хотелось навеки остаться
в варшаве свободы моей

* * *

на брошенной земле в ничейном доме
стоит в углу нетронутый торшер
висит закат в пустом дверном проеме
на вымышленном верхнем этаже

уже репей ломает половицы
и по столу разгуливает грач
и вот он никогда не пригодится
забытый под кроватью красный мяч

все разровняют ржавым самосвалом
тюрьму построят или магазин
и целой жизни словно не бывало
влюбленных лет заледеневших зим

здесь кто-то жил и в слякотную темень
горел торшер и душу грел камин
едва течет одолженное время
и я не знаю что мне делать с ним

* * *

в неопознанном мире возможно в аду
я от ветви сухой отломила дуду
чтобы мир на фальшивость проверить
чтобы горло от дыма проветрить
мир был адск и фальшив но из ветви сухой
появилась мелодия боли земной
настоящая в мире фальшивом
это было моим лейтмотивом
знала я что куда б ни катился клубок
здесь меня не увидит ни ангел ни бог
нет дороги такой чтоб отсюда вела
чтоб меня защитить не найдется крыла

я с любимой собакой бродила в аду
в неопознанном мире в засохшем саду
по невидной тропинке куда-то брела
где мелодия боли березой была

* * *

когда господь спустил с небес свирель
и закруглил симфонию в метель
я с белых губ мелодией сбежала
кружилась и светилась и мерцала

так взвинчена что не могла дышать
и не могла сквозь сон пошевелиться
и продолжала в воздухе летать
как белая небесная частица

была я совокупностью окрест
роящихся созвездий и снежинок
мне снился сон что я была оркестр
между землей и небом поединок

так схлестывались звук и тишина
так плакала небесная струна
взвивалась ввысь расплескивалась тенью
переходя от смерти к пробуждению

Руслан БЕКУРОВ

НЕБЕСНЫЕ БАТУТЫ

Р а с с к а з

1.

Город Орхус, 2013 год. Февраль. Холод собачий. Преподаватели и аспиранты из Петербурга приехали сюда на семинар. Меня взяли в последний момент — профессор Пенев сломал ногу. Жили в кампусе Датской школы журналистики, в небольшом уютном коттедже. На второй день набрались пива в университетском кафе — пятница, студенты выпивали вместе с преподами, играли в бильярд. Затем решили выбраться в центр. Нам посоветовали Social Club — сказали, там дешево и весело. На эту авантюру подписались трое: я, швед из Гетеборга и аспирант Леша. Он когда-то стажировался в Орхусе, вроде как неплохо знал город и все такое. Леша — блондин со спадающими на лоб волосами, с глазами человека, которому все, ну буквально все интересно и доставляет удовольствие. Бывают и такие люди.

Мы сели в такси, ехали по чистым унылым пригородным дорогам, водитель развлекал нас смешными городскими историями. Например, он рассказал, как десять лет назад арабы отбили у местных пляж. Сначала мигрантов туда не пускали, а потом постепенно толерантные датчане сдались. И теперь бояться приходиться на пляж. К слову, сам водила оказался албанцем.

Пока добирались, получил сообщение от жены: «Где ты?» Сначала удивился, а потом вспомнил: я же не сказал ей, куда и зачем лечу. Что со мной не так? Написал: «Мы сейчас в Орхусе. Послезавтра вернемся».

В центре мы сначала зашли погреться в маленький погребок напротив клуба. Там отдыхали рыбаки и моряки — по крайней мере, так нам показалось. Мы решили пропустить по рюмке водки, но вдруг к нам подсел старикашка с трубкой в зубах — вылитый боцман рыболовецкой шхуны. Когда узнал, что мы из России, захотел угостить нас местным пойлом. А потом мы угостили его водкой. А потом он снова купил нам свой напиток. И мы, конечно же, ответили водкой. В итоге сошлись на том, что Путин все-таки сильный президент. Ну, пусть так.

На входе в клуб была длиннющая очередь. Но нас сразу пропустили — до сих пор уверен, что с кем-то перепутали. А до этого на улице пара девчонок предлагала раскурить косяк — я страшно испугался. Не знаю почему.

В клубе было душно и тесно. Музыка играла хорошая. Мы чудом нашли свободный столик и уселись пить пиво. Леша только успевал приносить и уносить кружки: за каждую пустую емкость давали скидку. В какой-то момент я решил размяться и сам пошел к бару за выпивкой. Когда вернулся, с Лешей и шведским профессором сидели девушки. Венгерка, полька и вроде как немка. Они пили коктейли. Сказали, что немного посидят и уйдут. Сказали, что вот-вот подскочат их друзья.

— К черту друзей! — Я был пьян и беспечен.

— Не, они у нас очень опасные! — Она так и сказала, эта венгерка.

А потом добавила: — Русские.

— Пфф, — сказал Леша. — Напугала! А мы, по-твоему, кто?

Венгерка посмотрела на меня, на него, секунду подумала и наконец сказала:

— Вот он, — указав на меня, — русский. А ты... Ты — нет.

Мы, конечно, посмеялись, но потом в разговор влезла немка.

— Наши друзья с Кавказу! — выдала она.

— Ух ты! — Я насторожился. — Чеченцы?

— Хуже! — ответила немка. — Осетины!

Понятно, что дальше я с нетерпением ждал компанию опасных осетин.

Они появились неожиданно. И как специально — в паузе между песнями, когда люди на время разошлись по своим столикам. словно в замедленной съемке, в зал торжественно и благородно, как три мушкетера в советском кино, вошли наши джигиты. Все они были одинаково одеты — кожаные куртки с накладными плечами, черные вязаные шапки, короче, как будто эти пацаны катапультировались из суровых девяностых.

Заметив своих женщин в компании спившихся неудачников, они рванули к нашему столу. А потом...

— Руха, ты? Руха Бекуров?

Один из них, Асик, оказался моим родственником. Он меня знал, я его — нет. Со мной такое часто бывает — плохой из меня осетин. Его отец разливал водку под Владикавказом. Скопил кое-какие деньги, послал сына в Датскую школу менеджмента — типа подальше от губительных соблазнов. Чтобы Асику не было скучно, уговорил и друзей-водочников — те тоже отправили своих детей в Данию. Так они и жили вместе в Орхусе — Асик, Батик и Темр. Батик с Темром изучали международное право в местном университете. Квартиру снимали в самом центре — три комнаты и большая гостиная. Эту хату знала каждая девчонка Орхуса. По крайней мере, так мне рассказывал Темр.

Они не задумываясь согнали людей с соседнего столика и сдвинули его с нашим. Затем Асик с Батиком ушли к бару и вернулись с забытыми

до краев подносами — вино, шампанское, виски, пиво, закуски и зачем-то огромный ананас. «Девчонкам нравится», — объяснил Темр.

Ну и начался карнавал.

— Они шейхи? — осторожно спросил меня швед.

— Не, обычные студенты, — ответил я, а потом зачем-то добавил: —

Сельские пацаны.

— Тебе здесь кто-нибудь нравится? — спросил Асик.

— Не знаю. Но вот та деваха очень даже ничего, — сказал ему я.

В то же мгновение Асик заорал:

— Линда, ну-ка сюда!

Линда с радостью примчалась к нашему столу.

— Линда, поедешь к моему брату?

Я сжался от стыда в один маленький никчемный комочек.

— Конечно! — ответила Линда. — Твой брат — мой брат!

— Ух, сидим по-королевски! — сказал швед. — Еще бы горячий ёлеброд* сейчас!

Это он, конечно, пошутил. Но! Через полчаса Батик выскочил раздетым на улицу, потом вернулся с огромной дымящейся кастрюлей в руках. Леша скатился под стол.

Как мы возвращались в кампус, я, ей-богу, не помню. Пацаны вызвали такси, мы начали прощаться, и тут я зачем-то сказал:

— Какой «прощаться»! Завтра продолжим у меня!

Утром предсказуемо мутило. Башка раскалывалась, я выпил ведро кофе. Леша долго принимал холодный душ. Кое-как доползли до факультета. Я попросился выступить первым. Уже смаковал, как отстреляюсь и убегу отсыпаться. Швед на семинаре так и не появился. «Плохо себя чувствует», — сказал его коллега.

Я открыл презентацию, встал за кафедрой и начал:

— Как вы знаете, медиаландшафт современной России разнообразен и вместе с тем крайне противоречив. На первом слайде вы видите диаграмму роста...

— Руха, иди сюда! — В двери я увидел половину лица Батика.

Собравшиеся в аудитории заерзали в креслах. Я продолжал:

— Диаграмму роста зависимости крупнейших российских медиакомпаний от экономики...

— Э, иди сюда! — Теперь это был Темр.

Я показал ему пальцами — «пять минут, дружище, пять минут».

Кое-как закончив доклад и ответив на пару вопросов, я для вида сел на свое место, но почти сразу же незаметно вышел из аудитории. Леше сказал, чтоб больше на меня не рассчитывали. В холле на подоконнике сидели мои пацаны. На полу под ними лежали пакеты с бутылками и едой.

* Традиционный скандинавский суп на основе пива.

— Сейчас еще девчонки подкатят, — сказал Асик.

Я забил на семинар. Мы сидели на кухне в нашем коттедже и выпивали. И я бы не сказал, что это было плохо. Девчонки приехали ближе к вечеру. Леша вернулся с семинара в восемь. Потом еще пришел профессор из Гетеборга. В тот день я узнал много нового.

За полгода до нашей встречи Батик отметил тучу марокканцев на городской площади — они приставали к девчонкам. Всю ночь отсидел в полицейском участке, но утром в универе его встретили овациями. Благодарили даже профессора.

Темр получил грант и писал большую научную статью. Асик вообще был одним из лучших студентов на курсе. Об этом рассказала немка — она с ним в одной группе училась.

Это и создавало впечатление — дикие, неуравновешенные, в ужасных шмотках и одновременно умные, обаятельные и смелые пацаны. Мне казалось, что это их город. И наверное, так оно и было. Их знали все.

И вот что странно — я был старше пацанов года на четыре, но в то же время чувствовал себя их младшим братом.

— Ну, увидимся во Владике! — Мы обнялись на входе в аэропорт. Три дня Асик, Батик и Темр не выпускали меня из своих рук. Даже провожать поехали на тачке своего приятеля. И остались без денег. Я отдал им оставшиеся наличные — кроны, евро. Нет, они не просили, я сам как-то понял.

На большом экране у входа в зону досмотра крутили без звука черно-белый вестерн — потрепанный жизнью ковбой выхватил из кобуры револьвер. Казалось, он целится в меня.

2.

Утром я проснулся от выстрелов. Во дворе тетя Фрося выбивала ковры. Дядя Мурат накачивал для детей допотопный батут. Он привез его из Германии. Первый батут в городе. Лето 1988 года начиналось плохо. Ничего такого, но я не знал, как и где его провести. Когда тебе четырнадцать, это большая проблема.

Еще в марте брата забрали в армию, и дом сразу опустел. Вроде как я всю жизнь только и мечтал об этом — думал, что вот, наконец, займю магнитофон, кассеты, целую комнату и даже лоджию. Но почему-то без Аслана ни в чем не было смысла и интереса. Оказалось, что без него я никто и никак.

Итак, первого июня мы с Сосом, сдав учебники, лежали на траве за школьной библиотекой и решали, чем заняться на каникулах. Мы даже купили газету с объявлениями. Денег почти никогда не было, но время от времени я пинцетом вытаскивал трехрублевки из папиной копилки: родители собирали на барана к возвращению Аслана. Трех рублей впол-

не хватало на неделю, но было, конечно, стыдно. К тому же я еще и сам себе врал — выдумал, что когда-нибудь верну всю украденную сумму. Мама с папой ничего не замечали. Ну или делали вид, что не замечают. Так или иначе — очень хотелось иметь свои деньги.

В конце концов мы с Сосом решили, что будем разносить телеграммы. На последней странице газеты как раз была статья о том, что городскому телеграфу требуются курьеры на два летних месяца. «Вполне себе романтичная профессия», — резюмировал Сос. На этом и остановились.

На следующий день на втором этаже старого здания телеграфа на Горького нам для начала выдали неуклюжие сумки из коричневого кожаного материала. Затем, когда мы заполнили какие-то бумаги, нас познакомили с другими разносчиками. Многие из них уже давно таскали телеграммы и на нас смотрели как на потенциальных конкурентов.

На подоконнике вальяжно расположился Ян Барышников. Выглядел он как потрепанный Род Стюарт — на грязном, когда-то бежевом плаще не хватало двух пуговиц, мутные глаза смотрели в никуда, из кармана торчала книжка Омара Хайяма. «Увижу вас на Турхане — убью» — так ответил на наше приветствие суровый Ян.

Гунеш Аятовна сидела на скамейке и читала свежую «Осетию». Точнее, последнюю страницу — с извещениями о смерти. Они почему-то всегда были рядом со спортивной рубрикой и разделом «В театрах и кино». «Ничего себе, Бадчери умер», — вздыхала Гунеш, разделяваясь с очередным куском пирожка с капустой.

Она-то нам и рассказала потом, что каждый из разносчиков специализировался на конкретных районах.

Барышников «держал» всю Турхану и с каждой телеграммы имел левый рубль. Сама Гунеш таскала телеграммы по Ракете и Планам — с Ноя Буачидзе и аж до самого конца Ардонской. Бледный алкаш Харитон «специализировался» на БАМе, а хромой, с лицом детоубийцы Азамат Абаев окуривал почти всю Осетинку.

Нам предложили три варианта. В итоге Сос прихватил набережную (от Планетария до Штыба), а я взял 34-й микрорайон — там жили родственники. И еще девчонка из параллельного класса, которая мне нравилась. После уроков она обычно садилась на желтый «икарус»-гармошку на улице Хаджи Мамсурова возле школы. Иногда до моей остановки мы немного болтали — так я узнал, что она живет где-то на Кырджалийской.

В многоэтажках 34-го была своя прелесть. Мне тут нравилось. На контрасте с размеренными полудеревенскими Планами казалось, что здесь кипит настоящая городская жизнь — просторные улицы, узкие двери лифтов, бетонные плиты и, конечно же, девчонки.

Одно было плохо — я постоянно нарывался на местную шпану. Началось все со словесных стычек — не знаю, чем им насолил расслабленный безобидный пацанчик с улицы Кольбуса. Я не сдавался до последнего — дерзил, отпускал гнилые шутки.

А потом меня отлупили. Я, конечно, для вида отбивался, но толку от этого было мало. Как итог — куча ссадин и синяков по телу. Нос мне сломают потом и не здесь.

Иногда в полдень, прихватив на телеграфе очередную порцию телеграмм, мы обедали в кафешке «У самовара». Ну как обедали — брали пару пирожков с чаем.

Однажды почему-то я был там один, без Соса, — в прохладном темном полупустом кафе. За столиком у окна сидели бабулька с маленькой внучкой. Девочка ела мороженое — шарики пломбира с толченым орехом. Я уже собирался выдвигаться, как дверь скрипнула, и в кафе вошел Ян Барышников. Он не сразу ко мне подвалил. Сначала попросил у буфетчицы стакан водки. Выпил ее залпом и закусил зеленым яблоком. Потом уже присел за мой столик.

Мы напряженно смотрели друг на друга. Я спрятал руки в карманах, а он все ел свое яблоко. Казалось, что это яблоко не закончится никогда.

«Не трусь! Не дрейфь! Не очкуй!» — как же я себя тогда ненавидел!

Ян угрожающе показал двумя пальцами на свои глаза и сказал:
— Я тебя запомнил.

Повисла неуклюжая пауза, и, чтобы хоть как-то с ней закончить, он вдруг добавил:

— Запомни, что я тебя запомнил.

А когда Ян выходил из кафе, то зачем-то сквозь зубы сказал в никуда:

— Пидоры!

— Бабуля, а «пидоры» — это что?

— Ничего, — ответила женщина.

— Бабушка, ты врешь! — крикнула девочка.

За принесенные телеграммы часто давали деньги — обычно рубль или три. В конце дня скапливалась неплохая сумма. И что удивительно, деньги давали в основном бедные люди. Ну или обычные. Богачи даже «спасибо» не говорили. В те времена у толстосумов почему-то было модно вешать на дверях таблички со своими фамилиями. Так они демонстрировали свою респектабельность. В квартирах с табличками жили жадины. Не очень я любил приносить телеграммы в такие дома. Не из-за денег, конечно, — я с удовольствием отдал бы десять рублей, чтобы только не ходить по этим гнилым квартиркам. «Как в лучших домах». В лучших домах живут худшие люди.

Странно, что так происходит. С другой стороны, вполне предсказуемо. Моя бабушка любила повторять: «Богатые ходят к богатым, а бедные — к бедным и богатым». Это она про осетинские похороны. Ну и про жизнь, конечно.

Как-то в одну из квартир на Кырджалийской я принес извещение о смерти. Таких печальных телеграмм за день набиралось не меньше двух

десятков. Иногда я оставлял их в почтовых ящиках — боялся, что с горя меня разорвут на части. В тот раз некий дядя Алик в паре лаконичных предложений объяснял, что Рамазан скоропостижно скончался в Казбеге и похороны состоятся в следующую пятницу.

— Господи, Рамазан! Как?! — Женщина в пестром халате включила Веру Холодную: бегала из угла в угол и драматично заламывала руки.

— Вот так. — Мне показалось, что она ждала от меня именно такого ответа.

Дверь захлопнулась. Рубля я так и не получил.

Но фраза «вот так» осталась со мной на всю жизнь. Универсальный ответ на любой вопрос. Пара слов, за которыми как за каменной стеной: сказал — и все.

Когда я выходил из подъезда, увидел ту самую девчонку из параллельного класса. Полмесяца до этого часами бродил по этим бесконечным дворам в надежде как бы случайно с ней столкнуться. Потом бросил эту идею. А тут вдруг вот она — идет себе и не парится. У нее была хорошая фигура. В то лето ни у кого не было такой хорошей фигуры. Я купил в ларьке пару бутылок холодного лимонада, и мы немного сидели на скамейке возле детской площадки. Разговаривать было не о чем. Я не спросил, как ей живется. И она не спросила. А потом вдруг ни с того ни с сего начался спор о боге. В конце я зачем-то сказал:

— Какая разница, верю я в бога или нет? Мне больше нравится верить в вещи.

— В какие такие вещи?

— В сумку вот эту с дурацкими телеграммами, например! В лего-человечка и его руки трубочкой. Как будто он держит в этих руках невидимые стаканы. Во что еще? В ржавый велик, который украли прошлым летом. Где он сейчас? Помолюсь и ему!

Мне показалось, что она немного обиделась. Но я и не удивился — в наших местах принято обижаться из-за любой мелочи и не забывать об этом до самой смерти.

— Слушай, тебе не кажется, что я много болтаю?

— Ну, уж если ты спросил, то как-то много. Не то чтобы слишком много, но и не мало, — сказала она.

А потом к нам подкатил какой-то самоуверенный дебил, и они, взявшись за руки, ушли гулять. Конечно, наверняка он не был дебиллом. Но в детстве, когда ревнуешь, все вокруг — сплошные дебиллы. У взрослых тоже такое бывает.

На детской площадке малышка выплонула мятный леденец. Мокрый, он блестел на солнце, как изумруд.

В четверг, 30 июня, телеграмм было немного. Я закончил до двенадцати. А потом еще долго бродил без какой-либо цели. Люди куда-то спешили, а я — нет. И настроение от этого улучшилось. Я облазил все

любимые места и в конце, пока ждал на остановке автобус, вот о чем подумал. Мы любим то, что уже прошло. Так будет и с настоящим. Я и его полюблю. Необходимо лишь подождать, когда оно закончится.

На следующий день с утра я по привычке шарил рукой под кроватью — искал сумку. А потом понял, что все — вчера оставил ее на Горького. Мы с Сосом даже не успели попрощаться с другими разносчиками. Да не очень уж и хотелось. В бухгалтерии нам выдали месячную зарплату, и мы пафосно посидели в «Чебуречной» напротив «Октября». Ни в чем себе не отказывали. Познакомились с двумя девочками из 5-й школы. Угостили их первоклассными чебуреками и погуляли в парке. А после обеда прошвырнулись по магазинам и купили разного барахла — пару пионерских барабанов, детский ксилофон, маленькую пластинку с песнями группы «Черный кофе», желтые носки и что-то еще.

Вечером я отдал оставшиеся деньги маме. Она улыбнулась, посмотрела куда-то в сторону и сказала:

— Оставь себе. Купи что хочешь. Ну или как знаешь.

Папа посоветовал копить на велосипед. Я задумался о покупке настоящей электрогитары. Удивительно, но людям часто не хватает самых обычных вещей. С другой стороны, не скажешь, что и с необычными — полный порядок.

Потом неожиданно нагрянули гости — папины троюродные братья приехали из села. Мама накрыла на стол. В конце концов выпивки не хватило, и меня послали за вином к Баскаевым — они жили в доме напротив. И вот я бегу босиком по мягкой, нагретой за день дворовой траве. В одной руке бутылка, в другой — кусок халвы.

Дядя Мурат с сигаретой в зубах сдувал батут. Он (батут, а не Мурат Абисалович) морщился и с каждой секундой становился все меньше и меньше.

— Дядя Мурат, зачем?

— Все уже — лета не будет. В июле и августе — сплошные дожди.

Так и бывает — лето заканчивается, когда во дворах и парках сдувают батуты.

Поздно ночью неожиданно позвонил Аслан. Сначала он поговорил с мамой и папой, а потом трубку взял я.

Мы немного поболтали. О музыке, о полоумном Барышникове, о драке с пацанами с 34-го. В конце он спросил о погоде. Я сказал, что сегодня дул ветер.

— А какой он был, этот орджоникидзевский ветер? — не унимался Аслан.

Отвечать не хотелось. Я все-таки задумался на секунду и сказал:

— Ветер был пропитан будущими разочарованиями.

Знаю, так себе ответ.

— Хм, так себе ветерок, — сказал Аслан.

- Какой есть, — сказал я.
- Слышь, береги там себя, — сказал Аслан.
- Берегу.
- Что-то не верится.

Пока мама с папой мыли тарелки и стаканы, я взял табурет и рванул на лоджию. Там, на третьей полке, где обычно хранилась коробка с елочными игрушками и новогодней звездой, лежала и копилка на барана. Быстро, чтобы не передумать, я закинул в нее все свои деньги.

Перед сном пьяный папа рассказал, что в его детстве со стороны моста в детский пруд из толстой трубы заливалась вода. Они снимали майки и натягивали их на эту трубу — ловили пескарей.

Ночью мне приснилось, как я, Аслан и Сос разносим телеграммы на Сатурне. Ходим такие — под космические ритмы «Зодиака», в скафандрах, с современными рациями, но на плечах почему-то сумки из коззама. И вдруг из-за кристаллического валуна выползает Ян Барышников.

- Пидоры! — кричит он куда-то в серое сатурновское небо.

И звездная перхоть блестит на его широких плечах.

3.

Полупустой боинг приземлился мягко. Он почти не дергался, и я, наверное, первый раз в жизни проспал посадку. Обычно в самолетах не спится, а тут — то ли устал, то ли еще что-то. Вырубился за минуту. Даже стюардессы с тележками не разбудили.

По привычке проторчал на выдаче багажа. Только когда все разошлись и на карусели остались две кем-то забытые сумки, я понял, что прилетел налегке.

На выходе, как обычно, толкались встречающие и таксисты — с табличками и без.

Когда-то я мечтал снять короткометражку про пацана, который каждый день приезжает в аэропорт встречать Усаму бен Ладена. Только представьте, стоит возле вас типец с табличкой «Усама бен Ладен» и высматривает в каждом выходящем бородача с глазами овцы.

Захотелось кофе, я взял эспresso в «Макдоналдсе» и сел напротив широкого окна. Говорю же, было уютно. Мне вообще всегда нравится в аэропортах: больших и маленьких, старых и современных, встречать и улетать — без разницы. Вот на железнодорожных и автовокзалах совсем другие ощущения. Там почему-то обычно грязно и одиноко. Аэропорты — другое дело.

Я расстегнул куртку и положил ноги на кресло напротив. Глотнул горячий эспresso и закрыл глаза.

Позавчера из-за банальной ссоры я хлопнул дверью и сорвался в Пулково. Первым же рейсом вылетел во Владикавказ. Дурак такой —

плюнул на все. Бросил Вику и детей. Как чмошник последний. Домой, в любимый двор, видите ли, захотелось. Еще и от мамы за это получил.

И вот я вернулся. Вернулся, как возвращаются с позорно проигранной битвы или из неудачной кругосветки. Мой фрегат сел на мель, моряки подняли бунт, боцман подхватил цингу. Говорю же, чмошник. И больше никто.

— Молодой человек, ноги с кресла уберите! — Я и не заметил, что здесь ходят полицейские.

— Ну какой же я молодой?! — сказал я, но ноги опустил.

Рядом девушка болтала по телефону:

— Ну чё, он приехал — такой нарядный, билеты и деньги привез. Сидит, пялится на меня. А я в платье коротком и без трусов. Нагнулась, а он как будто глазами уже там, во мне. Не знаю, буду юзать его по максимуму. Зубы, наконец, подлечу. В Париж слетаю. Ничего не остается.

В карманах паспорт, телефон и бумажник. Я вызвал такси и вышел на улицу. Думать о чем-то не хотелось. К тому же не о чем было думать. Башка очистилась от шлака — я физически чувствовал, как в ней гуляет ветер.

Такое же ощущение, как ни странно, бывало и в детстве. Особенно летним днем в самую жару, когда во дворе никого, все еще обедают или уже спят, и ты сидишь на пацанской скамейке возле турника — в ногах спущенный мяч, в руках подшипник, в голове пустота. И нет никаких забот и привязанностей. А потом запрыгиваешь на турник и начинаешь раскачиваться. Раскачиваешься до одури, прыгаешь и падаешь в сухую траву. Переворачиваешься и смотришь на летнее безоблачное небо. А там тархтит кукурузник, сбрасывая парашютистов, и они рассыпаются по небу, как разноцветные цыплята. Жаль, что такие моменты уже не вернуть. Хотя есть другие — например, сидеть в аэропорту, пить кофе и никуда не спешить. Тоже, в принципе, неплохо.

Дал себе слово по прошлому не грустить. Если уж есть такой бзик, то, наверное, лучше искать прошлое в настоящем. Фокусироваться на мелочах, не напрягаться по пустякам. И по непустякам — тоже. В детстве я бредил будущим. Сейчас же вполне хватает того, что есть здесь и сейчас. До «там и потом» я уже вряд ли доживу. Бум — и ты уже прыгаешь на небесных батутах. Так что прощайте, марсоходы! Как-нибудь без меня. Без меня.

В такси я сел на заднее сиденье и прижался щекой к стеклу. Мимо пробежали складские здания, потом начались новостройки, и вот уже Московский проспект.

— Остановите у «Детского мира», пожалуйста! Забегу на пару минут, хорошо? — сказал я таксисту.

— Не хорошо! Слушай, абрек, знаю я вас, — огрызнулся таксист.

Я расплатился и хлопнул дверью.

Вот случилась гадость, и настроение испортилось. Ну и ладно — это быстро проходит.

На входе в торговый центр охранник попросил надеть маску. Я поднимался по эскалатору, дышал в маску и чувствовал отвратительный запах курева и кофе изо рта. В каком-то смысле я понял таксиста — кому хочется ездить с таким вонючкой?

Я бродил по магазину. Остановился возле полки с глобусами. Они были красивые — с подсветкой и разными хитрыми механизмами. Но мне больше понравился обычный олдскульный глобус — самый большой. Еле обхватил его. Это для Сони.

Потом нашел трансформеров — их любит Али. Взял опять же огромного — монстра со страшными лодыжками. Он превращался в мусоровоз. Пришлось идти к кассе с тачкой.

— Как же вы все это унесете? — без интереса спросила девушка за кассой. Глобус с трансформером не влезали ни в один из пакетов.

— Ну, как-нибудь, — также без интереса ответил я.

Так и выполз из торгового центра — в одной руке глобус, в другой — монстрообразный мусоровоз.

До дома ехал на трамвае. Долго ждал его на унылой остановке. А потом забился в угол в конце вагона. Глобус я положил в ноги. Придерживал ботинками, чтобы не укатился. На первом перекрестке трамвай дернулся, и глобус коlobком умотал к середине вагона. Там его «щечкой» технично остановил старичок в каракулевой шапке. «Наверное, бывший футболист», — подумал я и тут же крикнул на весь трамвай:

— Пасуй!

Старичок, не задумываясь, пнул глобус в мою сторону. Люди смеялись. Я взял глобус в руки и вытер его о куртку. На нем — ни трещинки. Вот что значит — качественная вещьца!

У метро многие вышли, и я наконец нашел свободное местечко. Но сидел недолго — пришлось уступить женщине с сумками. Она даже «спасибо» не сказала. Грохнулась на пластиковое кресло — оно аж закрипело.

Я вдруг почувствовал, как люди топчутся внутри меня, как в трамвае. Много людей.

В Орджоникидзе на улице Калинина была трамвайная остановка. И сразу после нее развилка: направо — к «Коньям», прямо — на БАМ. На остановке вагоновожатая обычно выходила, чтобы железным прутом переставить рельсы в нужном направлении. Мы с пацанами в этот момент как раз забирались на «колбасу». Потом остановку снесли. Развилку разобрали. А город переименовали во Владикавказ.

Я уже давно переехал в Петербург. До этого жил в Краснодаре, Москве, Осло, Берлине. Всю жизнь убегаю от родного города. Но, получается, никуда от него не деться. Ношу его на спине, как рюкзак. И я был бы дико счастлив забыть город-рюкзак в холле одного из много-

численных мотелей. Но мне его постоянно возвращают. Так и живем — я и мой провинциальный городок. Со своими проблемами и историями.

Возле дома открыли бар. Я зачем-то решил выпить стопку водки. В баре не было ни души. Вчера они запретили курить, сегодня придумали маски, а что будет потом? Скажут, нельзя пить из стаканов? Решат, что сидеть за стойкой необходимо строго по графику? Или вообще снесут эти стойки к собачьим чертям? Вряд ли, конечно, — понятия не имею, что в головах у людей, но уж точно они не трезвенники. Поэтому сиди, бухай и не рыпайся — в этом мире больше ничего не остается. Родиться, жить и умирать — такой у нас функционал. На вариативность мы не заточены.

Бармен Роберт улыбался глазами. В маске он выглядел как ковбой, потерявший шляпу в очередной заварухе. Роберт встряхивал шейкер, а мне казалось, что не шейкер это, а океан, в котором межгалактический бармен смешивает все беды этого мира.

Дверь в нашу квартиру. Я опустил глобус и мусоровоз на пол, робко постучал.

— Зачем ты сбежал? — спросила Вика. Но без упрека и злости.

— Я больше не буду, — сказал я, как в детстве, и крепко прижал Вику к себе.

— Не говори так, — сказала она. — Я знаю, будешь, и не раз. Вот только возвращайся. Всегда. Ладно?

— Ладно, — сказал я, но в голове вертелось: «Вот бы совсем не возвращаться».

А потом прибежали дети.

4.

Прошло много лет. В какой-то из дней я сидел на семейном празднике в Алагире. Во дворе поставили тент — в жару было кайфово пить и болтать в тени с братьями и дядьками. Ближе к вечеру меня вдруг позвали в дом, где сидели женщины. Когда я вошел, тут же попал в крепкие объятия какой-то тетеньки — видел ее в первый раз.

— Русик! Аслан только о тебе и говорит! Я его мама!

— Асик? Асик из Орхуса? Он сейчас здесь? — Я вдруг в секунду вновь оказался в холодном датском городке.

— Не, Аслан в Дании. Женился. Не наша, конечно, девочка, но хорошая. Живут в Копенгагене. Они с Батразом и Тимуром автозапчастями занимаются. Я вот только вчера оттуда прилетела. Что такого вы натворили — они каждый раз о тебе вспоминают!

Я и не знал, что ей рассказать.

Но до сих пор, читая унылые лекции в душевной аудитории, я часто ищу глазами дверь, которая вот-вот приоткроется, и...

— Э, Руха! Иди сюда...

Ганна ШЕВЧЕНКО

ДОЖДИ НА КРЫШАХ

* * *

Выходишь на трассу и думаешь: дождь,
безудержна осень и необратима,
автобуса ждут пассажиры, но все ж
горячие фары проносятся мимо.

Сердца и ладони ложатся в траву —
природа ветров на листву урожайна,
скелеты рябин в деревянном шкафу
доступны для зрения. Прочее — тайна.

От резкого ветра вконец околев,
в маршрутку садишься и думаешь: кто ты,
увидев свое отраженье в стекле.
Зачем возвращаться так поздно с работы?

Кому до рассвета горят фонари,
зачем светофоры мигают друг другу,
а этот автобус, горящий внутри, —
чего он добился, катаясь по кругу?

* * *

Приезжай. Министр обороны
приказал раскаяться во сне,
и теперь у розовой вороны
расцветают перья по весне.

Здесь тебя у врат из черной стали
встретит кот, одетый в белый фрак,
тут ветра от флюгеров устали
и навечно спрятались в овраг.

Скоростную трассу перекрыла
железобетонная плита,
оттого несладко тут бескрылым —
приезжай, а лучше прилетай.

Вечера здесь сумрачны и долги,
в комнате далекой, нежилой
тишина разрезана на дольки
и лежит в коробке с пастилой.

По субботам на высокой башне
светится витражное стекло,
наверху ни капельки не страшно
и от роз фарфоровых тепло.

Тут деревья вскидывают ветки
и стоят, застывшие в мольбе,
у овальной каменной беседки.
Как же я скучаю по тебе.

* * *

Растет у дома белая березка,
как если бы ее придумал Бродский
и описал в одном из самых лучших,
и прочитал картава и тягуче
в гостинице, заваленной вещами.

Зачем шутить серьезными вещами?
Ведь можно просто думать о горошечке,
о кораблях за шторами в горошек,

о том, что человек лежит в постели,
плывет ко сну в родном, привычном теле,
и слушает, как ветер причитает,
и Бродского внимательно читает.

* * *

Дожди по веревкам сползают
и вяжут на крышах узлы,
мне нравится осень, я знаю,
зачем обнажились стволы.

Затем, чтобы воздух наполнить
пустой и ненужной тоской,
чтоб звезды — пугливые пони —
свихнулись во тьме городской.

В один из холодных моментов
к дорогам прильнет гололед,
проснешься — а душу дементор
из горла, как бабочку, пьет.

Согнулись ветра коромыслом,
и слышно, как листья снуют, —
хандра наполняется смыслом,
возводится дождь в абсолют.

Сергей БОРОЗДИН

ДОЧЬ ТАЙГИ

Р а с с к а з

Над рекой, у которой спал мальчик, — именно так переводится с языка манси название Пыгрищхулимья — стелился туман, придавая лесу на противоположном берегу загадочный и слегка пугающий вид.

— За ягодой с Дуськой пойдем, — объявила Анфиса, заметив, что гостя проснулась.

Месяц знакомства не сдвинул отношения Дуси и будущего этнографа Белоноговой с мертвой точки. Всем своим видом молодая хозяйка показывала, что не настроена на беседы. Если и отвечала, то коротко, а чаще просто пожимала плечами. Иное дело с матерью и дочкой. С ними Дуся могла болтать часами напролет, исключительно на родном языке. Впрочем, прошло совсем немного времени, и она выяснила, что эта приезжая с голубыми глазами и бледным лицом, от которой так и веяло каким-то потусторонним холодом, способна понимать не предназначенные для ее ушей разговоры.

В своем доме приходится оглядываться да украдкой перешептываться! Хорошо еще, что Белоногова одна поселилась, без профессора своего. Расспрашивает обо всем подряд да в блокноте что-то строчит. Сама воды натаскать не предложит, а как в бане мыться, так первой готова!

Не хотелось Дусе оставлять дочь под присмотром чужого человека, но мать продолжала настаивать:

— Пусть привыкает к людям! В интернате с ней возиться не станут — там все чужие!

Сладко посапывает носик. Ресницы чуть подрагивают. Надо будет потом спросить, что снилось. Жалко сейчас будить! Последние деньки, когда можно спать вдоволь. Как вернемся, сразу нужно приготовить подушку, набить душистыми травами. Возьмет с собой: хоть какое-то напоминание о доме.

Сердце сжалось. До интерната больше семидесяти километров. Получится ли повидать дочку на зимних каникулах?

Дуся предпочла не тешить себя надеждой — легче будет свыкнуться. Зимой дел всегда много, не наездишься. К обычным домашним хлопотам прибавляется проверка капканов. Не придешь вовремя, так россомаха тебе одни клочки вместо соболя оставит. Вот и попробуй все дела уместить в короткий зимний день! С дровами помочь некому — матери тяжело. С весны и походы за водой тоже на Дусе. В последний раз пошла Анфиса к колодезю и пропала. Еле домой вернулась, согнувшись от боли. Помощь соседа не приняла — уж слишком горько было ощущать себя беспомощной старухой. Больше недели в постели пролежала. Хотели в больницу везти, но старая охотница заупрямилась. Начала подниматься, сперва через силу, а потом потихоньку расходилась.

Ждать встречи с Надей до следующего лета. Как же долго! Счастье было, пока работала колония. После того, как исправительную колонию расформировали, люди стали из *пауля* разъезжаться — стремительно, словно спасаясь от грядущего бедствия.

Первой закрылась школа. Ее директор Анатолий Кузьмич просил бывших учеников заколотить ставни, дабы не бились оконные стекла. Наверно, на что-то надеялся. Его услышали, а спустя неделю похоронили. На скромной могиле встал безымянный деревянный столбик с красной звездой. Местные пока еще помнили, кто под ним лежит.

Чуть дольше продержалась почта, но в конце концов и она прекратила работу вместе с телефонной станцией. Отныне главным связующим звеном с большим миром, как в далекие, позабытые времена, служила своеобразная река.

Руины колонии окрестили Ржавым Полем. Именно о нем, а не о лесных людоедах *менквах* слагали теперь жуткие истории. Не одна собака окончила здесь свой короткий век, намертво запутавшись в колючке. Других, чрезмерно шумных и непригодных к охоте, закапывали на краю поля собственные хозяева. Ни единой тропинки, лишь буйно разросшиеся кусты да металл. Гротескное сочетание жизни и смерти — настоящая зона отчуждения. Для некогда работавших и сидевших по ту сторону колючки Ржавое Поле было что затянувшаяся боевая рана. Временами, обычно темными промозглыми днями под занавес осени, она начинала ныть, но в целом жить не мешала.

Ржа почти съела буквы на старом указателе «Проход запрещен». Красная краска давно выцвела, уступив место желто-бурым разводам. Запрет из прошлого больше никого не страшил, а сам знак превратился в мишень для любителей лихой стрельбы. Однажды у кого-то заныло. Он взял двустволку и высадил в указатель весь свой запас картечи. Уставший металл жалобно скрипнул. Указатель скрылся в крапиве. Так легко уйти в забвение ему не позволили, подняли и для надежности прибили тремя гвоздями к толстой березе.

Поле сплошь поросло диким щавелем. По осени растения превращались в растрепанные коричневые метелки, сливаясь в единое целое с покореженными металлическими останками вокруг.

Слезы подступали. Дуся осторожно попятилась к двери — не хватало еще дочку напугать!

Над полем разгоралось зарево нового дня.

Хотя бы с погодой повезло. Капризный август сжалился после череды плаксивых дней.

Надо собраться. На кухне мать гремит посудой. Могла бы и тише! Выбирает тару под ягоды или специально шумит, подгоняет? Не поймешь ее! Обещаешь не злиться по пустякам, но в такие моменты терпение начисто пропадает. Неужели у всех под старость портится характер?

— Никто не ходит. Никому не надо, — ворчала Анфиса, перелезая через поваленную бобром старую осину. — Мужики обленились вконец.

Досталось и бобру, следами которого было испещрено все вокруг. Судя по обилию древесных огрызков, бобровое семейство облюбовало здешний перелесок уже давно. Глаз старой охотницы приметил совсем свежие и прошлогодние, уже затянувшиеся погрызы. Среди густых зарослей хвоща чернела найденная звериная тропа, по ней бобры и совершали набеги на осинник из своей речной цитадели.

Кедр с *катпосом* отца Анфисы бобры не тронули. От этого не легче. Было ясно, что дерево обречено. Анфиса тяжело вздохнула, но все же обновила отцовскую метку специально захваченной из дома стамеской. Давным-давно отец добыл на здешней речушке двух бобров, сопровождали его собака и другой мужчина, старший брат Анфисы. Фигуры и черточки, принимавшиеся несведущими туристами за тайнопись и предупреждение чужакам, заставили старую охотницу прослезиться. Ту черную лайку порвали волки. Отец умер в тюрьме. Брат сгинул в лесу, который знал так же хорошо, как улицы родной деревни. Спустя месяцы охотники нашли его рюкзак у обмелевшей старицы, в двух часах пути от соседнего, ныне заброшенного поселка Новый Мир. Все вещи остались на месте, а их хозяин будто растворился в окружающей природе без остатка. Зачем он ходил в те края и какая участь его постигла, так и осталось загадкой.

Когда по телевизору стали показывать колдунов и экстрасенсов, Анфиса вслух извинилась перед своим комсомольским билетом и отправилась к Феде, которого местные величали *Мань Няйт* — Маленький Шаман. Своим прозвищем он был обязан отнюдь не росту. Определенного рода странности у Феде наблюдались с детства. Впрочем, с появлением на свет избранник духов безнадежно опоздал: старые шаманы, от которых полагалось получать наставление, давно ушли из жизни. В *пауле* так до конца и не решили, считать Федю шаманом-самоучкой или же заурядным пациентом психиатра.

«Хуже все равно не станет», — рассудила Анфиса. Если милиция брата не нашла, то к кому еще обратиться?

Федя воскурил чагу и налил себе какой-то темной настойки из трехлитровой банки. Потом прикрыл глаза и стал раскачиваться в такт слышной только ему музыке. Когда Анфису начало клонить в сон от долгого сидения, Федя вдруг вскочил на ноги и, вытаращив глаза, крикнул: «Бобер забрал. Остерегайся его следа!»

— Хотя бы денег не попросил, — буркнула охотница, с трудом закрыв за собой перекошенную Федину калитку.

Возвратившись домой, она поклонилась билету и пообещала больше к Феде за помощью не обращаться.

Запруженная бобрами река поднялась. Стоявшие на прежнем берегу сосны засохли. Кора с них облезла, обнажив посеревшую, словно лежалая кость, древесину. Смола предохраняла от бобровых зубов, но оказалась бессильна против наступавшей воды. Кедр с *катпосом* пока держался, хотя вода уже стояла в ямке между толстых корней. Анфиса пообещала вернуться, когда станет лед. Ее переполняла решимость разобраться с мохнатыми строителями плотины, как сделал отец в том самом месте почти полвека назад.

— Это дед твой и дядя покойные, — пояснила Анфиса для дочери, сомневаясь, что та помнит смысл зарубок.

Тут Анфису словно в растопленную баню бросили. Колени задрожали, и женщина оперлась рукой об отцовский кедр. Впервые она сказала о своем брате как о покойнике. Ему должно было быть под восемьдесят, но туман над его судьбой никак не позволял поставить точку. Очевидно, пришло время посмотреть в бесчувственные глаза реальности.

Что до странных и непонятных событий, которых в жизни охотницы случалось предостаточно, то здесь Анфиса осталась на перепутье между верой и безверием.

Чем дальше они углублялись в лес, тем чаще пожилая женщина останавливалась, въедливо и с явной озабоченностью осматривала окрестности. Казалось, что она не доверяет больше своему зрению, снова и снова возвращая взгляд к заросшей дороге или едва заметному в болотной траве ручейку. Там, где много лет назад паслись совхозные коровы, теперь весело плескался утиный выводок. Анфиса скинула с плеча ружье. Одно этого движения было достаточно, чтобы поднять птицу на крыло. Стрелять по уткам охотница не собиралась. Они лишь будили назойливые, щемящие душу мысли о безвозвратно утраченном, которые хотелось прогнать.

Дуся не понимала, что нашло на мать, а та, в свою очередь, не утруждала себя объяснениями.

Расплодившиеся бобры могли порадовать ученых из соседнего заповедника, но для Анфисы они стали воплощением абсолютного зла, явившегося в знакомый ей с детства мир, чтобы разрушить его до осно-

вания, утопить в темной торфяной воде. От их присутствия охотница не находила ни малейшей для себя пользы: мяса мало и оно на любителя, а шкурка даже даром никому не нужна.

Анфису одолевал трудный вопрос, как заработать на новый «Буран».

Андрей, парень с Набережной улицы, весной попросил у Анфисы ее старый снегоход. Хотел съездить по насту за хариусом. Со дна реки снегоход кое-как подняли, но работать после такого приключения он оказался наотрез. Ну а что с нерадивого рыбака взять? У самого в карманах пусто, детей трое, а четвертый не сегодня завтра помрет.

Без снегохода зимой никуда: капканы проверять за тридцать километров на лыжах не находишься, чурки из леса не вывезти, про поездку в поселок Тайга за продуктами можно забыть. Соседи, конечно, не откажут, но просить об одолжении со страдальческим лицом, как это частенько делал Андрей, охотница не привыкла.

Покупателя всегда можно было найти среди скупщиков в Тайге. Анфиса все рассчитала. По весне видела много цвета, обещавшего богатый урожай. Но лес вероломно обманул. Ягода не уродилась. Ни черники толком, ни брусники. Себе на зиму запасти и то тяжело. Клюквенные болота тоже не давали повода для восторга. Вот и вспомнила Анфиса от безысходности дальние уголья, которые из-за больной спины уже много лет не навещала.

«Может, хотя бы там скудный урожай еще не успели собрать».

Трава местами поднималась выше пояса. Анфиса на чем свет стоит поносила Андрея. Пару недель назад он заикнулся, что ездил сюда на каракате и хорошо наката тропу. Но пока женщины встретили только размытые ливнем следы гусеничного вездехода — того самого, который вывозил орнитологов с кордона заповедника обратно в цивилизацию. Либо Андрей что-то напутал, либо говорили они о разных местах.

Под ногами звучно захлопало. Лямьянгсосталях-Янкалма — «болото в верховьях большого черемухового ручья». О красоте местных названий старая охотница если и задумывалась, то крайне редко. Для ее уха они звучали столь же обыденно, как «улица Ленина».

Анфиса осмотрела простиравшееся впереди болото в поисках деревянных мостков. Доверившись своей памяти, она сделала несколько шагов по махровому зеленому покрывалу. Кое-где мостки показывались на поверхность, чтобы через пару метров снова спрятаться под мох или нырнуть в воду с ржавым отливом. Три параллельные жерди — вот и все мостки. Даже в лучшие времена от путника здесь требовалась немалая ловкость. Оступился — и вот уже под ногой забулькало и ушел ты по колено, а то и по пояс. Добравшись до островка твердой земли с чахлыми полуживыми соснами, Анфиса с досадой обнаружила, что ее дочь по-прежнему топталась у края болота, опасаясь ступить на мостки.

— Трусиха! — вырвалось из уст матери. — Ты охотников дочь или кто? Я с больной поясницей прошла, а ты? Как кошка, намокнуть боишься!

После первых робких шагов Дуся, казалось, обрела уверенность в своих силах. Анфиса скупно подбодрила ее и зашагала дальше. Лес на другой стороне становился выше, а значит, ближе. Но тут болото подкинуло новое испытание. Старая охотница остановилась как вкопанная.

— Стой, где стоишь! — прокричала она дочери, не оборачиваясь из страха потерять равновесие на скользких мостках.

Впереди зияла бездна, пересечь которую у них не было ни единого шанса.

— Даже в болоте вода поднялась, — ворчала Анфиса, неуклюже разворачиваясь. — Всё эти проклятые бобры!

Они уже прошли сосновый островок, когда Дуся вдруг взвизгнула и подалась влево. С молодецкой ловкостью Анфиса схватила дочь за руку. Та только холодной воды сапогом зачерпнула. Серая гадюка, виновница происшествия, скользнула через мостки и скрылась среди взъерошенных кочек.

— Утони мне еще, — устало прозвучал голос охотницы. —хлопот не меньше, чем с этой девицей ученой. Как Надька родилась, так ты совсем от леса отвыкла.

До того Дуся не отвечала на замечания и только недовольно надувала губы, но теперь ее понесло.

— Сама разберись! — заявила она и, отстранив материнскую руку, устремилась к безопасному берегу.

При каждом шаге в сапог чавкало — тем громче, чем сильнее топала ногами раздраженная Дуся.

Плечо Анфисы заныло. Дочь уже отнюдь не отличалась детской миниатюрностью, когда можно было схватить ее за ворот и непринужденно вытащить из грязи. Да и хруст в суставах все чаще напоминал о старости. В такие мгновения Анфиса погружалась в меланхоличные размышления о прошлом, о том, что делала правильно, а в чем беспробудно заблуждалась, о том, что желала теперь изменить, но уже не могла...

Ступив снова на твердую почву, охотница с досады бросила в сторону пустое ведро для ягод. Песчаная осыпь обнажила причудливо переплетенные корни деревьев. Под ними, настелив для мягкости травы и лапника, Анфиса устроилась для отдыха. Сидеть долго было непозволительно. Время двигалось к полудню, а до места, с учетом крюка вокруг непроходимого болота, оставалось не меньше часа пути. Перекусив вареным яйцом, Анфиса ухватила обеими руками за нависавшие корни. С первого раза подняться не получилось. Боль в плече вынудила разжать руку. Задом охотница приземлилась на сухие сосновые шишки и вскрикнула от боли в новом месте. Дуся тут же поспешила на помощь,

но даже с ее поддержкой мать не сразу смогла встать. Из-под ног словно опору выбили.

— Домой пойдём? — с надеждой в голосе спросила Дуся. — Ближние кедрачи проверим. Может, орехами денег наберем...

— Тебе бы кто принес да под дверь положил! — вспыхнула мать. — Думаешь, я ради удовольствия в глушь потащишься? Нет там шишки, проверила уже. Тебе вот только забыла доложить. Чтоб я еще что-то этому Андрюшке в кривые руки дала! Помру — и ты ничего не давай, а то по миру вас с Надькой пустит. Знает, что взять с него нечего, кроме рваных штанов, вот и не бережет чужое.

Дусина просьба осталась неуслышанной. Анфиса уверенным шагом направилась в самую чащу, будто там и находился ее дом.

В целом эти места не были ей чужими. Три года жизни прошли в маленькой избушке госпромхоза среди дикой тайги. Хрупкая девушка с длинными косами и две охотничьи лайки. До *пауля* всего день пути, но Анфиса предпочитала уединение. Работала в основном по пушнине и лосю. Била молодых медведей на мясо, засаливала их сало на зиму без всяких церемоний. Старики в то время еще исповедовали почтительное отношение к мохнатому хозяину леса и медвежьим праздникам, но в Анфисины дела предпочитали не вмешиваться — от греха подальше.

Однажды на закате с пригорка спустились две фигуры на лыжах. По виляющим хвостам лаек стало понятно, что свои. Родители Анфисы потратили целый день, все ради того, чтобы поговорить с дочерью. А разговор обещал быть сложным.

Охотнице шел двадцать четвертый год. По мнению старших, ей уже давно надлежало завести семью. Представлять жениха не было надобности — его Анфиса знала с детства. Никаких особо теплых чувств их с Санькой не связывало, но и отвращения друг к другу молодые люди не питали, что родители сочли достаточным условием. Из восьми детей выжили лишь Анфиса и ее брат. Прозвище «черт косатый» многое могло сказать о характере юной охотницы. Родители переживали, как бы дочь, насмотревшись на брата, тоже не сорвалась в город. Стремительно пролетит время — и сын вернется, измученный чувством долга перед старшим поколением. Пока же мысли об одинокой беспомощной старости не покидали родителей. Эти мысли отказались убраться прочь, даже когда Анфиса предпочла тайгу.

Поддавшись материнским слезам, дочь согласилась сыграть свадьбу. Так закончилась история единственной в районе девушки-промысловика. Как раз перед свадьбой о ней вышла статья в газете «Ленин пант хуват» («По ленинскому пути»). Молодой муж вырезал передовицу с фотографией Анфисы и поместил в рамку на память. На стене она и дня не продержалась. Супруг услышал категоричное заявление, что прежняя Анфиса умерла и не стоит ворошить ее прах. С тайгой охотница,

конечно, не порвала, но о многомесячном промысле и уединенной избе пришлось позабыть.

Унылые болотные сосенки сменились густой темнохвойной тайгой. До места, где стояла изба, совсем близко — по таежным меркам, конечно. За прошедшие десятилетия от старого домика не осталось ни единого следа. Бревна гнили, стены перекашивало. Охотничья изба никогда не существовала в окончательно сложившейся форме, постоянно обновляясь и перестраиваясь. Завершенность же служила знаком заброшенности, вслед за которой неминуемо приходило разрушение.

Сапогом Анфиса раздвинула густую траву у самой стены избушки. Почерневшие от времени и непогоды венцы кое-где оцетинились пучками отслоившейся щепы. Охотница только грустно вздохнула. Слова здесь были лишними. Скашивать траву женщина не стала: все равно скоро сама под заморозком ляжет. Лишний труд в тайге ни к чему, как и сантименты. В тот день у старой охотницы было более важное дело.

Еще метрах в семистах от избы ее внимание привлек буквально бьющий в нос запах падали. Верный признак того, что косолапый кого-то задавил и прикопал впрок. По примятой траве след шел от придорожного ручья в светлый березняк. Несколько дней медведь кормился, отходя от туши лишь для того, чтобы попить чистой проточной воды.

Обнаруженная на тропе обглоданная лопатка поведала пытливым охотнице, что лось при жизни исполинскими размерами не отличался.

— Двухлеток, — заключала она, наткнувшись на обломок черепа с миниатюрными рожками. — Не дал, паскудник, вырасти!

Анфиса не покупила на слова, спустив всех чертей на охотников, начисто выбивших крупных животных из окрестных лесов. Уже лет шесть ей не удавалось встретить быка с пятью и более отростками на рогах. Зверь непоправимо измельчал. А тут еще медведь вздумал полакомиться молодняком. На удачу охотница не слишком надеялась. Охота на косолапого хищника по зелени да еще без натасканных собак не сулила ничего хорошего.

В избе, несмотря на открытые теперь настежь двери, держался тяжелый спертый воздух: люди давно сюда не заходили. Брошенные на нары матрацы потемнели от постоянной сырости и не первой свежести одежды промысловиков.

Дуся решила наломать лапника и положить поверх матрацев, чтобы спать было не так противно. Но первым делом она вынесла наружу алюминиевую кастрюлю. Неудачливая мышь соскользнула внутрь и перед неизбежным концом все там изгадила. Усохшее скрюченное тельце упокоилось среди собственного помета, источая омерзительный запах. В суповой тарелке остался чей-то недоеденный обед, обильно поросший пушистой белой плесенью.

Присутствие поблизости медведя пугало, но свежий воздух непреодолимо манил наружу.

Прежние гости не позаботились ни о дровах, ни о припасах.

— Если повезет, то не замерзнем, — посмеялась перед уходом Анфиса. — Околеть в августе — тот еще анекдот.

Дусе вспомнился город. Сначала те его стороны, которые облегчали жизнь, без которых горожанин уже себя не мыслил. Вместе со смолистым лесным воздухом пришли воспоминания о двушке на четвертом этаже с видом на гаражи и асфальтированную площадку без единого дерева. Стоило выйти из подъезда и свернуть в арку, как ты оказывался уже на шумной улице с узким тротуаром, где два пешехода едва могли разойтись, и широченной дорогой в три полосы в каждую сторону. Одно преимущество — от квартиры до рабочего места Дуся добиралась за какие-то три минуты.

У нее никогда не возникало мысли уехать из родной деревни. Встреча с Егором поставила все с ног на голову. Он приехал в заповедник для подсчета копытных. Разговор приезжих биологов с местными жителями не сулил ничего хорошего. Одна сторона подозревала другую в браконьерстве, а та, в свою очередь, опасалась, что лосей, от которых зависела жизнь всей деревни, запретят добывать.

Особенно болезненных тем в тот раз мудро решили не поднимать. Егор лишь попросил не заходить за аншлаги*, где начиналась особо охраняемая территория.

Недавно назначенному директору заповедника этого показалось слишком мало. Битые лосихи не давали ему покоя. Защитник природы выступил вперед и с хитрым прищуром спросил:

— А коров в мае кто стрелял?

Собравшиеся человек двадцать мужчин недобро на него посмотрели. Директор обернулся, прикинув расстояние до лодки на случай поспешного отступления.

«Не быть тебе, дражайший ты наш, уважаемым здесь», — понял он по искаженным ухмылкой небритым лицам.

Витька Зуев, в молодости отсидевший срок в местной колонии, безмолвно, подобно истукану, восседал на упавшем телеграфном столбе. Рот его был занят папиросой. Все жители *пауля* знали, что Витька не чурается браконьерского промысла. Но кто же без греха?

Анфису добыча Зуевым стельной лосихи раздражала меньше, чем его грубоватый юмор. Бывает, настроение само по себе отвратительное, и тут еще Витьку как черт за язык дернет. Однажды уязвленная неуместной шуткой охотница пригрозила пустить зуевскую собаку на шапку. На следующее утро она нашла окоченевшей свою... Конечно, ее лайка могла умереть от старости, но интуиция шептала другое.

* Аншлаги — здесь: табличка с обозначением начала природоохранной зоны.

— Говорят, у стреляных коров удои падают, — наконец высказался Витька, бросив окурочок в воду.

Директора заповедника едва не разрывало от гнева. Оглушительный хохот, прокатившийся после шутки Зуева, был для него не чем иным, как глумлением над ним как представителем закона, а значит, и над самим законом. И смеялись те, кого он искренне считал бандитами!

— Распустили их! — высказывал он позже Егору. — Как Союз развалили, так эта мразь вся из нор повылезала. Да тут их добрая половина — уголовники, со всей страны свозили. Будто мы чем-то провинились. Нате вам соседей!

Но тогда на берегу, в *пауле*, он предпочел помолчать.

Для налаживания доверительных отношений Егор предложил по добрать помощника из числа деревенских жителей. Директор был категорически против:

— Все равно что заставить волка стадо пасти.

Но и тут он удержался от комментариев, заметив ружье за спиной у Анфисы.

Кто-то отправился домой, не дожидаясь завершения надоевшего разговора. Оставить на месяц промысел, чтобы задарма мотаться с учеными по лесу, желающих не находилось. Тогда Зуев предложил Анфису.

— Баба — огонь! — рассмеялся он. — Не соскучитесь.

Анфиса завелась с полуоборота. На это и делался расчет: раз уж беседа превращалась в пустую болтовню и обмен благими пожеланиями, то хотя бы так скуку развеять.

— Твой поганый язык и червь жрать не станет! — разбушевалась старая охотница. — Я тебя насквозь вижу со всеми твоими грязными намеками.

— Таки насквозь? Шаманка, что ли? — подливал масла Зуев. — У меня мозоль на одном месте вылезла. Вылечишь?

— Чтоб тебя чахотка взяла! — прозвучало в ответ.

Зуева Дуся слегка побаивалась из-за его прошлого. Разные слухи ходили. Рассказывали даже, будто бы в родной деревне на Брянщине он поджег дом, а потом добил топором выбравшегося из огня хозяина. Все это якобы из-за ревности. Характер своей матери Дуся знала гораздо лучше. Если уж та ввязалась в перепалку, то просто так не отступит. Чтобы не позволить вспышке перерасти в настоящий пожар, дочь охотницы вызвалась биологам помочь. Дальнейшие события разворачивались слишком быстро, чтобы Егор и Дуся успели их осмыслить.

К удивлению дочери, Анфиса приняла известие легко.

— Езжай уже, хватит обниматься. У меня куча дел еще, — услышала на прощание Дуся.

Удерживать взрослую дочь, чтобы выслушивать потом упрёки о загубленной в глухомани жизни? «Лучше не затягивать», — решила Анфиса. Пусть летит свободно, как пущенная из рогатки косточка. Куда

упадет, там и прорастет. А если белка прежде найдет, так вины в том ничьей не будет.

Дуся на мать дулась и полгода даже писем не писала. Зато потом излила на бумагу все: и обиды на мужа, и жалобы на безумную городскую жизнь. Нечто подобное Анфиса предвидела. Ответные письма она переписывала по несколько раз. Меньше всего ей хотелось вызвать у дочери желание бросить все разом и вернуться. Вот и получались в итоге странные истории о якобы заполонивших весь лес бешеных лисах и надоедливых комарах, которые расплодились в невиданных доселе количествах.

Дуся была убеждена, что мать ее не слышит. После таких писем жалобы прекращались, но надолго терпения новоиспеченной горожанки не хватало.

Супруги оказались слишком разными. У Егора имелись многочисленные знакомые по институту. Они вели свои беседы, малопонятные и отчужденные. Иногда в тех разговорах мелькали названия знакомых Дуся мест и животных. Подчас появлялось обманчивое ощущение понимания, которое очень быстро сходило на нет. Похожее чувство возникало у нее в детстве при ловле ящериц. Только что одна из них была у тебя в руках, но уже в следующий миг юркое создание ускользало, оставив на память лишь свой хвост. Контроль популяции, радионуклиды в организме животных, расчет численности популяции по неким квадратам наводили кромешную скуку. Дуся было непонятно, почему все эти вежливые люди в галстуках и потертых пиджаках стремятся предельно усложнить знакомый ей с детства мир таежных обитателей. Она больше не пыталась делать заинтересованный вид и вставлять казавшиеся уместными реплики. Отныне ее участие сводилось к приготовлению чая из лесных трав, который ученые гости расхваливали до такой степени, что становилось даже неловко.

Помимо этого, были День работника лесного хозяйства, бесчисленные дни рождения, публикации книг и научные конференции, которые отмечались тесной дружеской компанией. Для Дуся они значили только одно — стойкий запах перегара в спальне.

Утром Егор первым делом чистил зубы мятной пастой и клал в рот два ментоловых леденца. Именно два, ни больше ни меньше.

Метод борьбы с запахом вчерашнего застолья дотошно выверялся, пока не перерос в стойкую привычку. Егор становился раздражительным, если леденцы или паста неожиданно заканчивались. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы впредь застраховаться от подобных сюрпризов — паста и леденцы стали покупаться им лично и с большим запасом. Настоящая трагедия случилась, когда привычная марка болгарской зубной пасты исчезла с полок магазинов. Егор ходил сам не свой, пока наконец не нашел приемлемый для себя заменитель.

Дуся устроилась продавцом в магазин «Океан». Она наивно полагала, что ее знания по части рыбного промысла могут там пригодиться. Вместо этого девушка целыми днями курсировала со склада в зал с наполненной мороженой рыбой тележкой.

Егору она приносила морскую капусту. Покупатели ее брать не хотели, но магазин упорно заказывал снова и снова, чтобы потом списать всю партию. Зачем? Почему? После тщетных попыток найти ответ Дуся сдалась.

Пристрастия мужа к водорослям она не разделяла: «Все равно что тину жевать». Аргументы Егора в пользу здорового питания оказались бесполезными. Дуся стояла на своем: есть намного более приятные вещи вроде кедровых орехов, ягод и, на худой конец, грибов. Егор считал жену упрямой и объяснял недопонимание «особенностями образования», как он деликатно выражался в компании близких друзей. В ответ он слышал столь же деликатные намеки на неких умных людей, которым стоило использовать голову по прямому назначению — для оценки последствий своих поступков.

Расстаться было неудобно. Егор чувствовал ответственность за Дусю. Ту ответственность, которую несут родители маленьких детей. Бросить доверившееся ему невинное существо, которое ничего в жизни не видело, кроме девственных лесов, представлялось ему сродни самому тяжкому преступлению.

Не прошло и года, а от стремительно вспыхнувших чувств не осталось ровным счетом ничего. Дуся медлила и сомневалась. В мучительных раздумьях проходили дни. Она выкладывала красноперку в лоток для горбуши. Потом безропотно выслушивала замечания заведующей и винилась. Но через час-другой, опять погрузившись в раздумья, выставляла на витрину консервы, предназначенные для списания. Увольнения Дуся не боялась. Подсознательно оно ее даже манило. Но начальство проявляло чудеса терпения. Жалобы покупателей на перепутанные ценники тонули в непоколебимом начальственном молчании.

Заведующую вполне устраивало, когда сотрудник выходит на работу и чем-то занят, пусть это даже лишь видимость кипучей деятельности. Настроение покупателей никак не отражалось на окладе заведующей. Всем, по большому счету, было все равно. Покупатели ворчали, но, скорее, чтобы выпустить пар. Никто из них всерьез и не рассчитывал, что его голос изменит давно сложившиеся порядки. И они возвращались в магазин, поддерживая прежний ход вещей.

Дальнейшие шаги девушка выверила до мелочей. Она даже не стала писать заявление об увольнении — все ради сохранения своего плана в тайне. Обычное хмурое утро и мокрый асфальт за окном. Овсянка и омлет из двух яиц для Егора — все как обычно. Перекинулись парой слов насчет ремонта пылесоса. Егор заверил, что отнесет его мастеру на следующей неделе. Этот короткий разговор тоже стал для них обычным:

пылесос ожидал ремонта второй месяц. Дуся снова понимающе кивнула. Но обычному молчаливому вечеру за просмотром второсортного фильма уже не суждено было состояться. В кошельке Дуси лежал билет на поезд до Тобольска.

Надя родилась через семь месяцев. Прочерк вместо имени отца — таково было желание Дуси.

Накануне рождения дочери беременной женщине приснилось, что она разродилась дюжиной щурят. Сон настораживал, и на рыбалку с матерью она не поехала. Так и родила дома, в одиночестве, чудом выжив после большой кровопотери. Благо, что успели добраться до поселка Тайга, обители цивилизации в глазах жителей пауля, и вызвать вертолет...

Сейчас о том времени напомнил рокот вертолета. Саму машину пока что скрывали от глаз исполинские ели.

«Богатые люди решили поохотиться», — подумала Дуся и на всякий случай укрылась в избе. Глаза зальют, так палят по всему, что движется, соболя от росомахи не отличат, как говорила про заезжих охотников Анфиса.

Ее голос пытался пробиться сквозь шум лопастей. Отдельные обрывки речи успевали достичь Дусяного уха, прежде чем вертолет окончательно их заглушал.

— Дуська! Дуська! — надрывно звучало снаружи.

Вертолет завис над поляной, будто выбирая место для посадки. А может, кто-то, находившийся внутри, желал узнать, что за оживление царит рядом с давно покинутой избой?

Анфиса едва держалась на ногах под напором порождаемого винтом вихря. В этой схватке машина победила. Уставшие после заросших троп, болот и кочкарника мышцы не могли долго сопротивляться новому странному испытанию. Ноги подкосились. Тело повело назад и опрокинуло на спину. Охотница отчетливо видела носки своих сапог, а над ними — облака в небесной синеве.

Словно злая шутка над пожилой женщиной и была поставленной целью. Во всяком случае, вертолет, снова набрав высоту, повернул в сторону заповедника.

Анфиса обнаружила себя лежащей между лап добытого медведя-пестуна. На секунду охотнице показалось, что зверь еще жив. Вот-вот он вонзит зубы ей в макушку, и тогда прощай этот свет! Острые когти мелькнули перед самым лицом и слегка чиркнули по шее. Анфиса с презрением оттолкнула пахучую лапу. Вскоре явилась и настоящая напасть. Многочисленные блохи спешили покинуть охладевшую тушу. Теплое живое тело было для них сродни подарку судьбы.

Анфиса с трудом поборолла желание пальнуть в отместку по вертолету из своего нарезного ружья. Только патроны истратишь понапрасну, а

ежели попадешь, то закончишь жизнь в мрачной тюремной камере. После таких выводов оставалось лишь с досадой плюнуть вертолету вслед.

Добычу Анфиса тянула за задние лапы старым арканом для ловли оленей. В избу аркан попал в те, уже отдаленные, времена, когда этот мир оставил последний местный оленевод дед Жора, до конца дней носивший на своей телогрейке наградной знак «Молодому передовику животноводства».

Оставшиеся бесхозными олени разбрелись по окрестным горным склонам. Охотники их обычно не трогали, и дело тут было не в почтении к памяти их прежнего владельца. Добыть лося было попросту легче, да и по части упитанности он заметно превосходил поджарых потомков оленей деда Жоры.

— Федя говорил, что нужно аккуратно и с обязательным ритуалом. А потом голову со шкурой на священное место отнести, — поспешила сообщить Дуся.

Тогда Анфиса собственноручно вспорола брюхо добычи. Сделано это было нарочито небрежно. Медвежьи внутренности вывалились Дусе под ноги.

— Ты вроде не настолько старая, чтобы по давнишним обычаям жить, — заворчала охотница. — Медведей в лесу как мошки, с каждым сюсюкаться жизни не хватит.

Игнорируя отвращение дочери, Анфиса выпотрошила окровавленный желудок. Ключки шерсти внутри подтвердили ее догадку насчет молодого лося.

— Как же ты его завалил? — будто издевалась она над добытым медведем. — Сам-то только вчера от сиськи оторвался!

К деревне Анфиса вышла одна на следующее утро. Неимоверными усилиями держалась она на ногах, помогая себе подобранной в лесу палкой. Руки в крови, платье изодрано — охотница спрямляла путь через заросли. Ружье бросила в приметном месте под высохшей пихтой: нести его становилось все тяжелее. Время подгоняло, не позволяя даже как следует отдышаться.

Зуев все понял с полуслова. Позвал приятеля — Андрея, а сам побежал к дому. Вернулся уже на своем каракате. Захватил пару чистых простыней — перевязать раны или тело прикрыть. Как уж повезет.

— Я с вами! — закричала Анфиса.

Стоило подняться с пенька, куда ее с боем усадила соседка Таня, как охотницу зашатало. Только молниеносная реакция помощницы не позволила Анфисе упасть. Тут же подоспели вода и какая-то таблетка.

— Поеду! — настаивала охотница. — Место покажу.

— А я будто про Сморчок-бугор впервые слышу! — обиженно возразил Зуев. — Каждую весну туда за черемшой мотаюсь! Да лучше меня те места только медведи и знают!

Анфиса заревела. Ее удалось усадить снова, и теперь Таня, как бдительный страж, стояла рядом, готовая в случае чего броситься на помощь.

Белоногова не находила себе места — ей хотелось быть хоть чем-то полезной. Сходила на берег, проверила лодки. Вернулась с вестью, что сосед Анфисы уже отправился в Тайгу за помощью.

— Спасибо тебе, дорогая! Спасибо! — сквозь слезы благодарила охотница.

Дуся намерилась вернуться обратно. Молодая женщина вымоталась до крайности: холодная промысловая изба, ночью мыши устроили под крышей возню, не давая заснуть. Но больше всего Дусю донимали бесконечные придирки матери: то по болоту неправильно ходишь, то руки кривые, нож в них не держится... Добычу Анфисы так и бросили. Дуся наотрез отказалась участвовать в разделке после замечания матери насчет распущенных волос.

— Подбери ты их как следует! Натрясешь ведь, а потом что? Давиться ими будем?

Сама охотница считала, что наставляет дочь. Она не мечтала дожить до того дня, когда внушка повзрослеет и сможет выбрать свою дорогу в жизни, а потому от Дуси требовалось стать для Нади надежным проводником.

После скоротечной ссоры Дуся обозвала мать сварливой старухой и отправилась домой. Тщетно пыталась Анфиса ее остановить.

Тем временем солнце клонилось к западу.

— Заплутает, точно так и будет!

Анфиса нагнала дочь у брода через безымянный ручей. Охотница несла пластмассовые ведра, приготовленные под ягоду. Никто не желал начинать разговор и тем более просить прощения. Так и шли молча. Лишь изредка, когда Дуся сбивалась с пути, звучало громогласное: «Не туда!» К таким замечаниям дочь вынужденно прислушивалась.

Лес пробуждался для сумеречной жизни вместе со своими обитателями, таившимися при свете дня. Пустые ведра раздражали Анфису.

«Знала же, что лучше самой все сделать! — жаловалась про себя охотница. — Эта совсем головой не думает! Зимой очнется, когда последний сухарь догрызет».

Малина отошла, и ее заросли уже не вызывали той опаски, как в середине лета.

Встреча с выводком произошла не там, а у поросшего густой травой пригорка. Лес здесь расступался. Склон прекрасно просматривался, но то было днем.

От этого выводка и отбилась кормившийся на лосиной туше пестун. Впрочем, пользы такое открытие принести не могло. Встреча явилась сюрпризом и для людей, и для зверей. Шанс разойтись миром оказался упущен.

Медведицу Анфиса уложила с четвертого выстрела. Времени той с лихвой хватало, чтоб изрядно Дусю помять.

— Жива? Жива?!

Вместо ответа — тихий стон. Дотронулась легонько до Дусино-го плеча — рука липкая. Скинула дождевик — укрыла. В одиночку не справиться. Скорее бежать в *пауль*! Развести бы костер, но медлить опасно. Голодного зверя огонь все равно не отпугнет. Кончить бы для верности подросших медвежат, но попробуй отыскать их в лесу, да еще на ночь глядя!

— Я быстро! Быстро! — продолжала твердить Анфиса, понимая, что Дуся уже слишком далеко и не услышит, даже если сознание чудом к ней вернулось.

Дорогу Зуев нашел безошибочно. На обратном пути у Ржавого Поля он передал каракат Андрею, а сам прыгнул чуть погодя, за огородами, ближе к дому. Свою скорбную миссию он счел выполненной. Совсем скоро предстояла другая, уже не такая тягостная, но требующая гораздо большей сноровки.

Заказ на медведя у Зуева «висел» еще с зимы. Его знакомый держал придорожное кафе с гостиницей на тюменской трассе.

Визитной карточкой заведения служила сваренная из металлолома клетка с медведем внутри. Одна проблема: состарился косолапый, все больше лежал и с задачей развлечения гостей уже не справлялся. Недолго думая, ему решили найти замену, так Зуев и получил заманчивое предложение. Выполнять его он, впрочем, не торопился. Что-то постоянно не срасталось: то крыша потекла, то к брату на похороны пришлось ехать аж на другой край страны, потом лайка чем-то отравилась... Про себя Зуев решил, что специально бегать за медвежатами по лесу не станет. Тем более что прежде следовало разобраться с их мамашей, а доплачивать за устранение медведицы заказчик отказывался.

— Пусть идет, как идет, — смирился Зуев. — Судьба сама разберется.

И вот судьба в кои-то веки оказалась на его стороне. Когда добыча сама шла в руки, Зуев счел верхом глупости ее упускать.

— Разве это законно? — поинтересовался у него профессор Амфитеатров.

— Наука, ты будто вчера родился. Кино и немцы, ей-богу! — добродушно ответил Зуев.

Хоронили Дусю всей деревней. Так Белоногова впервые оказалась на местном кладбище — раньше не возникало ни повода, ни желания.

— Что это? — изумилась она, увидев груды бутылок и старой посуды.

В интонации аспирантки звучала полнейшая растерянность.

— Вадик Пискарев хорошо данный феномен описывал. Дары покойнику — то, что с поминок осталось. Ничего ведь нельзя с кладбища уносить. Анечка, ты же ссылалась на эту монографию в своей статье, — произнес Амфитеатров полушепотом, стараясь не беспокоить собравшихся поодаль манси.

Уши аспирантки запылали, как раки в крутом кипятке.

Конечно, книгу Вадима Пискарева, старшего ученика Амфитеатрова, аспирантка читала. Впрочем, ее диссертация не касалась темы погребальных ритуалов, поэтому «главу о грустном» она пропустила без всякого сожаления.

В словах учителя аспирантка услышала то, о чем больше всего переживала, — сомнение в ее компетентности, подозрения в плагиате и множество колющих в самое сердце эмоций — от разочарования до брезгливости.

— Одно дело — прочесть, другое — увидеть. Помните концепцию культурного потрясения Огюста Леклера, описанную в книге «По ту сторону маски»? Как жаль, что ее до сих пор не перевели!

Профессор одобрительно кивнул. Книг Леклера он в глаза не видел.

«Наверно, младшее поколение школы “Анналов”», — подумал Амфитеатров.

У него даже забрезжила легкая зависть. Его ученица изыскивала время для чтения литературы, напрямую не связанной с ее исследованием; Амфитеатров же постоянно изумлялся текучести времени: вроде только позавтракал, и всего-то лекцию прочел, статью отредактировал, а за окном уже фонари зажглись. Он вставал в шесть утра и сверялся с планом наиболее важных дел, составленным накануне. Ничему лишнему вроде просмотра телевизора или приготовления сложных блюд в его графике не было места, но все равно успевать больше никак не получалось ни тридцать лет назад, ни сейчас.

«Счастливая девочка, — подумал профессор про Белоногову. — Может позволить себе роскошь развлекательного чтения».

Но аспирантка и не подозревала, что ее положение способно вызвать зависть. Только что научная карьера висела на волоске, а дальнейшая жизнь виделась скучной и неприметной. Музей или учительство в школе — однообразие, предсказуемость, монотонное переключивание бумаг и всепоглощающая рутина. Но несколько правильных слов, к месту упомянутая книга, и вот она уже снова на коне. Будущее спасено, по крайней мере явная угроза отступила. Все силы были израсходованы в попытке сохранить лицо и честное имя исследователя. На удержание эмоций в узде уже не оставалось ни капли энергии, и они резво рванули наружу. Белоногова опустила на траву рядом со старой мансийской могилой. Прикрыв лицо вспотевшими от волнения ладошками, она разревелась.

Профессор и рад был бы успокоить ученицу, но подходящие слова никак не хотели выстраиваться в связное предложение. Плач Белоно-

говой не оставлял камня на камне от привычной ему системы восприятия реальности, с четко обозначенными причинами и их следствиями. Расплакаться на похоронах в целом логично, но Белоногова почти не общалась с покойной, да и логичнее, по его разумению, было заплакать в самом начале, как поступила Анфиса. Что-то здесь не сходилось. Ну а если взять разговор о книгах, то тогда все запутывается еще больше. Как обсуждение научных работ может довести до слез? Это же звучит абсурдно!

«А как ловко прикидывалась хладнокровным мужиком! — подумала про Белоногову Анфиса. — Дурочка...»

«Над профессиональной выдержкой стоит, очевидно, поработать», — подметил в свою очередь профессор.

Впрочем, спустя каких-то несколько секунд свое отношение он радикально пересмотрел.

«Если такова ее непритворная реакция, то пусть плачет, — теперь решил Амфитеатров. — Лучше, когда отношения с информантами строятся естественным образом, без избыточных формальностей».

Натренированный годами полевой работы профессорский ум тем временем переключился на то, что считал приоритетным в текущий момент, — похороны. Он скрупулезно подмечал малейшие детали одежды, кто где стоял и что говорил, вычленял совпадения и различия с десятками траурных церемоний, которые ранее наблюдал на Пельме, Ляпине и Лозье. Уже по дороге Амфитеатров сделал выводы насчет изменения местных традиций. Ясным знаком для него стало расположение кладбища выше по реке от деревни, а не ниже по течению, как предписывали обычаи.

Теперь профессор проводил подробную разборку ритуала, видя перед собой ту самую систему причин и следствий, только более обширную, растянутую на десятки и даже сотни лет. «Бытие определяет сознание» — профессор сохранял верность этому марксистскому постулату. Отдельные люди зачастую терялись в такой системе и действовали скорее как орудия не Божьей воли, но исторических и социальных закономерностей. Амфитеатров и сам считал себя элементом системы, и данная роль его отнюдь не огорчала.

«Могила типичная по форме. Погребальная яма мелкая. Личные вещи покойной кладут с ней. Ориентация тела головой на запад, очевидно, христианское влияние», — беспристрастно фиксировал происходящее ум ученого.

Анфиса погладила на прощание тщательно отшлифованную крышку гроба. Потом отвернулась, прижавшись морщинистым лицом к сосновому стволу. Тело ее сотрясилось, но плача никто не слышал.

Тяжелая, напитанная влагой земля липла к лопате. Андрею то и дело приходилось ее счищать. Федя Мань Няйт срубил молодую березку в три пальца толщиной и соорудил из нее крест. Сруб над могилой по-

крыли пленкой для теплиц, чтобы предохранить еще пахнущую смолой древесину от преждевременной гнили.

Разумеется, Амфитеатров такую находчивость оценил. Профессор стоял с отстраненным видом и ломал голову, выбирая более подходящее определение для Дусиных похорон.

«Как лучше выразиться? Размывание, трансформация или модернизация традиционного погребального ритуала?»

На разведенном у свежей могилы костре пузырилась уха из щуки. Пришедшая в чувство Белоногова похлопала задумчивого учителя по плечу и жестом предложила пройти к месту поминальной трапезы. Профессор понимающе кивнул. Ненавязчивое молчаливое присутствие обоем ученым казалось наиболее уместным для такого случая.

Утром девятого дня Анфису охватила непривычная суетливость. Надя капризничала, глядя на бабушку.

Подоспел профессор Амфитеатров. Сказал, что хотел провести свою ученицу. Вряд ли старая охотница с восторгом отнеслась бы к появлению ученого, признайся он в своем намерении понаблюдать за подготовкой к поминкам.

— В школу Наде надо, — почти оглушила хозяйка любопытного профессора.

Всю ночь Анфиса не спала — боялась, как бы внучка не сбежала в тайгу. Уговоры не действовали. Девочка упрямылась. Даже рассказы про игры с другими детьми в школе-интернате оказались бессильны. Она не могла понять, почему школа такая злая и требует от нее расстаться с бабушкой аж до следующего лета.

— Я тоже там училась, — повторяла Анфиса. — Никто от меня ни единого куска не отгрыз.

Надя продолжала кричать, а как только бабушка приближалась к ней, пряталась за печь.

Анфиса выглядела изможденной и растерянной.

Внучке она соврала. Училась будущая охотница в *пауле* и нередко школу прогуливала, напрашиваясь с отцом на промысел. Учителя и директор обычно входили в положение: читать, писать умеет — уже хорошо, а тайга научит всему остальному. Уезжать из родных мест она не хотела, и никто от нее подобного не требовал.

Дуся, наоборот, училась прилежно. Однажды в восьмом классе ее вызвал к себе директор Анатолий Кузьмич и задал тривиальный, на первый взгляд, вопрос: «Кем вы хотите стать?»

Поразмыслив, Дуся решила, что это тот самый случай, когда нужно отвечать красиво, как от тебя ожидают. Она и ответила: «Детским врачом». Директор оценил достоинства названной профессии и сделал в своей записной книжке какую-то пометку. Про разговор Дуся благополучно забыла и даже родителям не рассказала. В тот же вечер директор

зашел к ним по-соседски попросить медвежьего жира для больной жены и обсудить Дусин выбор.

Как водится, начали издалека. Попили ароматного чая, поговорили об охоте.

— Александр Сергеевич, Анфиса Тихоновна, — обратился он наконец к родителям Дуси, — я бы посоветовал Дусе поступать в медучилище. С поступлением проще. Войдет в профессию, а там уже и в институт дорога открыта. Можно, конечно, сразу в институт, но сложно.

Анфиса с мужем недоуменно переглянулись. Возникли подозрения, что судьбу их дочери кто-то уже определил. Недоразумение быстро развеяла сама его виновница. Отказываться было неудобно, вроде как сама напросилась. В общем, когда одноклассники радостно разбежались по домам, Дуся оставалась на внеурочные занятия по химии. Вел их лично Анатолий Кузьмич. Семью Анфисы сложно было назвать зажиточной, но директору за его труд временами перепадал бидончик клюквы или парочка-другая зайцев. Анфисе становилось неловко от мысли, что ее дочь отнимает чужое время, а директору неловко было отказываться от подарков.

В конце концов щекотливая ситуация разрешилась сама собой. Откуда-то издалека, от начальника, которого в *пауле* никто не знал, пришло распоряжение закрыть школу из-за недостатка учащихся.

Последний год Дуся доучивалась в интернате. Наде предстояло проделать тот же путь. Анфиса и рада была бы рассказать про тот год из жизни Дуси, чтобы немного успокоить внучку, но боялась, как бы напоминание о погибшей матери не довело девочку до помешательства.

В самом облике Анфисы произошли необратимые перемены. Даже Белоногова обратила на них внимание. Внешне она одряхла, и случилось это молниеносно, буквально за пару недель. Прежде порывистые, энергичные движения охотницы сменились медлительностью. Казалось, она потеряла всякую уверенность в своих физических силах. Каждый раз Анфиса медлила, прежде чем переступить через разлившуюся на ее пути лужу или преодолеть две низенькие ступеньки собственного крыльца.

Если раньше сон приходил, едва ее голова касалась подушки, то сейчас кровать превратилась в место пытки. Стоило остаться наедине с собой в темной спальне, как отовсюду из потаенных углов сползались мучительные вопросы, тщетно просившие ответов. Они кусали, жалили и кололи беспощадно, заставляя сердце неистово биться, как белка в силках. Наконец сон вроде бы сжаливался, но вот сквозь него отчетливо слышался знакомый голос: «Может, пойдем домой?» Анфиса вздрагивала всем телом и с ужасом возвращалась в мир живых, в котором Дусе больше не было места. Затем изощренная пытка повторялась заново.

Почему не послушала? Зачем упрячилась? Почему выбрала ту заросшую дорогу? Почему не предупреждала зверей стуком по металлу-

ческой кружке, которую специально для этого взяла из дома? Почему не придала значения свежим следам медвежьей семьи? Зачем начала палить по медведице, не подпустив на расстояние верного выстрела?

Все эти вопросы воплощались в кошмарах, приобретая облик демонических существ. Змееподобных, с отливающей золотом чешуей, с огнем в глазах и огромными ядовитыми клыками. Неведомых лесных духов с поросшим мхом деревянным телом, обрывками березовой коры, свисавшими подобно бороде под застывшим в безмолвии ртом. Стоило этому рту открыться, и разверзалась темная ледяная бездна, готовая засосать в себя все без остатка. Анфиса не могла даже поручиться, видела она это во сне или то были признаки приближавшегося сумасшествия.

Встав однажды ночью по нужде, Белоногова услышала странные звуки, доносившиеся из хозяйской спальни. Сначала повизгивание пилы, а затем хруст ломающегося дерева. Постучать аспирантка не решилась. Вдруг все стихло. Белоногова решила, что виной тому предательски скрипевший под ногами пол.

Тем временем Анфиса кляла себя за напрасно испорченные деревянные лыжи. Она уже давно сделала себе новые, но добротное, хоть и старое изделие ей стало по-настоящему жалко.

«Могла бы и сразу сообразить, что лыжи для такого не подойдут», — пробудился беспощадный внутренний голос.

Научное любопытство одолевало аспирантку. Анфису же невероятно удивило предложение Белоноговой помыть в доме полы. Сама вызвалась, без напоминаний и повторяющихся просьб! Как это вообще понимать? Мир встал с ног на голову? Профессор научил уму-разуму? Решила хоть как-то помочь после тяжелой утраты?

Но все пошло не так, как ожидала аспирантка: ей наказали убраться везде, даже в бане, но не в хозяйской спальне. Первый же поход к колодцу за водой едва не довел Белоногову до слез. Сам колодец представлял собой углубленное устье ручья. К нему вела узкая тропинка, круто спускавшаяся с деревенской улицы через дремучие заросли. Только эти заросли и помешали падению Белоноговой на камни.

Девушка прозвала колодец «поганой лужей». Здесь неизменно роились полчища мелких кусачих комаров, один писк которых способен был довести их жертву до иступления. «Лужу» эту окружали со всех сторон огромные, скользкие от вечной сырости валуны. Некоторые угрожающе выставляли навстречу путнику острые выступы, другие почти полностью скрывались в топкой хлюпающей почве. Глубокие щели между валунами будто караулили, чтобы поймать и намертво сковать ступню.

Для Белоноговой оставалось загадкой, как за долгие годы Дуся с Анфисой ничего здесь себе не сломали, да еще потом с полными ведрами взбирались на пригорок!

После уборки в бане на девушку было страшно смотреть.

Анфиса, конечно, сжалась и позвала попить чаю.

— Не знаете, кто мог ночью пилить? — спросила Белоногова, нервно накручивая на палец прядь намокших от пота волос.

Анфиса молча проследовала в спальню. Очень медленно, терзаемая сомнениями, она потянула на себя ручку выдвижного ящика.

— Ты ведь знаешь, что это? — спросила охотница, показав незамысловатую деревянную фигурку.

Иттерма — все как описано в старых этнографических отчетах. Вместителище для души умершего, ожидающей нового рождения. Только монетка на груди фигурки современная и крепится к ней свежей синей изолянтной.

Белоногова наконец поняла, зачем хозяйка целое утро перебирала лоскуты ткани. Очевидно, собиралась шить для куклы платье, может, даже и не одно.

— Потом она родится в новом теле, — с предельной мягкостью произнесла Белоногова.

По выражению лица Анфисы было заметно, что слова подействовали отнюдь не так, как ожидала ее собеседница. Сочувствия, да в такой форме, охотница желала меньше всего. Почему нельзя было просто кивнуть головой? Зачем эти лишние слова с приторным душком? Разве нельзя обойтись без неуместного и неумелого словоблудия?

Иттерма быстро исчезла в своем укромном ящике. Анфису одолевало страшное смущение. С ней разговаривали как с необразованной старухой, впавшей к тому же в детство. Конечно, Белоногова ничего такого не имела в виду, но охотница услышала в интонации девушки то, что нашептывал ее собственный внутренний голос.

— Воды больше не надо носить, — упредила действия гостьи Анфиса. — Чай допьешь, оставишь все, как стоит. Сама помою.

Помимо портфеля со школьными принадлежностями, набрался большой баул сменной одежды. Накануне Анфиса договорилась с Андреем, чтоб тот отвез их на моторной лодке.

— Андрей отправился баню конопатить, — проговорился профессор.

Анфиса жалобно посмотрела на Амфитеатрова, будто умоляя: «Он опять забыл? Не может быть! Ну скажи, что ты пошутил!»

— Я у соседей во дворе лошадь видела, — вмешалась Белоногова.

Охотница, тяжело вздохнув, отхлебнула остывшего чая прямо из носика закопченного чайника.

Ей было известно, что та лошадь предназначалась для жертвоприношения, но она сочла должным промолчать. Ученые обязательно попросятся посмотреть ритуал. Придется идти и договариваться с соседями, будто Анфисе нечем больше заняться.

У самого Андрея имелся сын школьного возраста, но отца сей факт, похоже, не волновал.

— Для себя попросит, так не забудет, а как его попросишь, так плевать он хотел, — с горечью проворчала охотница об Андрее.

Наде было велено слезать с печи и одеваться. Бабушка еще не знала, как они доберутся до интерната. Оставалось надеяться, что кто-то из сельчан поедет в поселок по делам и что в лодке найдется два свободных места. Вся жизнь маленькой Нади прошла в *пауле*, и Анфиса остерегалась отпускать ее в первое далекое путешествие пусть даже с хорошо знакомыми людьми, которым безоговорочно доверяла.

Охотница стояла спиной к большой беленой печи, заменявшей традиционный мансийский *кур* из глины. Она терпеливо отвечала на вопросы профессора, которые, по ее мнению, были глупы и бессмысленны.

— Нет. Никогда, — устало ответила хозяйка на вопрос, ходил ли раньше рейсовый автобус между *паулем* и поселком Тайга.

Надя воспользовалась моментом. Дождавшись, пока взрослые крепко увязнут в своих разговорах, девочка толкнула крышку чердачного люка. Анфиса заметила только босые пятки, которые миг спустя скрылись в черневшем над ее головой отверстии.

Происходящее заинтриговало Амфитеатрова. Профессор машинально поправил очки — привычка человека с пытливим умом, но близорукого. Чердак у манси считался священным и запретным для женщины пространством. Можно было только гадать, сколько ценных для науки артефактов он скрывал.

Амфитеатров прикинул, как бы он мог забраться наверх, если Анфиса попросит. К великому своему сожалению, пожилой профессор не находил легкого и безопасного для себя пути на чердак, даже с помощью приставной лестницы, которую приметил в сенях.

Охотница переживала не меньше, но совсем по другому поводу.

— Надька, а ну слезай! — крикнула она, выдав свое замешательство.

Добровольно покидать убежище ради какой-то далекой, неизвестной и оттого пугающей школы девочка, конечно, не собиралась.

Ни единого шороха. Если бы Анфиса не видела побег своими глазами, ей бы и в голову не пришло искать внучку в этом безмолвном пространстве.

Солнечные лучи на миг показались из-за тяжелой тучи с синюшным брюхом. Облачко серебрящейся на свету пыли медленно сползло из темного отверстия вниз. Анфиса отшатнулась, едва его заметив. В глазах профессора это было верным признаком древнего суеверного страха мансийских женщин перед чердаком и его мифическими обитателями.

Белоногова держала приставную лестницу, пока Анфиса взбиралась наверх. Оставалось загадкой, как Надя смогла добраться до люка с печи. Помимо невероятной гибкости, затея требовала изрядной силы рук.

— Надька, слезай! — надрывно кричала охотница в темноту, но призывы тонули в безмолвии.

Анфиса уже была готова бросить фонарик на пол — пусть бьется, все равно никакого толка. Белоногова ловко подхватила его, едва хозяйка разжала пальцы.

— Батарейки, — заворчала Анфиса, вернувшись вниз ни с чем.

Список покупок пополнился. Раз уж обстоятельства принуждали к поездке в поселок, следовало извлечь максимально возможную выгоду и запастись впрок. Мука, спички, черный чай, крупа, таблетки от головной боли, прогревающая мазь — все это закупалось на месяцы вперед.

До появления в *пауле* магазина местные жители рассчитывали лишь на промысел, огород и собственные руки. Кто бы тогда подумал, что полвека спустя закрытие магазина обернется настоящей трагедией. Многие уже не мыслили жизни без привозной картошки, тушенки и одежды. Неожиданно для самих себя таежники стали зависимы от большого мира, и зависимость эта обходилась дорого. Оленей заменили «Бураны», весла — пожирающие бензин моторы. Сплошные расходы. Шкурки принимали по бросовым ценам, как, впрочем, и ягоды, и кедровый орех. Анфиса никогда не жила богато, а на седьмом десятке вынужденно завела толстую тетрадь, в которой дотошно учитывала все расходы, высчитывала, сколько и чего нужно заготовить за сезон, чтобы свести концы с концами.

Охотница вынула из фонарика батарейки и положила на подоконник — полежат на солнце, так, может, и еще поработают.

От соседей она услышала, что электрические провода срезали на металл и нужно запастись бензиновыми генераторами. Будто бы в каких-то начальствующих инстанциях сочли нецелесообразным восстанавливать сеть для отдаленной вымирающей деревни, в которой осталось менее ста постоянных жителей. Анфиса от слухов отмахивалась — неизвестно, кто и откуда их принес, — но все же с тревогой ожидала прихода зимы. Все планы летели под откос. Новый снегоход купить не на что, а значит, можно забыть о доходах с пушного промысла, остается надеяться только на рыбу. Соседи наверняка помогут вывезти из тайги добытого лося. Но у каждого здесь полон воз своих забот. Неловко лишней раз отвлекать людей и пользоваться их безотказностью.

В глубине души Анфиса лелеяла мечту найти однажды в размытом обрыве на берегу большой бивень мамонта. Для местных такая находка была сродни выигрышу в лотерею. Хороший бивень выгодно продавался, если знать, кому и где предлагать. О мнении закона на сей счет охотница ничего не знала. Тот закон был где-то очень далеко, в другом мире. Слышать о нем слышали, но краем уха, и в голове долго не держали. Даже лесные духи, на происки которых любили пенять неудачливые охотники, казались более осязаемыми.

Держа в одной руке консервную банку со вставленной в нее свечой, Анфиса вновь вскарабкалась наверх. Белоногова посадила занозу, но не подала вида — страшно было отпустить неустойчивую конструкцию, как и представить падение хозяйки. Ударится головой о печку — и убьется. Много ли ей надо!

Покойный муж Анфисы, очевидно, пожалел хорошего материала для такого пустякового изделия. Лестница представляла собой обрезки необработанной доски с остатками коры по краям. Обрезки чем-то крепились к двум кривоватым жердям. Шляпок гвоздей Белоногова не видела. Жалобный скрип дерева пронимал до глубины души, как плач ребенка. Создавалось ощущение, что одно неловкое движение охотницы — и вся угловатая конструкция с треском развалится. Хотя к духам за помощью обращайся!

На сей раз Анфиса не стала звать внучку, решив отыскать ее убежище самостоятельно. Никакой обиды на девочку она при этом не чувствовала. Даже пришедшая поначалу легкая досада куда-то подевалась. Не из-за школы же переживать. Днем раньше, днем позже... Кто-то и в октябре детей отвозил. Лишние руки на сборе клюквы не помешают, а что даст им учеба? Для таежного жителя это был сложный вопрос. Об институтах и карьере здесь не думали. Большинство даже не представляло, что стоит за этими понятиями. Никто бы и слова против не сказал, если бы Надя вообще в школу не пошла. Но против была сама Анфиса.

Лестница вдруг угрожающе зашаталась.

— Все хорошо? — крикнула наверх Белоногова.

Лишь тяжелое дыхание в ответ. Анфиса вошла в отверстие по грудь, но колебалась, стоит ли ступать на чердак. Амфитеатров едва заметно кивал головой в знак согласия со своим же объяснением поведения старой охотницы. Пока что все укладывалось в разработанную профессором теорию остаточной религиозности постсоветских национальных сообществ.

Анфиса вытянула вперед руку со свечой, стараясь вырвать из темноты как можно больше пространства. Жестяная банка начинала нагреваться.

Охотница попросила передать варежку, вынудив профессора переворошить в ее поисках едва ли не весь скромный хозяйкин гардероб.

Поднималась ли она когда-нибудь на чердак? Этого Анфиса вспомнить не могла. После смерти мужа точно нет. Зачем бы ей туда лазить? Кроме сундуков с фигурками духов и подношений им, там попросту ничего не могло быть.

Шорох позади. Пока охотница поворачивалась на своей хлипкой опоре, все стихло.

— Осторожнее! — послышался снизу встревоженный голос Белоноговой.

Аспирантка смотрела, как сверху падают капли расплавленного парафина. Кое-какие из них застывали, не успевая скатиться с лестницы, другие же шлепались на пол.

Девушка и рада была бы помочь Анфисе, но все прочитанное в книгах на тему ритуальных запретов призывало сдаться: «Пустое, мне не разрешат». Пробить кирпичную стену головой казалось гораздо более легкой задачей. Трепет Анфисы перед собственным чердаком лишь убеждал Белоногову: «Предлагать сейчас свою помощь бессмысленно».

Из темноты чердака показались причудливые силуэты. Оленьи черепа. Первый, второй, третий... Сколько же их тут? Лестница под охотницей зашаталась еще сильнее. Когда муж принес их сюда? От воспоминаний кружилась голова.

Однажды, вернувшись из райцентра после лечения язвы желудка, она заметила у дома следы копыт и пятна крови. Тогда муж сказал, что кровь его, из носа накапала, а насчет копыт, мол, ей и вовсе померещилось.

Когда же это было? В семьдесят восьмом? Или в семьдесят девятом? Точно летом. В газете еще про игры в Москве писали... Неужто всех трех за раз? Да не может быть! Денег таких сроду не водилось. Когда другие? Когда Дуську рожала? Когда пропадала в диких предгорьях с вывихнутым коленом? Повезло, что геологи рядом проходили, иначе там бы, в курумнике, навеки и осталась. Сходила, называется, за золотым корнем!

Почему Саша не сказал правду про жертвенных оленей? Постеснялся? Побоялся?

— Не хочу в школу! — раздалось из-за пузатого сундука со сломанным замком.

Анфиса вдруг вспомнила о сладостях, привезенных Белоноговой в качестве гостинца. Как оказалось, весьма кстати. Долго уговаривать Надю не пришлось. Охотница откупилась большой пачкой клубничного бисквита. Сложив руки на груди, она встала у печки, дабы предупредить новую попытку побега.

Шепотом Белоногову попросили принести зеленую курточку с капюшоном. Ее Анфиса осторожно накинула на плечи внучки так, что увлеченная лакомством девочка сама просунула руки в рукава.

Тем временем профессор с озабоченным видом примерялся к лестнице. Трещины были тщательно осмотрены, риски взвешены.

— Когда умер ваш муж? — неожиданно спросил ученый.

— Так давно, много лет уже. Надька не родилась еще...

Примерно оценив возраст девочки, Белоногова заключила, что умер Анфисин муж подозрительно рано. Своими соображениями на сей счет она тут же поделилась, о чем пожалела, едва договорив.

— Убили его. Думать надо, с кем водиться, — насупилась охотница. — Пуля в рот попала. Зубы вышибла, а сама через затылок вышла. Тут, за стеной, в огороде, и нашла его! Беспутный был, доверчивый сильно...

Было заметно, как руки и плечи охотницы напряглись. Лицо Белоноговой разругалось от чувства неловкости. Девушка уставилась в окно, чтобы не встречаться взглядом ни с Анфисой, ни с научным руководителем.

— Разрешите осмотреть ваш чердак, — робко произнес Амфитеатров.

У профессора даже руки тряслись в предвкушении. Сакральное место, которое, судя по всему, многие годы никто не тревожил. Сколько же уникальных артефактов могло там сохраниться! И наверняка все в прекрасном состоянии.

Анфиса выглядела растерянной. Это был хороший знак и сигнал к дальнейшему наступлению. Амфитеатров решил потряхнуть стариной и призвать на помощь свое искусство убеждения.

— Я только посмотрю и положу на прежнее место, — заверил профессор.

— Так это... Идти надо, — заупрямилась хозяйка.

Белоногову Анфиса попросила принести навесной замок. Охотница, конечно, сама легко бы справилась с такой задачей. То был мягкий, но действенный намек.

По пути к реке Анфиса остановилась перекинуться парой ни к чему не обязывающих слов с соседями. Пара, еще одна. Как будто и не было никакой спешки. Обсудили сенокос, жизнь соседской родни в городе, вспомнили, как в далеком детстве ходили домой к учительнице музыки смотреть телевизор. Даже Амфитеатров, которого сложно было смутить, ощущал неуместность своего, пусть и безмолвного, участия в подобных разговорах.

Оглядевшись, профессор заметил переминавшегося с ноги на ногу Андрея. Тот словно ждал подходящего момента. Он бы напрямик направился к ученому, чтобы поделиться очередной порцией быличек, но присутствие Анфисы останавливало. Несколько раз Андрей пытался преодолеть смущение. Безуспешно. Оставалось от бессилия обдирать заусенцы с коры ближайшей березы.

— Только для себя память хорошая, — заворчала на него охотница.

Все карты раскрыты, а значит, таиться нет смысла. Примерно так рассудил Андрей и бодрым шагом, почти вприпрыжку, устремился навстречу.

Анфиса повернула в проулок, потянув испуганную внучку следом. Какой смысл его слушать? Наверняка с пьяных глаз что-то померещилось. Если верить Андрею, так в округе каких только диковинных существ не обитало, даже снежный человек с рогом на лбу.

Белоногова помахала Наде на прощание. Та испугалась еще больше и припустила вперед бабушки за околицу. Анфиса, громко ругаясь, побежала следом.

Оставалось лишь пожалеть пожилую женщину, которой поневоле пришлось вспомнить молодые годы. Тяжелая сумка тянула то в лужу, то в канаву. В конце концов уставшие пальцы разжались. Баул скользнул по мягкой влажной земле. Бежать стало легче. Теперь Анфиса бросила все силы на погоню. Брызги летели из-под ног, оставляли причудливые пятна на одежде. Со стороны могло показаться, что Надя с бабушкой затеяли озорную детскую игру. Но в тот момент обеим было не до смеха. Внучку Анфиса больше не звала — сбивалось дыхание, да и бесполезно: та отказывалась внимать ее голосу. С поразительным проворством Надя преодолевала кочки и глубокие лужи, как если бы от этого зависела ее жизнь. Словно спасавшийся от погони дикий зверек, девочка бежала к лесу. Он манил тихим шелестом разноцветных листьев, обещал защиту от всех тревог человеческого мира.

Но на пути к нему в высокой траве таились длинные проржавевшие нити колючей проволоки. Они вздымались волнами, заворачивались петлями, цепляясь за поверженные на землю полусгнившие столбы...

Анфиса хватала ртом прохладный воздух. Он приятно освежал. Мысли потихоньку выбирались из вязкой трясины на окраине сознания. Отряхивались, облизывали себя, возвращая ясность форм. Раздутый баул скреб дном по жестким засыхающим стеблям.

Левая рука сжимала капюшон Надиной куртки: больше ни шагу в сторону. Резиновые сапоги лениво месили жидковатый суглинок — большие, когда-то зеленые, а теперь сплошь в липкой серой массе, и маленькие, ядовито-желтого цвета, с опушкой из искусственного меха, ключьями торчавшего в разные стороны.

Цепочка следов огибала лужи, пересекала порожденные дождем ручейки. Те, которые еще не успели наполниться, угадывались по промоинам с отполированной с течением лет мелкой галькой. Наконец следы достигали ровной полянки, будто подстриженной педантичным садовником, и терялись в еще зеленой траве.

Зуев закашлялся и затем звучно плюнул в усыпанный плодами куст шиповника. Сменил ноги, закинув теперь левую на правую, и в очередной раз попробовал затянуться. Наглый кашель опять не позволил, накатил с новой силой. Прогоревшая на треть сигарета без фильтра чуть не выпала изо рта. Зуев выругался матом, хоть и заметил приближение Анфисы с девочкой.

Не надо было обладать даром ясновидения, чтобы предугадать вопрос, который вот-вот прозвучит.

Соловые глаза неспешно описали полукруг от сигареты в трясущихся пальцах через внучку, бабушку, их огромный перепачканный грязью

баул — к волновавшейся реке. Их выражение намекало: «Ну и куда вы, окаянные, собрались? Хоть бы на небо поглядели! Сидели бы дома, дел-то всегда выше крыши. На кой черт вам сдалась эта школа? Неужели сама ребенка считать да читать не научишь? Кто же в нашем медвежьем углу за ученостью гоняется?»

Рябые щеки раздулись пузырями. Зуева вырвало чем-то красноватым и на редкость вонючим. Анфиса замерла в нерешительности, одернув шагавшую по инерции внучку.

Больше всего Зуева расстроила упавшая сигарета, которую он сам же в ходе поисков затоптал.

— Домой пошли! — буркнула охотница, выпустив из руки внучкин капюшон.

Словно извиняясь за неоправданные надежды, Зуев что-то пролепетал насчет геологов и их вездехода. Слушать его Анфиса не сочла нужным — про геологов она и сама слышала. Вообще о любом мало-мальски значимом шевелении людей в окрестностях жителя *пауля* узнавали с поразительной скоростью.

Юрты Агаповы — заимка из трех избышек, последнее обжитое место между *паулем* и зырянскими селами по ту сторону Уральского хребта. Обезлюдело оно стремительно, так что картографы не успели внести его в разряд урочищ. Болезни ничего не знали о достижениях современной медицины и выкосили всех обитателей Юрт подчистую, с той же свирепостью, как оспа двумя веками ранее. Тамошний старожил Иван Агапов не стал тихо дожидаться конца. Изможденный, он прошел сто километров вниз по реке, выслушал суровый вердикт поселкового врача и двинулся дальше. Еще сто двадцать километров на автобусе до райцентра. Направление в тубдиспансер за триста километров. Две пересадки, ночь в зале ожидания, пять часов в плацкартном вагоне. Диспансер пациента принял, а следующим утром во время обхода Ивана нашли в палате мертвым.

Его сын Корней покинул место, которое отныне считал проклятым, и перебрался к родственникам в поселок Тайга. Он-то и договорился с геологической партией, чтобы вывезти на вездеходе еще пригодные к использованию вещи.

— Ну что ж! Не сегодня, так завтра с геологами! Не по воде, так через лес! — подбадривала себя Анфиса.

Навстречу семенил, припадая на заднюю лапу, поджарый пятнистый пес. Остановился на углу: то ли дальше идти, то ли бежать прочь. На первый взгляд, прохожие излучали дружелюбие и не пахли спиртом. Пес осторожно продолжил свой путь, но уже не по дороге, а через траву вдоль изогнувшегося волнами забора. Поравнявшись с Анфисой, и вовсе рванул мимо со всей прытью, на какую хватало сил, — на всякий случай. Левое ухо раздвоено, на шкуре проплешины с запекшейся кровью — напоминание о прогулке по Ржавому Полю. Вдвойне повезло: из

западни ушел и хозяин терпеливый попался. Другой сразу бы пристрелил или повесил на суку: для охоты не годится, охранник из калеки так себе, а вот есть просит каждый божий день.

Лишь старику Савве было все равно. Утром он по привычке варила для пса кашу. Чувства нахлынут, так и рану от личинок почистит, остатками просроченного стрептоцида засыплет. А в остальном живи как хочешь — хоть в конуре валяйся сутки напролет, хоть по деревне броди, лишь бы по пустыкам не лаял да ночью не выл. Гуманист, интеллигент, Айболит — как только не называли бывшего учителя мансийского языка.

Поведение внучки начинало Анфису тревожить. Плетется сама не своя, молчит. Руку из кармана не вынимает. Спросишь: «Что там прячешь?» — головой мотает в ответ: дескать, ничего.

«Дома все равно выяснится!» — решила охотница.

Выяснилось... Рваная рана на ладони. Знакомство с Ржавым По-лем состоялось. Ткань в кармане пропиталась кровью и намертво прилипла к коже. Хлопковые нити из подкладки тянулись вслед за пораненной рукой. Девочка терпела, крепко сжав губы. Только щиплющая зеленка выбила слезу.

«Как я когда-то», — проскочило в мыслях Анфисы.

Охотнице стало грустно. Внучка казалась совершенно не приспособленной к жизни в большом мире.

Кто станет следить за ней в интернате? Там таким на сотни счет идет, и все не свои. Молчит, помощи не просит, и хорошо. Работникам забот меньше. А ежели случится непоправимое — спишут на стечение обстоятельств. Эти безликие, неосязаемые обстоятельства любую вину на себя возьмут, им разницы нет: все равно никто их не осудит, не арестует и даже штраф не выпишет.

Продать дом и переехать ближе к школе? Кому он нужен — полдеревни пустых стоит, еще добротных. Городской охотник если только возьмет, но за гроши. Грошей этих и на вездеход не хватит, не то что на свой угол с теплой печкой.

Хотелось прочитать внучке длинное наставление, но нет. Как ни странно, Анфиса прекрасно помнила себя в ее возрасте.

Взрослый искренне верит, что делится с тобой накопленным жизненным опытом. Желает уберечь от повторения собственных ошибок. Сидишь с умным видом и киваешь. Проходит час, и ты уже шлепаешь босыми ногами по болоту, вязнешь и все равно упрямо идешь вперед — к манящему, неизвестному. А ведь тебя буквально умоляли туда не ходить! Утонешь, духи лесные утащат, медведь съест — все угрозы оказывались бессильными перед стихией, именуемой детским любопытством. Даже отцовский ремень не смог ту стихию обуздать.

«Эта шишек набьет! Должна, просто обязана с таким характером набить», — решила охотница.

Горечь и тревога никуда не делись, но мириться с ними стало легче. Одно дело — когда баловался со спичками и сжег родительский дом, совсем другое — когда дом сгорел в лесном пожаре. За первое можно корить себя до конца дней, а второе — неизбежная часть жизни, одно из тех безликих обстоятельств, на которые глупо сердиться.

В привычное русло жизни Анфиса вошла на удивление быстро. По крайней мере, такой вывод можно было сделать из ее разговоров с соседями. Говорила о подготовке к зимнему промыслу, интересовалась стоимостью подержанных снегоходов, ценами на шкурки у перекупщиков. Она не давала повода вспомнить о недавней потере, а когда соседка все же улучила момент, то услышала в ответ:

— Мне внучку поднимать. Некогда горевать.

Анфиса даже удивилась, как складно прозвучало, да еще и с рифмой.

Ее слез соседка не увидела.

Владимир СВЕТОСАНОВ

ИЗ «КНИГИ НАСЕКОМЫХ»

Бабочка

Летний день — вот ты и прилетела.
Блеск в глазах, и легкая пыльца,
Хрупкое и трепетное тело,
И на темных крыльях два кольца.

Бог с тобою! Я не энтомолог
И с наукой этой не знаком.
Приглядишься ко мне, ведь я не молод,
Мне ль гоняться за тобой с сачком?

Вестница неведомых событий,
Что ты знаешь о моей судьбе?
Умоляешь: «Окна распахните!»
Улетай, лети. Куда тебе?

Вон кругом какое разнотравье,
Окровавил склоны краснотал.
Я тебе не ровня, я отравлен
Городской пылью, я так устал.

Да остановись хоть на мгновенье,
Дрожь уйми и крылья опусти.
Эфемера, зыбкое виденье,
Мученица, грешница, прости.

Богомол

Гляди, застыл зеленый богомол,
Ему как будто стыдно перед Богом
За то, что в жизни грешен был во многом
И, согрешив, не тем путем пошел.

Не разогнет он согнутых колен,
А голова, опущенная долу,
Нам говорит о ряде перемен,
Добавивших печали богомолу.

Бог в помощь! Не мешать и отойти.
Он молится. В густой траве раздолье.
И неисповедимы те пути,
Что привели его на богомолье.

Восковик

Бледный ангел, восковик
На шиповнике цветущем
Тельцем всем к пыльце приник,
Жук блаженный в райской куще.

Словно Бог после трудов
Праведных, он отдыхает,
С восковых его усов
Золотой нектар стекает.

Свет на нем, восковике.
Вот он спит, меняя позы,
В розоватом гамаке
Одинокой чайной розы.

Древоотец

Чтец древес, их сердцевины,
И владелец всех колец,
Почитатель древесины,
Древоотец, древоотец,

Ты хранишь на книжной полке
Ветхих книг дремучий лес.
Все от корки и до корки
Читаны в тени древес.

Разве что один листочек
Не дочитан до конца
Древоточцем. Мелок почерк
В книге Вечности Творца.

Жужелица

В укрытие торопится, спешит,
Карабкается маленькая труженица,
Зазубренными жвалами грозит
Carabus granulatus, или жужелица.

Коллеоптеры! Грозен их отряд,
Обширен ареал распространения.
Хитиновый их рыцарский наряд
Невольно вызывает уважение.

Жаль жужелицу, поймана она,
Скребется в тесной спичечной коробке.
Ей, пленницей, пугать девчонок робких
Уже бежит дворовая шпана.

Кобылки

В Кобылинке жил некто Сухово,
Богат он был, характером был пылок.
Я не о нем. В поместье у него
В густой траве не счесть было кобылок.

В те времена от жизни непростой
Стонали повсеместно крепостные.
Я не о них. Тогда в траве густой
Кобылки стрекотали, как шальные.

Бывало, что не слышишь ничего,
Но — чу! — стрекочут, подняли надкрылки,
И стрекот их до слуха Сухово
Доходит. Каково поют кобылки!

Вся Тульская губерния насквозь
Пронизана их пением, как драма.
Во Франции сытнее бы жилось,
Зато в России — что за панорама!

От барщины крестьян освободил
И Гегеля по-русски излагает,
А то, что он французенку убил,
То домыслы досужие... Кто ж знает?

Все кончено, и свадьба сорвалась,
Кобылка горит, и дно бутылки
Уже видать. Одна есть с жизнью связь —
В густой траве еще поют кобылки.

Кузнечик

У наковальни в зелени густой
Он в тишине сидит, сосредоточен,
Но вот сейчас возьмет он молоточек
И зазвучит мелодией простой.

Так начинай, кузнечик-музыкант!
Сегодня ты играешь на пленэре.
(Здесь надобно Полонского талант
Лирический иметь по меньшей мере.)

Как громок твой польнный полонез!
Пылает солнце яркое в зените.
Над полем встал амфитеатром лес,
В котором есть и слушатель, и зритель.

Кузнечный цех или концертный зал?
Не все ль равно, когда их суть едина.
Что наиграл ты, что ты наковал?
Заканчивай, кузнечик, концертино.

Еще аккорд. Еще один удар.
И кончено. И это будет кода.
Меха ослабнут, и тогда природа
Вдохнет прохладу — и отхлынет жар.

Пчела

Течет нектар с цветочного чела,
 Садовой розы жалок вид печальный
 В тот час, когда снижается пчела
 К ней с нежностью какой-то поминальной.

Все высмотрит и облетит весь сад,
 Звуча издалека, подобно грому.
 Так сборщица налогов свой обряд
 Воистину не даст свершить другому.

Вчера трудилась, трудится сейчас
 И, тысячи тычинок раздвигая,
 С цветов пыльцу, как подать, собирая,
 Не падать духом призывает нас.

Светлячок

На тельце светлячка есть ночничок,
 Подсветка на ночь, мелкие lanternы.
 Чтоб не блуждать в потемках, светлячок
 Вот их-то и использует, наверно.

Скажи, куда поспеть ты должен в срок?
 В столь поздний час кому ты так угоден?
 О чем сигналист этот огонек?
 Не занят? Одинок? Всю ночь свободен?

Личинка в вечной книге перемен,
 И днем тушить фонарь ты не желаешь.
 Все что-то ищешь, словно Диоген,
 Все нищенствуешь, светишь и летаешь.

Сам видишь ведь: здесь человека нет.
 Но ты ищи, свети во тьме пещерной,
 Не горячись, умей беречь lanternы,
 Магический растрачивая свет.

Цикада

Поет цикада вечером в степи
Под Аккерманом.
Лежит Мицкевич, сбившийся с пути,
Под шарабаном.

Лежит в теньке — соломинка во рту,
И в ус не дует.
Быть может, море слыша за версту,
Стихи рифмует?

А может, этот виленский поляк
И лях из Львова
Сморился так, что и прилег в полях?
А что такого?!

Не Петербург вельможный, не салон
Княжны Волконской.
Здесь можно все, здесь степь со всех сторон
Да топот конский.

Здесь Украина, где-то на краю
Большой Вселенной,
Свобода здесь, цикады здесь поют
Самозабвенно.

И кружит ястреб в горней синеве...
Проснись, пан Адам,
И погляди — на белом рукаве
Сидит цикада.

Алина ОСОКИНА

ТАМ, ГДЕ НЕТ ВОЙНЫ

Р а с с к а з

Август вытекал по трубам остатками воды. Август грохотал бьющими по городу орудиями. Август полыхал тысячей взметнувшихся к небу пожаров. Август заглядывал в черные квадраты пустых окон. Август прятался в подвалах от обстрелов. Август перевязывал раненых и закрывал глаза убитым. Август выжигал зноем последние краски лета. Август ждал, что скоро все кончится, но все только начиналось.

Марта подошла к окну. Хотелось, как раньше, забраться на подоконник и долго рассматривать улицу. Но теперь находиться возле окна было опасно. С раннего утра раздавались глухие взрывы, стекла дребезжали так, словно хотели выскользнуть из оконных рам и разбиться. Двор походил на рассыпанные части большого пазла, который было уже не собрать.

Девочка украдкой взглянула на улицу. Ни машин, ни людей, только опустевшие, безжизненные дома и воронка от шального снаряда посреди детской площадки.

Война ворвалась внезапно и яростно. Весной запыхали окраины юной республики; тогда еще теплилась вера, что кто-то сверху подует — и огонь вмиг погаснет. Но сверху только сыпали сухую траву, и пожар разгорался с новой силой. Война оставляла огненные следы, накрывая черным платком то одно селение, то другое.

Летом война вплотную приблизилась к городу. Она швыряла снаряды без разбора в дома и больницы, в школы и рынки, в троллейбусы и подстанции.

Марта вернулась к письменному столу. Она перебрала прошлогодние учебники и тетради. Все это было не нужно и годилось разве что для костра. Марта подумала, что если и правда придется что-то жечь, то первой в огонь полетит нелюбимая геометрия, потом физика. А вот литературу с карандашными рисунками на полях было жалко. И дневник с сенбернаром на обложке тоже.

До первого сентября оставалось чуть больше недели. Каждый год Марта с мамой в это время бегали по магазинам в поисках тетрадей,

учебников и прочих школьных принадлежностей. Прошлым летом Марта сильно вытянулась, пришлось срочно покупать новую форму, туфли и белую блузку. Все это висело в шкафу, готовое по первому зову выпорхнуть на волю.

Школа стояла целая и невредимая, как заговоренная. Только возвращаться в нее было некому. Как только началась война, людские реки потекли в разные стороны. Кто-то бежал в сторону столицы их прежнего государства, кто-то ехал в большую соседнюю страну, способную укрыть и защитить. Юная республика теряла граждан, как осенний лес — листву. До осени тогда еще было далеко, а до войны — близко.

Из класса Марты в городе остался только очкарик Гришка с первого этажа. Его отец с первых дней войны ушел в ополчение, а мама работала на скорой. Они и не думали никуда уезжать. Другие тоже не думали, но уезжали.

Дом стремительно пустел. То одни, то другие соседи собирали все, что могли, и бежали. К середине августа в подъезде остались только четыре семьи: Гришка с мамой, старики Никоненко, водитель Толик с женой Верой и Марта с мамой и бабушкой.

Бабушка лежала в соседней комнате парализованная. Беспомощная, как младенец. Марта заглядывала к ней, проверяя, все ли в порядке. Если бабушка моргала один раз — это означало «да», если два — «нет». Понимала ли бабушка, что творится в огромном мире за ее окном, никто не знал. Но Марта с мамой убеждали ее в том, что все хорошо.

Марта взяла с письменного стола блокнот и карандаш и забралась с ногами на диван. На белоснежном листе она выводила линии, которые скоро превратились в рисунок. Лошадь с торчащим из лба рогом встала на дыбы, готовая мчаться куда глаза глядят. Марта отложила блокнот, чтобы взять краски, но тут же вспомнила, что дома нет ни капли воды. Она взглянула на часы. Мама ушла за водой два часа назад и еще не возвращалась. То ли воду не привезли, то ли очередь слишком большая. Марта снова подошла к окну. На улице было тихо. Если закрыть глаза, можно подумать, что никакой войны и нет.

Очередь тянулась к машине с водой длинной сороконожкой.

— Сейчас самое время укропам пальнуть, такая хорошая мишень, — донеслось из очереди.

— Типун тебе на язык! — раздалось в ответ.

— А у меня соседа на прошлой неделе осколком задело, ногу раздробило. Ладно, живой остался, — подхватил разговор кто-то третий.

— А у меня соседка в тамбуре вторую неделю спит — боится.

Сказал бы кто полгода назад, что эти разговоры станут такими же обыденными, как беседы о погоде, никто бы не поверил.

Ольга липкими от пота ладонями сжимала две пятилитровые бутылки, пыталась сосчитать, сколько еще человек перед ней, но сбивалась. Считать заново не хотелось. Последние силы забрало палящее солнце

и бессонная ночь. Еще и разговоры эти о войне, об обстрелах... Хотя о чем еще?

— Вытравить нас из города хотят, сволочи. Всех не перетравишь! — сказал кто-то.

— Правильно! — подхватили остальные.

Когда стало понятно, что война неизбежна, люди начали массово покидать город. Сначала одни соседи принесли Ольге ключи, потом другие попросили присмотреть за квартирой. Как будто были уверены, что она-то уж точно никуда не денется. Дома лежащая мать, родни нет, денег тоже. Куда ей ехать?

Она наблюдала из окна, как соседи по лестничной клетке грузили в машину чемоданы, корзины, коробки и мешки. Что не лезло внутрь, крепилось к багажнику. Тогда мелькнула шальная мысль: попросить, чтобы взяли Марту. Соседи же, почти родня, у самих двое детей. Но что-то остановило. То ли испугалась навсегда расстаться с дочерью, то ли побоялась, что откажут. Даже старую овчарку с собой не взяла: видимо, места не хватило. Сначала собака металась по двору и протяжно выла, а потом исчезла. Может, кто приютил. Ольга и сама бы взяла, да чем ее кормить? Самим бы ноги не протянуть.

Зарплаты и пенсии не платили уже несколько месяцев, продукты в магазинах заканчивались с той же скоростью, с какой летели снаряды. Спасали оставшиеся с зимы заготовки и запасы круп. Марта всегда спрашивала, зачем делать столько припасов, все же есть в магазине, пошел да купил. Теперь не купишь.

Им с Мартой много и не надо — так, поклевать раз в день что придется. Куда больше беспокоила мать. Лекарства, салфетки — всего этого было не достать, даже воды, чтобы умыться и приготовить суп, не было.

Наконец подошла ее очередь. Ольга подставила бутылки, и те вмиг наполнились водой. Хотелось сразу же отхлебнуть, но женщина только смочила высохшие губы и понесла драгоценные емкости домой. Если бы кто-то сказал полгода назад, что такие простые вещи, как вода, еда и электричество, будут цениться превыше всего, не поверила бы.

Ольга уже подходила к дому, как услышала оглушительный свист и взрыв за спиной. Она заметалась.

— Ложись, дура! — раздался мужской голос.

Ольга плашмя рухнула на асфальт, не выпуская из рук бутылки. Больше всего сейчас она боялась, что осколки пробьют пластик и вода потечет по горячему асфальту.

Стало тихо. Ольга осторожно оторвала голову от асфальта, прислушалась, затем осторожно поднялась. Руки и ноги горели от ссадин, но главное — бутылки с водой были целы.

Женщина обернулась и увидела, как горит балкон первого этажа. Несколько мужчин с полными ведрами воды бросились тушить пожар. Столько воды, нужной городу, слизывали языки пламени! Пожар догорал, а Ольга так и стояла посреди улицы, сжимая бутылки.

Майские дни выдались теплыми и светлыми. Яна с Максом наконец-то смогли вырваться из вечно суевающейся Москвы на берег озера. Макс — крупный, с аккуратно подстриженной бородой, в черной толстовке с логотипом компании на спине — разжигал огонь в мангале. А маленькая, как воробышек, Яна подкидывала тонкими пальцами сухие веточки в костер. Ей так хотелось прижаться к своему пропахшему дымом богатырю, уткнуться носом в его грудь и забыть о работе, о дедлайнах, о новостях, жужжащих, как назойливые мухи.

— Янка, погоди, — сказал Макс, едва девушка дотронулась до него. — Дай мясо сначала пожарю.

Яна отошла на несколько шагов назад. Макс достал решетку и, выложив на нее маринованное мясо, стал готовить шашлык. Яна знала, что ее мужчина не любит суеты, спонтанности. Сначала — дело, а потом все остальное. Поэтому она не стала ему мешать, а молча отправилась к озеру.

Яна подошла к самому краю берега и, опустившись на колени, зачерпнула ладонью воду. Холодная вода кусала и жгла ее руку, и Яна отпустила ее обратно. Стало тепло. Она подставила лицо ласковому майскому солнцу и зажмурилась. Так хорошо, пожалуй, не было никогда.

— Янка! — раздался голос Макса. — Иди помогать.

Девушка поднялась и поспешила к возлюбленному.

— Мясо скоро будет готово, — сказал он. — Давай тарелки доставай, овощи и что там у нас еще.

Яна залезла в сумку, извлекла мамин плед, расстелила его на траве и принялась расставлять посуду, которую норовил унести расшалившийся ветер. Макс снял решетку с огня и аккуратно с помощью ножа отделил мясо от металла. Он потушил костер и уселся рядом с девушкой.

— Ты совсем за мировыми тенденциями не следишь, а еще журналист, — сказал он, отправляя в рот кружок огурца. — Сейчас идет борьба за экологию, а ты посуду пластиковую купила.

— Что же, надо было мамин сервиз везти? — пыталась пошутить Яна.

— Зачем сервиз? В магазинах куча бумажной одноразовой посуды. И удобно, и экологично. Вот! — Он поднял пакет с соком и демонстративно потряс им.

Девушка засмеялась.

— Что смешного? Я тебе дело говорю, — сказал Макс.

Потом Яна лежала, положив голову на его колени, а он гладил ее непослушные, вечно торчащие в разные стороны короткие волосы. Мама одобряла Макса, она часто говорила, что за такого мужчину нужно держаться. И Яна сжимала его сильную руку в своей маленькой ладошке, боясь, что, если она ослабит хватку, этот волшебный день закончится.

Вечером, в сумерках, вернулись домой.

Макс сразу же отправился в душ, а Яна принялась разбирать вещи и включила телевизор для фона. Увиденное заставило ее остановиться и

замереть перед экраном. Танки давили безоружных женщин, не пускавших боевую технику в свой город. Раньше Яне казалось, что все войны, революции и майданы случаются где-то на другой планете. Теперь она видела, что все это творится с людьми, которые говорят с ней на одном языке и живут совсем рядом. Политика всегда казалась ей назойливой дымовой завесой, которая мешает наслаждаться жизнью и создает множество проблем. Яна писала статьи о выставках, концертах, спектаклях — обо всем, что действительно ее увлекало, а новостную ленту листала, как страницы скучного журнала.

Телеканалы смаковали кадры с горящим в Одессе Домом профсоюзов, с начинающимися вооруженными столкновениями, с кричащими прямо в камеру людьми. Хрупкий, воздушный мир Яны получил серьезную пробоину и полетел вниз, рискуя разбиться.

— Опять зомбоящик смотришь, — сказал Макс, выйдя из душа.

— Погляди, разве можно так с живыми людьми! — ответила Яна, едва сдерживая слезы.

— Ты серьезно веришь во все, что показывают по телику? Ты же сама журналист, знаешь, как ваши дураят народ.

Макс взял пульт и выключил телевизор.

— Ну все, успокойся! Ты такая впечатлительная, — сказал он и обнял девушку.

Яна вырвалась и спросила:

— Разве ты не понимаешь, что все это реальность? Это же самый настоящий фашизм! Так не должно быть.

— Какое тебе дело до них? Сами разберутся. У нас же все хорошо.

Он снова попытался обнять ее, но она оттолкнула его.

Тем же вечером Яна собрала вещи и вернулась к маме. Та несколько дней убеждала ее одуматься, помириться с Максом, но потом перестала. Макс две недели звонил и писал, но потом тоже перестал.

Что-то внутри Яны сломалось. Она читала новости и не понимала, где правда, а где ложь. Ей так хотелось докопаться до истины, узнать, что же происходит на самом деле. Однажды она переступила порог кабинета главного редактора с просьбой отправить ее в командировку в Донбасс.

Главред удивленно посмотрел на нее поверх очков.

— Ты же в отделе культуры работаешь, — сказал он, хотя по глазам читалось: «Совсем, что ли, сдурела?»

— Я хочу написать правду, — уверенно заявила Яна.

— А ты знаешь, что даже федералы отзывают своих военков? Там ведь и убить могут.

— Я знаю, — ответила Яна, стараясь не замечать ехидного тона главреда.

— Давай я тебя лучше в отпуск отправлю. Съездишь на море, развеешься, вся дурь из головы и вылетит.

— Это не дурь, — сказала девушка и направилась к двери.

— Ну не могу я тебя туда отправить, идиотка! — чуть не кричал главред. — Что я делать буду, если тебя там подстрелят или убьют? Не дай бог, конечно... Ты как хочешь, а мне жизнь пока еще дорога. И кресла этого, — он демонстративно похлопал по подлокотникам, — я лишиться не хочу.

— Тогда подпишите заявление на отпуск, — сказала Яна и вышла из кабинета.

Кто-то забарабанил в дверь. Марта вздрогнула и кинулась к глазку. На лестничной площадке маячила кудрявая голова. Девочка открыла и выглянула.

— Напугал, дурак! — сказала она. — Чего тебе, Гришка?

— Мамке на работе тушенку дали, — выпалил подросток. — А дядя Толик картошки привез из деревни. Пошли, сейчас такая вкуснотища будет!

— У меня бабушка одна. Мама за водой пошла.

— Ты же ненадолго. Им тоже возьмешь.

Последний раз Марта ела вчера, она привыкла есть мало и ничего не хотеть. Девочка взяла две алюминиевые миски, ложку и спустилась вниз.

На газоне подпрыгивал небольшой костерок. Рыжий юркий Толик ловко управлялся с огнем, подсовывая ему обрывки старой газеты. Над костром болтался котелок, в котором что-то кипело, источая немислимые ароматы.

— Марта! — крикнул Толик, заметив девочку. — У тебя луковицы нет?

— Нет, — ответила она.

— Жалко, а то такой бы супец получился. А у стариков нет, не знаешь? — спросил он у Гришки.

— Не-е-е, — протянул подросток. — Я им вчера продукты заносил, лука там не было.

— Надо будет им картошки принести. И вам тоже, — кинул Толик в сторону Марты. — А то у меня целый мешок. Куда нам с Веркой столько?

Толик помешал густое варево ложкой, зачерпнул, подул как следует и отправил в рот.

— Во! — Он поднял большой палец вверх. — Еще бы хлеба...

Раздался глухой удар, и земля задрожала.

— В подвал! — скомандовал Гришка, схватил Марту за руку и потащил к дому.

Они заскочили в подвал, за ними последовал Толик. Марта зажала нос от резкого запаха плесени и канализации.

— Вот сволочи! — выругался Толик. — Время ведь выбрали, когда у людей обед. Сами пожрали и давай лупить.

— Воду привезли, — сказала Марта. — Они, наверно, по машине бьют.

— Не, — возразил Гришка. — Бьют наугад, без разбора.

Марта думала о маме. Где застал ее внезапный обстрел? Успела ли она укрыться?

Девочка подошла к закрытому решеткой окну. Ей хотелось узнать, что происходит снаружи.

— Отойди, — строго сказал Толик. — А то как бабахнет — не соберем.

Но Марта не послушалась. Она встала на носочки и выглянула во двор.

— Тихо, — сказала она.

— погоди, — сказал Гришка. — Это специально, чтобы выманить нас.

Они немного подождали и наконец решили покинуть убежище. На улице, действительно, было тихо, и только перевернутый котелок и разлившееся по земле варево напоминали об обстреле.

Толик поднял котелок и выругался:

— Сами пожрали, черти! Ну ничего, я еще долго жить собираюсь, я вас всех переживу! — Он погрозил кулаком неведомому врагу и повернулся к ребятам. — Верка придет с работы, может, чё пожрать принесет. Вы заходите.

Марта взяла пустые тарелки и отправилась домой. Она тихо вошла в квартиру и, увидев там маму, бросилась ей на шею.

— Отпусти, задушишь, — ласково сказала Ольга. — Как будто сто лет не виделись.

Марта с трудом согласилась отпустить ее. Она смотрела на маму и хотела наглядеться на нее на сто лет вперед.

Утром, пока домашние дремали после очередной бессонной ночи, Ольга собиралась на работу. Марта часто спрашивала, зачем она туда ходит: все равно ведь зарплату не платят. Ольга и сама не знала ответа. Сначала казалось, что скоро все кончится и жизнь пойдет своим чередом. Потом стало понятно, что прежняя жизнь не вернется, а будет ли новая, никто гарантировать не мог.

Ольга ходила в библиотеку, в которой работала уже без малого двадцать лет, скорее по привычке. Потому что каждое утро надо было куда-то идти, потому что жалко было книги, которые без присмотра растащат, жалко было тех редких читателей, которые остались в городе и ходили в библиотеку, как в намоленное место.

Как только началась война, пестрый коллектив стал редеть. К середине августа из сорока человек остались двое: Ольга и Оксана — эффектная блондинка с зычным раскатистым голосом. Муж ее, когда закрыли шахту, неделю беспробудно пил, а потом собрался и ушел в ополчение. Детей отправили в деревню к бабке. Там тоже стреляли, но вода из колодца и продукты с огорода были всегда.

На прошлой неделе в библиотеке взрывной волной выбило стекло. Ольга с Оксаной натянули пленку, чтобы хоть как-то прикрыть дыру, убрали все книги в хранилище и стали дежурить по очереди. И днем, и ночью. Женщины никогда не говорили об этом, но каждая молча верила в то, что когда-нибудь все закончится. Когда-нибудь люди вернуться в город и придут в библиотеку за книгами, которые для них так беззаветно берегли.

Ольга подошла к библиотеке. У двери маячила растрепанная бабушка в поношенном старомодном платье.

— Вы всё по прежнему расписанию ходите, — сказала Ольга.

— А что же делать? Меняться поздно уже, — ответила старушка.

Ольга постучала в дверь. Никто не отозвался. Она постучала настойчивее. За дверью послышался стук каблучков.

— Минута в минуту, — задорно произнесла Оксана, открывая дверь. — А вы, Анастасия Владимировна, привычек не меняете, — обратилась она к старушке. — В десять утра как штык.

— Я газетки свои почитаю, — сказала бабушка и направилась к полупустым стеллажам.

— Новых-то давно нет, а старые вы все читали.

— А я еще раз прочитаю.

Оксана махнула рукой и подошла к Ольге.

— Ну как там? — Она кивнула в сторону улицы.

— Пока спокойно, — ответила Ольга.

— А дома?

— Тоже. Мама меня беспокоит — есть отказывается. Ума не приложу, что с ней делать.

— Не переживай. Сегодня не хочет, завтра захочет.

— А тут как?

— Да что тут кому сделается. Вон наши пошли. — Оксана кивнула в сторону двери, в которую вошел высокий худощавый парень.

— Д-дайте мне Пушкина, — прогнусавил он. — «Руслана и Людмилу».

— Сейчас принесу. — Ольга улыбнулась и направилась в хранилище.

— Колесников, вы тоже своим привычкам не изменяете! — засмеялась Оксана.

На улице светило солнце, в зале сидели читатели, и только пленка на окнах напоминала, что мир давно слетел со своей оси и понесся безумным галопом в неизвестность.

Рейс из Москвы успешно приземлился в аэропорту Ростова-на-Дону. Яна достала с полки небольшой рюкзачок и вместе с потоком туристов проделала долгий путь по коридорам аэровокзала, чтобы встретиться с палящим южным солнцем. Не успела она выйти на улицу, как со всех сторон на нее накинудись таксисты.

— Девушка! Красивая! Поехали в Таганрог! — кричали с одной стороны.

— Шахты, Новочеркасск! — неслось с другой.

— Девушка, поехали на море! В любую точку домчу, глазом моргнуть не успеешь!

Яна подошла к парковке. Путь ей преградил толстый седой армянин:

— Куда тебе, красавица?

— В Луганск, — прошептала девушка, как будто сообщала секретную информацию.

— Зачем тебе? Все оттуда едут, а ты — туда, — полушепотом ответил таксист.

— Надо, — настаивала Яна.

— Любимый, что ли, там у тебя?

— Нет, — смутилась она.

— До границы могу подбросить, а дальше сама, красавица.

Яна согласилась. Таксист внимательно смерил взглядом девушку: содрать — не содрать с московской дурочки две цены?.. Не содрал.

Два часа ехали под музыку из шипящей автомагнитолы и рассказы таксиста. Яна узнала, что у него две дочери и три внучки, что один зять занимается каким-то бизнесом, а другой сидит на шее тестя. Беспольная информация заполняла голову девушки, вытесняя тревогу. Таксист что-то говорил о политике, о ценах на бензин, о местных новостях, но Яна только молча кивала. Города и поселки, мелькающие за окном, жили обычной, беззаботной жизнью, как будто и не знали, что совсем рядом идет война.

— Вон смотри, фуры с гуманитаркой. — Таксист показал на огромные белые грузовики, идущие колонной по правой полосе. — По телику про них каждый день крутят.

Яна проводила взглядом караван. Она попыталась сосчитать машины, но быстро сбилась.

Скоро дорога опустела, показался пункт пограничного контроля. Такси остановилось.

— Ну все, красавица, приехали, — сказал водитель. — Дальше сама.

Девушка расплатилась и вышла из машины.

— Удачной тебе дороги! — кинул напоследок таксист.

Яна осталась один на один с пугающим, но манящим миром. Готовясь к поездке, она внимательно прошерстила форумы и собрала всю доступную информацию. Но теперь стало страшно. Как будто нужно было разбежаться и прыгнуть с большой высоты без страховки. Редкие автомобили проезжали мимо девушки и останавливались перед шлагбаумом. Яна смотрела на них, не решаясь тронуться с места.

Маме она сказала, что летит в Ростов к друзьям на пару дней. Ростов и Ростов, что с него взять? Для убедительности даже положила в

стопку белья купальник. Потом, правда, убрала назад в шкаф. По дороге набросала пару СМС: «Приземлилась. Встретили. Все хорошо» и «Мы за городом, связь не ловит». Мама была рада, что Яна вырвется из Москвы, отдохнет, может, даже с кем-то познакомится. Знала бы она, что вместо пляжа дочь будет стоять перед границей непризнанной республики...

Яна не раз проходила пограничный контроль, но такого еще не видела. Кругом лежали мешки с песком и топорщились противотанковые ежи. Девушка подошла сначала к одной будке, потом ко второй. Везде задавали одни и те же вопросы: «Куда едете? Зачем?» Яна отвечала, что она журналист, едет в Луганск делать репортаж. Для убедительности прикладывала к стеклу удостоверение, боялась, что спросят командировочный лист. Не спросили. Она прошла мимо изрешеченного снарядами здания и вдруг поняла, что провалилась в кроличью нору и оказалась в Зазеркалье.

Яна шла по обочине, под ее ногами хрустели металлические осколки. С каждым шагом страх нарастал, хотелось повернуть обратно, спрятаться и долго плакать. Ноги сами вели ее вперед осторожно, медленно. Она прислушивалась к каждому шороху: не выстрел ли? Нет. Только шум проезжающего транспорта. С российской стороны машин было мало, а вот в обратную сторону тянулся длинный хвост автомобилей.

— Эй, может, подбросить? — раздался мужской голос.

Яна повернула голову и увидела желтую «газель». Круглолицый лысеющий мужчина с густыми черными усами высунулся в открытое окно:

— Так и пойдешь пешком?

Яна сделала шаг назад. В Москве она бы никогда не села в незнакомую машину. А тут ей почему-то хотелось довериться этому улыбчивому незнакомцу. Но мешал страх. Она и сама толком не понимала, что так пугало. Но там, где идет война, положено бояться.

— Не хочешь — как хочешь, — сказал мужчина и отвернулся от нее.

— Стойте! — пропищала Яна и бросилась к «газели».

Мужчина открыл дверь и пропустил ее. Яна залезла в машину и расположилась на сиденье между ним и водителем. Водитель, сухощавый и загорелый, надавил на газ, и машина поскакала по неровной дороге.

— Смотри, — кивнул круглолицый.

Яна машинально повернула голову влево и увидела сгоревший танк. И это всего в какой-то паре десятков метров от российской границы!

Разговорились. Оказалось, что Семен, круглолицый, из Ростовской области. Он сказал название своего городка, но девушка не запомнила. Второй месяц Семен возил гуманитарку в Луганск и окрестности. Сначала сам покупал необходимое, собирал по родственникам, друзьям, передавал посылки. Когда количество нуждающихся достигло критической отметки, Семен организовал точки сбора помощи. Кто-то приносил детские вещи, кто-то — продукты, кто-то просто тащил то, что было

жалко выкинуть, а кто-то проходил мимо, бросив: «Пусть им Украина помогает».

Каждые выходные Семен мотался через границу на своей «газели» и в одной из поездок познакомился с Юрцом — местным водилой. Стали работать вместе. Семен пересекал границу, там его встречал Юрец, садился за руль и со знанием дела петлял по луганским дорогам. Каждый раз по-разному.

Слева и справа тянулись бескрайние степи, слышались глухие раскаты орудий. Война была совсем близко, она пряталась за лесопосадкой, поселком и терриконом, готовая в любой момент выпрыгнуть из своего укрытия и смести всех, кто окажется у нее на пути.

— Симку вынь, — предупредил Семен. — Они сигнал отслеживают.

Яна полезла в рюкзак и достала старенькую Nokia. Она распотрошила телефон и сложила запчасти обратно в рюкзак.

— Смотрите, блокпост, — сказал Юрец.

— Наши или не наши? — спросил Семен.

— Бог их знает. Все равно тикать поздно.

Яна вытянула шею, пытаясь разглядеть перекрывших дорогу военных.

— Если спросят, скажи, к бабушке едешь. А если какая заваруха начнется, беги в степь и не оглядывайся, — посоветовал Яне Семен.

Она послушно кивнула.

Подъехали к блокпосту. Юрец с Семеном вышли из машины, долго говорили с молодым парнем в военной форме, показали документы. Парень заглянул в кабину «газели» (на Яну даже не посмотрел), попросил открыть кузов, что-то высматривал, светил фонариком. Наконец мужчины вернулись в машину.

— Сейчас своих от чужих не отличишь, — сказал Семен, когда они миновали блокпост.

— Среди ополчей тоже всякие встречаются, — поддержал Юрец.

— Почему так долго смотрели? — спросила Яна.

— Оружие искали, — ответил Семен. — На нас же не написано, что мы гуманитарку детям везем. Всех проверяют. Хорошо хоть, на укропов не нарвались. Ты не болтай лучше, что журналистка, а то костей не соберем. Говорят, они специально по журналистам бьют, чтобы те всему миру не рассказали, что здесь творится.

— Да бог знает шо творится! — сказал Юрец. — Стреляют по нам, как по проклятым. Ни жить, ни помереть спокойно не дают. У нас тут кум умер — сердце не выдержало. Мы с его зятем могилу роём, а тут обстрел. Ну мы в могилку-то и прыгнули. Потом вылазим, а рядом осколки валяются. С того света кум спас. Воды в городе нет, света, газа, связи тоже...

— Как же вы живете? — робко спросила Яна.

— Так и живем, — оскалился Юрец.

Дальше ехали молча и быстро. Нужно было успеть до комендантского часа. Чем ближе был город, тем громче становились взрывы.

— Вот гостиница, — сказал Юрец, останавливая машину.

Яна простилась с попутчиками и вышла из машины.

В гостинице было темно. Одинокая девушка, видимо администратор, встретила Яну, записала при свете фонаря что-то в толстую тетрадь и отвела ее в номер.

Яна без сил упала на кровать. Хотелось закрыть глаза и очутиться где-нибудь далеко отсюда. Там, где нет войны.

Марта заглянула в комнату бабушки. Та спала. Девочка прикрыла дверь и отправилась к себе. Она стала осматривать книжные полки. Гоголь, Дюма, Достоевский — все это она уже читала. Надо попросить маму принести что-нибудь новенькое с работы. Марта бы и сама с радостью побродила среди огромных железных стеллажей. Но мама не пускала, да и за бабушкой кто-то должен был присматривать.

Серенький, затертый сборник Губанова. Когда-то мама серьезно увлекалась стихами этого поэта. Увлечение прошло, а Марта осталась.

«Марта — девочка затопленной Руси...»

Стихотворение ей нравилось, а поэт — нет. Он был похож на отца, которого она никогда не видела. Но мама говорила, что похож.

Девочка поставила книгу на полку и подошла к окну. На улице щебетали и прыгали с ветки на ветку воробьи. Еще весной Марта с одноклассниками, как эти беззаботные птицы, болтали и веселились. И ни что не предвещало беды.

Тогда же весной они ездили в Краснодар на экскурсию. Их водили по большому красивому музею, рассказывали про войну и молодоговардейцев. Казалось, что все это так далеко и никогда не повторится. Повторилось. Как будто война спала все эти годы, а теперь ее разбудили.

Марта услышала какой-то шум на лестничной клетке. Она подошла к двери и посмотрела в глазок. Никого. Девочка приоткрыла дверь и выглянула. Снова никого. Она вышла на площадку и увидела белую надпись на стене: «Марта, если тебе будет скучно или страшно, заходи».

Она улыбнулась. Раньше бы Гришке влетело за «наскальную живопись». Теперь этот древний способ связи оставался единственным возможным. На секунду Марта представила, что если огромная бомба попадет в их дом и все разрушит, то эта надпись непременно сохранится. Люди, которые будут разбирать завалы, увидят ее и подумают: «А кто такая была эта Марта?» Вечная семиклассница со странным именем.

Девочка спустилась вниз и постучала в Гришкину дверь. Тишина. Она постучала сильнее. Снова тишина. Марта развернулась и поднялась к себе. В подъезд кто-то вошел. Она остановилась и посмотрела вниз. В пролете маячила Гришкина голова.

— Смотри, что у меня есть! — Он поднял батон хлеба над головой, как знамя.

Марта спустилась. Она отломил кусок батона и поднесла к губам. Хлеб был теплым и мягким и пах домом.

После обеда Оксана сменила Ольгу в библиотеке. Они обменялись двумя-тремя фразами, и Ольга поспешила домой. Столько всего нужно было успеть!

Дома ее ждал настоящий сюрприз — кусок хлеба, который давно остыл, но все еще пах то ли закваской, то ли огнем. Последний раз Ольга ела хлеб три недели назад или даже больше, разве вспомнишь. И не было теперь ничего вкуснее этого хлеба.

В детстве бабушка рассказывала ей, как во время войны стояла в длинных холодных очередях за хлебом. Как страшно было уснуть и пропустить свою очередь, как она боялась потерять карточки и однажды все-таки потеряла. Тогда Ольге казалось, что все это было давно и навсегда осталось в прошлом...

Ольга сварила картошку (спасибо Толику), растолкла ее ступкой, чтобы не было комочков. Еще бы молока добавить, да нет его. Она положила жиденькое пюре в тарелку и пошла к матери. Та открыла глаза, но посмотрела не на дочь, а в сторону. Ольга позвала ее, и старушка медленно перевела взгляд на нее. Значит, слышит.

Ольга кормила ее с ложечки, как маленького ребенка. Одна, две, три ложки, дальше мать отворачивалась. Не хотела.

Когда два года назад мать разбил инсульт, Ольга думала, что теперь им будет очень трудно. Нет, тогда было легко. Трудно стало потом.

Женщина отложила тарелку и взяла смоченный кусок ткани. Она принялась протирать мать, как фарфоровую куклу, переворачивая то на один бок, то на другой, чтобы не было пролежней. Раньше спасали салфетки и мази, теперь их было не достать.

— Хочешь пить? — спросила Ольга.

Мать моргнула.

Ольга пошла на кухню, принесла воды и аккуратно, по ложечке, стала поить мать. Одну ложечку, две, три...

Вечером она снова отправилась в библиотеку на дежурство. Там было темно и тихо, а снаружи то близко, то далеко раздавались глухие взрывы. Стекла плясали в оконных рамах, готовые в любой момент разлететься.

Послышался резкий стук. Ольга вздрогнула и осторожно подошла к окну посмотреть. Может, кому-то из читателей стало страшно дома и он пришел переждать обстрел в библиотеку. Такое бывало. Или припозднившийся, несмотря на комендантский час, прохожий решил попросить убежища. Такое тоже бывало.

Ольга посмотрела в окно. Никого. Видимо, ветер хулиганит.

Стекла дрожали при каждом новом ударе. Ольга не знала ни одной молитвы, но сейчас она просила всех святых, чтобы этой ночью ее близкие остались живы.

Яна открыла глаза, не понимая, где находится. Потребовалась минута, чтобы сознание пришло в норму и она вспомнила события прошедшего дня. За стеной слышались шаги и голоса.

Девушка поднялась с кровати, кое-как привела себя в порядок и вышла в коридор. Она хотела спуститься вниз, чтобы узнать последние новости, но на лестнице столкнулась с мужчиной. Она сразу же узнала его. Бородатое, смуглое, кареглазое лицо военкора Артема мелькало чуть ли не в каждом сюжете одного из федеральных телеканалов. Не успела Яна открыть рот, как военкор сказал:

— Утром спальный район обстреляли. Хочешь, поехали со мной.

Яна бросилась в номер за рюкзаком. Через несколько минут на заднем сиденье старенькой «бэхи» она мчалась по пустым улицам города. Бритый водитель, явно из местных, разговаривал с Артемом, активно жестикулируя. Девушка выхватывала из разговора знакомые слова: «лупят», «грады», «укропы», — все это перемежалось солидными порциями мата.

За окном мелькали изрешеченные дома, обуглившиеся магазины и киоски, покореженные останки, пробитые дорожные знаки и сгоревшие автомобили. Яне казалось, что машина времени отбросила ее на семьдесят лет назад, и только растяжка «С Новым, 2014 годом!» возвращала в реальность.

Свернули во двор. Всюду валялись сломанные ветки деревьев, выбитые рамы и осколки стекол, как после урагана. Подъехали к обуглившимся гаражам. Артем вышел из машины, Яна бросилась за ним. От увиденного она застыла на месте. Большой панельный дом был похож на пустые пчелиные соты. Там и тут зияли дыры. Возле гаражей лежали под белыми простынями два человека — видимо, мужчины, рядом с ними плакали две женщины — видимо, жены.

Артем ходил по двору, что-то снимал на портативную камеру, разговаривал с жителями, собравшимися на улице. Яна так и не могла двинуться с места. Несмотря на жару, ее била мелкая дрожь, как при простуде. Хотелось исчезнуть, раствориться в знойном воздухе, забыть все увиденное...

— Чё стоишь? — сказал Артем. — Иди материал собирай, журналистка.

Яна заставила себя сдвинуться с места. Она огляделась и выбрала «жертву» — невысокую блондинку, которая одиноко стояла возле подъезда.

— Добрый день, я журналистка из Москвы, — сказала Яна. — Можно задать вам пару вопросов?

Женщина окинула ее удивленным взглядом, но согласилась. Яна достала диктофон.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Трофимова Ольга Николаевна. Сорок лет. Библиотекарь.

— Расскажите, что здесь произошло?

— Я на работе была. Соседи говорят, всю ночь стреляли. Утром вроде прекратили. Мужики выбежали пожар тушить — гараж загорелся. Тут их второй волной и накрыло...

— И часто стреляют?

— Каждый день.

— Со стороны Счастья бьют, — сказал проходящий мимо парень и показал рукой.

— Это такой город, — пояснила Ольга. — Там эти...

Женщина не закончила, но Яна и так все поняла.

— А что вы можете рассказать о своей нынешней жизни? — допытывалась девушка.

— Что тут расскажешь? Скомкали нашу жизнь, как лист бумаги, и выбросили в корзину. Так мы в этой корзине и сидим. Пойдемте, сами посмотрите!

Они поднялись по лестнице. Пока Ольга отпирала дверь, Яна рассматривала надпись на стене.

— Это дочке одноклассник написал, — пояснила Ольга. — Дети не балуются, просто другого способа связи нет.

Яне вдруг захотелось, чтобы и ей кто-нибудь тоже оставил такое послание. Еще она подумала, что когда-нибудь война закончится и в этом подъезде затеют ремонт. И надпись скроется под толстым слоем краски.

Они вошли в квартиру. Обычная квартира: слегка потускневшие, но еще вполне приличные обои в цветочек, посуда и мебель почти такие же, как дома у Яны.

— Стекло лопнуло, того и гляди вывалится. — Ольга показала длинную трещину от одного края рамы до другого.

В коридоре мелькнула фигура девочки-подростка — худенькой, белокурой. На полголовы выше мамы, и так на нее похожа. Девочка поздоровалась с гостьей и скрылась в комнате.

— Простите, что ничего не предлагаю. Самим есть нечего, — виновато сказала Ольга.

— Как же вы живете в таких условиях? — прозвучал давно витавший в воздухе вопрос.

Женщина пожала плечами.

— В любых условиях можно выжить, как оказалось. Каждый крутится, что-то придумывает. Говорят, Россия нас не бросит, пришлет помощь...

— Я же видела грузовики с гуманитаркой! — оживилась Яна. — Они уже на границе, еще пару дней — и придут.

Ольга неуверенно кивнула.

Яна так часто брала интервью у художников, актеров, музыкантов, которые говорили о всяких глупостях, которые тогда казались ей важными. Теперь она столкнулась с реальной жизнью — некрасивой, вывернутой наизнанку, изломанной — и не знала, что еще спросить.

Яна ехала сюда, чтобы понять, где правда. Но поняла одно: пока на картах мира политики двигали флажки и рисовали границы, маленькие люди в маленьких домах пытались перехитрить войну.

Ночью стены вздрагивали при каждом новом ударе. Дому тоже было страшно. Он бы тоже хотел спрятаться в подвале вместе с людьми. Марта в подвал не пошла, не захотела бросать бабушку. Всю ночь девочка просидела в дверном проеме. В школе учили, что там самое безопасное место. Кто бы мог подумать, что это знание однажды пригодится.

Утром наступило недолгое затишье, а потом все повторилось.

Марта видела в окно, как горел гараж и как Толик с соседом из крайнего подъезда бросились его тушить. Когда девочка в следующий раз подошла к окну, двое мужчин уже лежали на земле под белыми простынями.

Еще недавно Толик собирался жить долго, а теперь лежал неподвижно. Рядом плакала Вера, долго, надрывно. Марта посмотрела на синее безоблачное небо. Если там, наверху, и есть Бог, то он, видимо, заткнул уши, чтобы не слышать этого плача.

Пришла мама. Она быстро обняла Марту и поспешила обратно во двор, чтобы помочь Вере. Потом мама вернулась вместе с журналисткой из Москвы. Та была похожа на испуганного воробья. Она ходила по квартире и внимательно все осматривала, как будто здесь было что-то интересное. Потом пришел еще один журналист — с густой неряшливой бородой и видеокамерой. Странные эти журналисты: пишут, снимают, как будто могут что-то изменить...

— Что ты делаешь? — спросила журналистка, заглянув в комнату Марты.

— Ничего, — ответила та.

Журналистка робко вошла.

— У тебя столько книг... Ты их все читала? — Она окинула взглядом книжные полки.

— Да, — ответила Марта и подошла к Яне. — А у вас дома много книг?

— Нет, — честно ответила девушка. — Раньше много было, потом почти все раздали. Я сейчас с айфона читаю.

— А я не люблю с экрана читать, мне больше нравятся бумажные книги.

— Мне тоже. — Яна улыбнулась и отошла от полок.

— Только к окну не подходите! — предупредила Марта. — Это опасно.

Яна остановилась возле письменного стола.

— Ты что, уроки делаешь? — спросила она, разглядывая учебники.

— Нет, это за прошлый год. Надо их убрать куда-нибудь или сжечь, все равно не нужны.

— И тебе не жалко?

- Нет. По ним ведь никто учиться уже не будет.
- Почему? — удивилась журналистка.
- Никого не осталось. Уехали все и не вернутся, пока война не закончится... А вы знаете, когда все закончится?
- Нет.
- А я думала, что в Москве знают.
- А я думала, что здесь узнаю.

Марта смотрела на хрупкую девушку — журналистка была ниже ее ростом — и думала, что только безумие могло привести ее в город, охваченный войной.

После ухода российских журналистов Ольга открыла кладовку. Осталась последняя банка рыбных консервов, полпачки «рожек», горсть гречки, штук десять картофелин и бутылка растительного масла. Как бы ни было горько и гадко на душе, нужно было что-то готовить. Если журналисты не врали, что скоро в город придут фуры с гуманитаркой, то оставалось протянуть на этих запасах пару дней.

С горем пополам Ольга приготовила завтрак. Кусок в горло не лез, но приходилось есть. Разделили с Мартой водянистую кашу. Мама есть отказалась, только губы дала смочить. После обеда Ольга сбегала в библиотеку, подменила Оксану, а когда вернулась домой, увидела пакет с продуктами и бутылку воды. Марта сказала, что их привезли журналисты.

Ольга разобрала пакет. Чего там только не было: консервы, хлеб, мука, даже бутылка молока! Где только все это взяли, непонятно. Половину Ольга сложила в кладовку, остальное велела дочери отнести старикам Никоненко. Но оказалось, журналисты привезли им такой же гостинец. Старики плакали, поверить не могли, что чужие люди заботились о них. Ольга тоже плакала. Единственное, что придавало ей сил все эти месяцы, так это сознание, что она нужна матери, дочери, читателям, соседям. А теперь получалось, что и о ней кто-то подумал. Не хотела ведь общаться с журналистами — опасалась их назойливости, — а они оказались нормальными. Стало стыдно. Подумала, что нужно будет отблагодарить при случае. Только бы повод был не такой, как сегодня.

Ночью опять стреляли. Не по их кварталу — по соседнему. Ольга с Мартой спали в коридоре. Ну как спали... Скорее дремали в редкие минуты затишья. Хотелось, чтобы наконец настало утро и все прекратилось.

Алый рассвет растекался по горизонту, а выстрелы не стихали.

Ольга встала и пошла в комнату матери. Старушка лежала с открытыми глазами и не моргала. Ольга позвала мать, но та не отозвалась. Пощупала пульс. Мать умерла. «Отмучились», — подумала Ольга и села возле ее кровати.

Горевать не было ни сил, ни времени. Нужно было думать о похоронах. Больницы едва успевали принимать раненых, морги не рабо-

тали, кладбища тоже. Денег не было. Потерпеть бы матери, пока все наладится, пожить бы еще... Ольга ругала себя за такие мысли, но ничего не могла с ними сделать.

Соседка с первого этажа пообещала оформить нужные бумаги у себя в больнице, советовала хоронить быстрее, а то жара на улице. Ольга и сама это понимала. Нужна была машина, могильщики, о каких-то других похоронных атрибутах речь уже и не шла.

Послала дочь в библиотеку предупредить Оксану, чтобы та не ждала. Пока Марты не было, опять приехали журналисты. Ольга набралась смелости и обратилась к ним за помощью. В любое другое время просить бы не стала, но теперь было не до гордости.

Бородатый кивнул и куда-то уехал. Через час вернулся. Вынули с водителем из машины гроб: грубый, нелаченный, пахнущий свежим деревом.

Дочь вернулась, когда заколоченный гроб грузили в машину. Мужчины поехали вперед, а Ольга с Мартой и московской журналисткой отправились следом на автобусе, еще Гриша с ними увязался. На кладбище все встретились. Могилу решили копать на окраине, у дороги, чтобы легче потом было найти. Достали из машины лопату. Копали по очереди: то бородатый, то водитель, то Гриша. Сухая, закаменевшая земля не поддавалась, приходилось ее долбить лопатой, словно ломом. По лицам и рукам мужчин текли струи пота, рядом кружили слепни, так и норовя присосаться.

Могилу выкопали неглубокую, насколько хватило сил, опустили туда гроб и засыпали землей. Водитель убрал лопату и достал из машины бутылку водки, хлеб и банку тушенки. Со словами: «Шо мы, не православные?» — он налил водки бородатому, Ольге и журналистке. Все выпили по глотку, больше не лезло. Молоденькая москвичка зажмурилась, но выпила, а потом жадно вцепилась в кусок хлеба. Поминали молча. Все были родными, и всех хотелось обнять.

Тишину нарушил раздавшийся вдалеке грохот орудий.

— Ну началось... — процедил водитель и добавил крепкое словцо.

Может, и не было никогда нормальной жизни. Может, Ольге эта жизнь только снилась. И не было у войны ни конца, ни начала, и не было от нее спасения ни живым, ни мертвым.

Сначала Яне Артем не понравился. Он казался ей грубым, циничным и злым. Видимо, сказывались постоянные командировки в горячие точки. Потом она стала привыкать и поняла, что, несмотря на все недостатки военкора, с ним не пропадешь. Он прекрасно знал город, как будто провел там большую часть жизни. Умел в нужный момент находить нужных людей. Но главное — с ним было не страшно.

После съемок первого репортажа Артем повез Яну в центр города. По дороге спросил, когда она последний раз ела. Девушка неуверенно ответила, что, кажется, это было вчера. Машина остановилась возле продуктового магазина, и Яна с Артемом вошли внутрь, где на полках

лежал разномастный товар с написанными от руки ценниками. Принимали любую валюту: рубли, гривны, доллары. Яна набрала два пакета продуктов.

— Зачем тебе столько? — спросил Артем.

— Я хочу отвезти той женщине, у которой больная мама, — ответила девушка.

Яна подумала, сейчас он скажет: «В городе столько людей, всем не поможешь». Но Артем понимающе кивнул и помог донести пакеты до машины.

По дороге Яна что-то пожевала, только чтобы военкор отстал. Аппетита не было, зато все время хотелось пить. Солнце безжалостно жгло, как будто было заодно с теми, кто лишил город воды.

После обеда Артем с водителем умчались на позиции. Яну с собой не взяли, высадили ее возле гостиницы и велели сидеть в номере. Вдалеке раздавались выстрелы, которые стали таким же привычным явлением, как солнце, ветер или смена времен года.

Яна больше не боялась: поняла, что бессмысленно. Бойся не бойся, а от войны, как и от себя, не убежишь. Она прислушивалась к каждому шороху в коридоре, но там было тихо, как будто во всей гостинице жила она одна.

Ближе к ночи послышались знакомые быстрые шаги. Яна выскочила в коридор и столкнулась с Артемом.

— Чего ты? — спросил он.

— Ничего, — смутилась Яна. — Просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

— Нормально все, — уже мягче сказал Артем. — Ложись спать, завтра будет тяжелый день.

Военкор не обманул. Следующий день был тяжелым. С утра поехали в обстрелянный район. И снова разбитые дома, слезы, кровь. И снова всех жалко. И ничего нельзя изменить.

После репортажа Яна попросила Артема заглянуть к Ольге. Она не могла объяснить, почему ее тревожит судьба этой женщины, но упрямо убеждала Артема, что заехать туда нужно. После недолгих уговоров он сдался, и они поехали — «на пять минут, не больше».

Оказалось, их ждали. Может, не конкретно их, а любого, способного помочь. Артем с водителем быстро куда-то уехали, но так же быстро вернулись. Яна украдкой подошла к водителю и спросила, где они взяли гроб.

— Да это деда моего, — нехотя ответил тот. — Он для себя держал, а я ему сказал, чтоб не помирал, пока вся эта байда не кончится.

Девушка решила больше ни о чем не спрашивать. На кладбище ехали молча. Хоронили и поминали тоже молча. И так все было понятно. Впервые Яне пришлось выпить водки. Не хотелось, но и отказаться было нельзя. Водка жгла горло и не давала вздохнуть. На жаре Яну мутило, но признаться в этом она боялась: не до нее сейчас всем было.

— Спасибо вам, — наконец сказала Ольга. — Не знаю, что бы я одна делала.

— Ладно, не чужие, — махнул рукой водитель.

— Нам ехать надо, — сказал Артем. — Вы сами домой доберетесь?

— Конечно, — ответила Ольга. — Можем и девушку с собой взять. — Она кивнула в сторону бледной Яны.

Только войдя в квартиру Ольги и выпив воды, Яна стала приходить в себя.

— Вы, наверно, не ели ничего, — предположила Ольга.

— Ела, — соврала Яна.

Ольга все равно сунула ей холодную кашу, которую Яна уплела с удовольствием.

— Что вы теперь будете делать? — спросила девушка, расправившись с едой.

— Что делать? Жить будем, как до этого жили, — ответила Ольга.

— Но вы же теперь можете уехать. Вас больше ничто не держит.

— Некуда нам ехать. И не нужны мы никому там. — Ольга неопределенно махнула рукой. — Здесь дом. Опять же за могилкой нужно смотреть...

— А как же война?

— Война когда-нибудь закончится. Не век же воевать.

Яна внимательно смотрела на усталую женщину, но так и не могла понять, что за сила помогала той вынести все испытания.

— А вы когда назад поедете? — спросила возникшая на пороге кухни Марта.

— У меня завтра утром самолет, — ответила Яна, немало удивившись тому, как быстро пролетело время.

— Да, вам надо ехать, — сказала Ольга отстраненно. — Кто знает, что дальше будет.

На улице просигналил автомобиль.

— Это за вами, — сказала Марта, выглянув в окно.

Яне хотелось на прощание сказать что-нибудь важное, но вместо этого она выдавила дежурное:

— Берегите себя.

— Вы тоже, — ответила Ольга.

Яна окинула взглядом квартиру, подъезд с неряшливой белой надписью и вышла во двор. Ей хотелось, чтобы память запечатлела все это, как кинолента.

— Подождите! — раздался голос Марты.

Яна обернулась. Девочка подошла к ней.

— Вы же напишете правду, как все было? — спросила она.

— Конечно, — ответила девушка.

— Тогда держите. — Марта протянула ей блокнот.

— Что это? — спросила Яна, принимая дар.

— Сами все увидите, — ответила Марта. — Доброй вам дороги! — Она махнула рукой и скрылась в подъезде.

Яна сунула блокнот в рюкзак и поспешила в машину.

Доехали до гостиницы. Теперь настало время попрощаться с военкором.

— Может, в Москве встретимся, когда приеду на побывку? — предложил Артем напоследок.

Яна согласилась. Она на миг представила, как этот пропахший порохом человек впишется в столичную жизнь. От этой мысли стало смешно, и она улыбнулась. Артем тоже улыбнулся какой-то неуверенной улыбкой подростка.

На горизонте показалась желтая «газель».

— Эй, мы девушку с собой забираем! — крикнул, высунувшись из окна, Семен.

Яна бросилась к своим попутчикам, как к добрым друзьям.

Вскоре позади остались военкор, гостиница и обстрелянные кварталы. В сумерках «газель», как заплутавший светлячок, мчалась в сторону границы.

— Смотри, что там? — спросил Юрец, вглядываясь в опускавшуюся темноту.

— Колонна идет, — ответил Семен. — Надеюсь, наши.

Яна тоже вглядывалась, сжимая холодными пальцами рюкзак. Что-то большое и светлое двигалось навстречу.

— Это же фуры, — наконец догадалась она. — Ну те, с гуманитаркой. Я их видела, когда сюда ехала.

— Похожи, — помедлив, согласился Юрец.

«Газель» поравнялась с фурами, которые, словно корабельная эскадра, двигались в сторону города. Яна провожала взглядом грузовики и не могла сдержать слез. Теперь она знала, что помощь близко и что горожане ее обязательно получат.

Яна полезла в рюкзак за платком, чтобы вытереть некстати выступившие слезы, но наткнулась на блокнот, который дала ей Марта. Она открыла его: на белоснежных листах убогим почерком были описаны события, произошедшие с девочкой в последние месяцы. Яна пролистала дневник. На последней странице ее ждал вставший на дыбы единорог.

Где-то позади грохотала и ревела война, а впереди лежали бесконечные степи. Единорог мчался по диким и вольным равнинам, не зная страха и смерти. Совсем скоро он будет далеко-далеко. Там, где нет войны.

Володя ЗЛОБИН

ЛЮЦИФЕРИН И КОВИДЛА: ИНАКТИВИРОВАННЫЙ ВИРУС РОССИЙСКОЙ АРХАИКИ

Во время холерной эпидемии 1892 года в Верхнем Приобье по ночам раздавались ружейные выстрелы. Мужики целились в холеру — злобную старуху с ведрами, бродившую вокруг села. Бабы же, «нарядившись пострашнее», с воплями отпугивали те поветри, что все-таки прорывалась сквозь беспорядочную пальбу¹.

Принимались и другие противоэпидемические меры: «...круговое опаживание сел, окуривание всех проезжавших дымом от костров, разожженных у покотины, коллективные молебны и крестные ходы, ношение ладанки на шее. Кое-где пытались раскапывать могилу предполагаемой “волхитки” (ведьмы) с целью изувечить труп и не дать ей приносить болезнь в село.

В деревне Половинка Карасукской волости (нынешний Краснозерский район Новосибирской области) собирались даже убить одного односельчанина, чтобы умилостивить холеру»².

Пришедшая в Сибирь зараза была отголоском пятой из шести холерных пандемий XIX века (1881—1896) и самой тяжелой из восьми российских холерных эпидемий³. Именно в ходе пятой пандемии Роберт Кох выявил возбудителя инфекции — холерный вибрион (1882), микробиолог Николай

¹ Схожий отпугивающий обряд, вплоть до стрельбы из ружей и женского визга, зафиксирован не только в Сибири, но и в Уфимской губернии в с. Белебеевском. См. Владимир Короленко, «В холерный год. Бытовой очерк». Срез подобных ритуалов подробно представлен в: Ритуалы бедствия: антропологические очерки / С. Б. Адоньева, И. С. Веселова, А. В. Степанов, Л. В. Голубева, Н. А. Курзина, Ю. Ю. Мариничева; под ред. С. Б. Адоньевой. — СПб.: Пропповский центр, 2020. — С. 207.

² Зверев В. А. Санитарная культура и жизнесохранительное поведение крестьянства Верхнего Приобья: (два сюжета из эпохи второй половины XIX — первой трети XX в.) // Бердск: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. и материалов науч.-практ. конф. / редкол.: В. И. Соболев, В. И. Баяндин, Л. И. Васеха. — Новосибирск: Адм. г. Бердска Новосиб. обл.: ДЮЭЦ «Берегиня»: НГПУ, 1996. — Вып. 1. — С. 4.

³ Согласно статистическим данным, от холеры в 1892 году умерло 300 324 человек, см. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813—1913): Статистические очерки. М.: Гос. стат. изд-во, 1956. — С. 352. В Томской губернии было учтено 10 164 погибших, см. Глушков С. Е. Преобразование системы здравоохранения и снижение смертности населения в Западной Сибири конца XIX — начала XX в. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). — С. 346—349.

Гамалея с женой впервые выпили раствор из инактивированных холерных вибрионов (1888), а бактериолог Владимир Хавкин создал первую действующую антихолерную вакцину (1892)⁴.

В том же 1892 году в Приобье против эпидемии выступил колдун Иван Гаврилович Сотников. Он призвал жителей деревни Зорино — чуть ли не единственной нехолерной в Барнаульском округе⁵ — за один день изготовить льняную рубашку и повесить ее «как пугало у ворот поскотины», что и уберегло бы Зорино от мора⁶. Изготовление рубашки контролировал сам чародей, «которого зоринцы считали рассудительным и к тому же обладающим тайной знахарской силой»⁷. Зоринцы продолжали шить обыденные рубахи вплоть до коллективизации: в 1931 году, когда в Зорино пришел тиф, женщины опять сшили очистительную рубашку, в которой больной должен был обойти село. Произошла своеобразная инверсия: рубаха из коллективной защитницы всего поселка стала индивидуальным средством излечения как раз в пору насильственной коллективизации⁸.

Попытки защитить население от холеры более действенными способами встречали отпор. Сельские врачи, учителя и духовенство Приобья неоднократно докладывали, что стремление хоть как-то проконтролировать санитарную обстановку сталкивается с резким неприятием жителей⁹. Даже после пика эпидемии, в феврале 1893 года, когда власти, опасаясь повторения бедствия, через старост потребовали от крестьян очищать собственные дворы от нечистот, те закономерно возмутились: «Как же это вышло, что староста-то и в дому хозяином стал?»¹⁰ Крестьяне защищали навоз с воистину патриархальным упорством: «Вообще, в ожидании холеры, мы начинаем подчищаться, но некоторые, впрочем, убеждены, что все это одна глупость: “жили-де наши деды и отцы в навозе и грязи, так и мы, Бог даст, проживем”»¹¹. Не отставали и горожане. Когда в Томске по призыву ректора ТГУ А. Судакова власти развернули антихолерную пропаганду, томичи, демонстрируя «слоновье равнодушие», как ни в чем не бывало ждали «злую гостью», а «некоторые еще и посмеивались»¹². Даже газеты, пока холера не пришла в Томск, писали: «Мы сибиряки изъяты, благодаря Бога, от всех невзгод, выпавших на долю центральной России, и наше сытое довольство служит нам достаточной гарантией против появления у

⁴ Владимир Хавкин предложил свою революционную вакцину ряду европейских стран, в том числе России, которые от нее отказались.

⁵ Зверев В. А. Санитарная культура и жизнесохранительное поведение крестьянства Верхнего Приобья... — С. 2.

⁶ Любимова Г. В. «Обыденная рубаха»: способ избавления от повального мора, зафиксированный в б. Малышевской вол. Барнаульского у. Томской губ. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭ СО РАН, Новосибирск, 2000. — С. 507.

⁷ Там же.

⁸ Холерная эпидемия 1892 года, скорее всего, и вправду обошла Зорино стороной. См. Любимова Г. В. Эпидемия в сибирской деревне: взгляд со стороны практической медицины и религиозно-магической практики (конец XIX — начало XX вв.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 24—25 сентября 2003 г. Материалы V Международной конференции. Барнаул: БГПУ, 2003. — С. 186.

⁹ Татарникова А. И. Экстремальное в повседневной жизни населения Западной Сибири в период эпидемий конца XIX — начала XX вв. // Genesis: исторические исследования. — 2019. — № 9. — С. 40—54.

¹⁰ Сибирские вести // Тобольские губернские ведомости. № 9, 3 марта 1893. — С. 129.

¹¹ Корреспонденция «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. № 100, 1892. — С. 3.

¹² Мысли вслух // Сибирский вестник. № 78, 1892. — С. 2.

нас холерной пандемии; но вряд ли возможно ручаться за наше дальнейшее благополучие»¹³. Ручаться и вправду не пришлось: как ни высмеивало население болезнь, смертность от холеры в Томске составила 21,8 на 1000 жителей¹⁴.

Народное лечение холеры описал волостной писарь Тобольского округа. По его словам, «в первое время появления холеры, знахари просто-напросто вздумали было отшучиваться от нее». Затем внутрь принималась перцовка, деготь, просто водка, водка с дегтем и особенно вино с дегтем. Далее шел черед бани: «Очень часто место лечения больных представляла жарко истопленная баня. Там усердно шли натирания водкой, уксусом и употребления всего этого внутрь, хотя результаты получались все те же». И лишь потом, «на самом заднем плане лечения, фигурировала уже со всеми своими атрибутами сама медицина, подвергавшаяся, к сожалению, почти на каждом шагу самому грубому и беспощадному игнорированию». От заезжих врачей прятались, портили им лекарства и избегали госпитализации¹⁵. Лечиться предпочитали иначе. В селе Каштакском захворавших отпаивают водкой с дегтем и соком редьки, после чего «укладывают в корыта, употребляемые для стирки белья, обливают теплой водой, а затем трут крапивой также с водкой и дегтем»¹⁶.

Крестьяне могли и вовсе прятать инфекционных больных, как это произошло в том же Тобольском округе, где знахари пригрозили «обывателям, что если они будут слушаться врача и употреблять данные им лекарства, то больные умрут»¹⁷. Порча колодцев, добавление яда в пищу, убийство порошками и снадобьями — то, что в традиционной общине приписывали ведьмам и колдунам, в эпоху модернизации стало ассоциироваться с врачами. В свою очередь, власти еще с 1830 года, первого холерного года в России, пытались объяснить населению опасность нового заболевания. Одновременно с мором в России вышло лубочное сочинение писателя Александра Орлова, где в доступной аллегорической форме рассказывалось о «тысячекрылой» холере. Текст не обошел стороной и народный ответ на противоэпидемические меры: «Ой, боюсь! Не посадили бы в колымагу; не надобно холеры, не хотим лекарей!»¹⁸

Вплоть до земской реформы 1864 года врач был почти не знаком деревне, да и после реформы ситуация не сильно-то изменилась: «Но фельдшеру трудно было выполнять свою обязанность, — народ к нему мало имел доверия, и лекарства, даваемые больным, большею частью оставались не тронутыми, или выливались куда-нибудь. Крестьяне и в нехолерное время почему-то подозрительно смотрят на лекарей; они скорей обратятся за помощью к какой-нибудь старухе знахарке в случае нужды, нежели к лекарю. У некоторых из них из каких-то источников составились до невероятия дикие

¹³ Телеграммы // Сибирский вестник. № 70, 1892. — С. 1.

¹⁴ Судаков А. И. Холерная эпидемия 1892 г. // Известия Императорского Томского университета, 1895. Кн. 8. — С. 118.

¹⁵ Хроника // Тобольские губернские ведомости. № 37, 12 сентября 1892. — С. 22.

¹⁶ Хроника // Тобольские губернские ведомости. № 34, 22 августа 1892. — С. 18.

¹⁷ Корреспонденции // Тобольские губернские ведомости. № 8, 24 февраля 1893. — С. 113.

¹⁸ Орлов А. А. Встреча чумы с холерой, или Внезапное уничтожение замыслов человеческих: Московская повесть. М., 1830. С. 18.

понятия о лекарях, как людях самых опасных, которые своими лекарствами морят людей»¹⁹.

На это же сетовал Вересаев: «В обществе к медицине и врачам распространено сильное недоверие. Врачи издавна служат излюбленным предметом карикатур, эпиграмм и анекдотов. Здоровые люди говорят о медицине и врачах с усмешкою, больные, которым медицина не помогла, говорят о ней с ярою ненавистью»²⁰.

Интересные записки оставил врач Казаринов Игорь Иванович, оградивший в 1892 году поселение Сузунского медеплавильного завода от холеры²¹. Казарин рисует уже типическую картину народного самолечения: баня, водка и неверие в болезнь. Сузунский врач весьма точно подметил неработоспособность карантина в русских условиях: «Гром не грянет, мужик не перекрестится» — говорит умная пословица. Прибавив сюда темноту людскую да туман от винных паров, да некоторые нравы, так хорошо выражающиеся тоже в поговорке: «моя хата с краю»... и кое-что еще, видишь ясно, что все это не те элементы, из которых вырабатываются широкие санитарные мероприятия».

Так, жена мастерового Помольцева попросила своего одиннадцатилетнего сына сбежать посмотреть, не умер ли еще сосед. Мальчик прибежал к умирающему от холеры, который со словами: «На, носи, да Шешукова поминай!» — подарил ему свою шапку, также служившую больному полотенцем, и вскоре преставился. За ним на тот свет отправился мальчик, его мать и чуть не померла вся остальная семья — глава которой, Помольцев, конечно, «попенял, что сынишка взял шапку из такого места», но не сжег ее²².

И хотя холерные бунты в тот год обошли Сибирь стороной, они разразились в Поволжье. Их причину объяснил писатель Владимир Короленко: «Человеку, знающему, сколько бесконечно малых организмов носится в воздухе и плавает в воде, понятно, что в сухом ветре из знойной Индии, в ясной атмосфере может носиться смерть в лице невидимого бесконечно малого врага. Но народ стоит на другой точке зрения и теперь, когда перед его истомленной душой выдвигают новую грозу, которой еще нет, он не понимает: “откуда господа узнали?” Узнать, по его мнению, “волю Божию” нельзя. Значит — это или выдумка, или... зависит от самих пророков...»

Таково психологическое основание нелепой формулы: “холера выдумана, народ умирает от докторов”, которая облетела всю Россию».

Короленко проводит неочевидную связь между мифом о кровавом навете и мифом о губительности медицины: «“Жиды распяли Христа”, — и толпа уже ищет глазами “распинателя”. “Доктора морят народ”, — и уже

¹⁹ Холера в селе Г... в 1866 году // Пензенские епархиальные ведомости, № 17, 1 сентября 1867. — С. 494—495.

²⁰ Вересаев В. В. Записки врача // Собр. соч. М., 1948. Т. 1. — С. 576. К слову, Вересаев вошел в литературу с повестью «Без дороги», где отобразил личный опыт борьбы с холерой в Юзовке.

²¹ Из 3 717 жителей умерло всего 24. Тогда как в соседней от завода деревне Мыльниково погибло около 11 % населения: больше 100 человек из 870. См. Каразинов И. И. Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе // Алтайский сборник. Выпуск 1. — Томск, 1894. — С. 174.

²² Там же. С. 175.

трудно рассказывать о бациллах и запятых...»²³ Также писатель перечисляет нападения на лекарей («фельдшера облили керосином и зажгли, докторов и сиделок убивали, в Саратове убили реалиста Немурова, который заступился за санитаров...»²⁴). О том же писали в газетах: «В Астрахани появились нелепые слухи в городе среди рабочего населения о том, что холеры вовсе нет, что заболевших помещают в больницу неосновательно, что доктора действуют неправильно и будто кладут в гробы даже живых, обсыпая их известью»²⁵.

Не обошлось и без курьезов. В тот год по газетам России²⁶ разнеслась весть о нижегородском мещанине Китаеве, который распускал слухи, «что холеры никакой нет и что ее выдумали врачи, зарывающие в землю живых». Китаев был арестован и принудительно направлен санитаром в плавучий холерный госпиталь. Там Китаев «перековался», признал наличие холеры и даже стал знаменит, но вскоре опять загремел в тюрьму. По поводу чего газеты заключили: «Странное существо русский человек: не то его на пьедестал, не то его в кутузку!»²⁷

Нетрудно заметить, что структурно реакция части российского населения на эпидемию холеры конца XIX века похожа на отношение части российского общества к пандемии COVID-19 века XXI. Смех, отрицание инфекции, вера в то, что врачи — убийцы, а болезнь неопасна, сокрытие инфицированных, недовольство противоэпидемическими мерами, убежденность в том, что правительство хочет истребить население, а болезнь искусственно создана и напущена иностранцами... Все сходится даже в деталях: в неистребимом культе бани и водки, а также в уповании на народные чудо-лекарства вроде баклановских капель²⁸, которые в ковидную пандемию с успехом сменили барсучий жир, гомеопатия, куркума и горькие плоды технического прогресса — чудесные катушки Мишина²⁹. Параллели эти не столь назидательны, сколь удивительны: каким образом архаическое российское общество

²³ Запятые Коха — так в те времена назывались палочки Коха. Слово «запятые» порой использовалось отрицателями холеры как издевательский троп, дескать, разве могут запятые убить?

²⁴ И хотя Короленко перечисляет весьма размыто, жертвы среди врачей действительно существовали. Самой известной из них стал врач А. М. Молчанов, растерзанный толпой в Хвальнске. Свидетелем расправы оказался художник Петров-Водкин, который художественно отобразил эти события в повести «Хлыновск». В повести можно найти типический народный ответ на разгул болезни: водка, врачи-убийцы и желание властей истребить население: «Да, православные, видать — простой народ кому-то поперек горла встал...»

²⁵ Часть неофициальная // Сибирский вестник. № 26, 1892. — С. 4.

²⁶ Писал об этом и «Сибирский вестник». См. Часть неофициальная // Сибирский вестник. № 28, 1892. — С. 4.

²⁷ Отправка на работу в холерные бараки практиковалась и в других областях. См. Корреспонденция «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. № 100, 1892. С. 3: «Четверо, лечивших холерных обложением мокрыми тряпками и нагрубивших участковому врачу, отданы по распоряжению губернатора служителями в холерную больницу». Далее: «Судовой приказчик, бросивший на берегу Волги двух рабочих, заболевших холерой, подвергнут трехмесячному заключению в тюрьме, а исполнители приказаний назначены служителями холерной больницы». См. Часть неофициальная // Сибирский вестник. № 29, 1892. — С. 5.

²⁸ Рецепт их известен благодаря казаку Федору Трайлину. В бытность свою на Кавказской войне Трайлин со слов очевидцев передал, что микстуру эту придумал генерал Бакланов, чем спас казаков от мора. Капли состояли из весьма забористой смеси водки, белой нефти, камфары, перца, скипидара и проч., что следовало принять внутрь, и пресекали холеру на корню. Газетная публицистика 1892—1893 гг. полна разочарованных сообщений о неработающих баклановских каплях. Впрочем, на их популярности это не сказалось.

²⁹ Утверждается, что этот «генератор синуса» способен вылечить все, от онкологии до коронавируса. Остается предположить, что, если возвести такую катушку в квадрат, вычесть из единицы и взять корень, получится генератор косинуса.

XIX века ответило на пандемию примерно так же, как общество массового образования и поголовной грамотности? Почему крестьянин, считающий холеру уродливой старухой с клюкой, и отучившийся в школе россиянин работали на инфекцию структурно похожие ответы? Причина в архаическом мышлении, паттерны которого проявились в ходе мирового эпидемиологического кризиса XXI века³⁰.

Кризис сам по себе обращает человека к архаике. Кризис — в его современном, не изначальном понимании³¹ — предполагает длящийся негативный процесс. Архаика в кризисе проявляется как предпочтение горизонтальных связей вертикальным (род вместо государства); проверка нового прецедентом; передача опыта не как знания, но как сюжета; а также как ярко выраженный аллегоризм, объективация и бинаризм. Выход из кризиса архаика мыслит посредством обращения к идеалу. Например, к докризисным временам, которые мифологизируются по одному факту своего упоминания как некая временная отсечка, время «до», благодать предшествующей эры. Кризис создает время достатка, нормы, желанное время, куда не просто хочется, а куда требуется вернуться. Для пандемии COVID-19 таким временем стал год 2019-й, как год 1913-й для XX века. Столетие будто бы по-настоящему началось после фальстарта 11 сентября 2001-го. Вместе с кризисом развернулись магические практики: их иррациональность возрастает пропорционально невозможности повлиять на ситуацию. Чем невозможней выглядит преодоление кризиса — тем сильнее его пытаются преодолеть с помощью означаемых, символов и ритуалов, вместе с которыми кратно возрастает мощь архаического мышления, ибо это мышление подобия, не отделяющее конкретное от абстрактного, а реальное от нереального. А раз все сопричастно и ничто не отделено, то на действительность можно воздействовать посредством правильного ритуала, достаточно выстроить в нужном порядке объекты, знаки и символы. Архаика — это взаимодействующий с миром код; мышление, опосредованное символами.

Такому мышлению свойственна партиципация³², то есть выстраивание случайных доказательных ассоциаций между несвязанными явлениями. Так, если вбить в Google-переводчик «cov id», перевод будет звучать как «идентификатор», что в рамках архаического мышления доказывает тоталитарный

³⁰ Данный текст далек от того, чтобы считать архаическое мышление примитивным, стадильным или оппозиционным другому типу мышления. Напротив, архаическое мышление рассматривается в нем как нечто, укорененное в мышлении вообще и проявляющееся в любом, в том числе рационалистическом, контексте. Понятие «архаического», а не «мифологического» или «первобытного» мышления выбрано потому, что оно наименее связано культурными и историческими обязательствами. Понятие «традиционное» используется в тексте не шире своего семантического значения. Отличие «архаического» от «традиционного» в том, что архаичное не явно, не осознанно и продиктовано в большей степени психикой и биологией, нежели культурой.

³¹ Если сегодня кризис понимается как затяжное негативное явление, то в своем греческом отечестве — это выход из негативного, некий пик, резкое суждение (например, судебское). Отголоском чего остается понятие кризиса в медицине: форма разрешения в течении некоторых инфекционных болезней.

³² Концепция партиципации была разработана антропологом Л. Леви-Брюлем (1857—1939), полагавшим, что у первобытных обществ присутствовало особое дологическое мышление. Скорректированная еще при жизни Леви-Брюля и понимаемая как некое пралогическое мышление, позже раскритикованная рядом антропологов (особенно К. Леви-Строссом), партиципация используется в тексте не как «примитивная» система мышления, в обязательном порядке кому-то присущая, а просто как закон сопричастия, выстраивающий поверхностные связи между несвязанными пред-метами.

замысел пандемии. Логическое противоречие в архаике незаметно: вместе могут уживаться вообще противоположные идеи. Например, что российские ученые не в состоянии сделать действующую вакцину (популярны выражения «жижа», «шмурдяк») и в то же время что российская векторная вакцина способна изменить геном человека. Указывать на противоречие бессмысленно: не столько потому, что для архаика свойственна «высокая эмоциональная чувствительность и аффективная напряженность общения»³³, а потому, что противоречие для него заранее снято личным опытом. Естественный источник авторитета для архаика — это его собственная деятельность, в рамках которой он только и готов увидеть причинно-следственную связь («Я верю своим глазам, а не зомбоящику!»). Но если источником логической взаимосвязи являются собственные действия, значит, в происходящем всегда будет искаться чье-то воление и субъектность, а если происходит будет что-то небывалое — война, мировой катаклизм, пандемия, — неминуемо отыщется и определяющая их воля. Соответственно, чем невозможней выглядит событие по отношению к отдельному архаику, тем более чудовищную волю он за ним обнаружит — заговор мирового правительства, чипирование от Билла Гейтса, уничтожение населения «овцинацией»³⁴.

Поэтому для архаического мышления не важен уровень образования. Архаик может владеть сложным научным языком, даже ученым быть, но при этом хранить свои знания в пещере, расписанной сценами охоты³⁵. Так, некая профессорша университета во время виртуальной лекции надела на голову трусы мужа, аргументировав это тем, что они защитят ее от коронавируса. В ходе обследования выяснилось, что муж-физик неоднократно заявлял жене, что биологические и компьютерные вирусы схожи, следовательно, заразиться SARS-CoV-2 можно через Сеть, отчего фетишизированные трусы мужа и послужили своеобразным файрволом. Также от болезни защищались мешком соли, приносили дары кусту можжевельника и запрещали ругать коронавирус («люди стали неправильно жить, и он пришел»)³⁶. Произошел откат, возвращение к архаическому, или, точнее, проявление его из вечной поблизости дремы, что нашло отражение в языке.

Корона, дитя блудницы,
Вирус гадкий, отвратительный,
Не был ты ни великим, ни маленьким,
И красивым ты тоже не был:
Лето ты пролежал в лошадиной моче,
Зиму — под навозом кобылицы.

³³ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М., «Прогресс», 1983. — С. 152.

³⁴ Академик Дьяконов сформулировал эту архаическую особенность как принцип «воля-свершение», когда не просто всякая причинно-следственная связь обуславливается чьей-то волей, а сама событийность начинается потому, что за ней стоит некое разумное волящее начало. См. Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — С. 63—64.

³⁵ Проявление архаического можно заметить даже среди тех ученых, кто борется с мифами о вакцинации: например, часто используется уловка «соломенного чучела», когда доводы противников вакцинации начинают рассматривать на заведомо сниженных основаниях. Естественно, спор с тем, кто считает вакцинацию происками мирового кагала, и тем, кто имеет ко всеобщей вакцинации ряд обоснованных вопросов, — это принципиально разные споры. Подобие здесь не работает.

³⁶ Осколкова С. Н. Амбулаторные случаи психических нарушений в период коронавирусной пандемии COVID-19 // Психиатрия. 2020, 18(3). — С. 49—57.

Не приставай к моим ногтям,
 Не цепляйся к моим ладоням,
 Приставай к холодным камням,
 Цепляйся к вербам у воды.
 Ступай, вирус, в лошадиное лоно,
 Проваливай, коронушка, к черту.
 Господи, благослови,
 Господи, благослови,
 Господи, благослови³⁷.

Коронавирус достаточно быстро оброс всевозможными неологизмами³⁸. В том числе заряженными на несогласие с вирусом, политикой, врачами, то есть модерном как таковым. Семантика подобных выражений заменяет социальные связи в условиях карантина. По ней узнают «своих». «Антиваксы» и «антипри» — распространенные неологизмы среди сторонников карантина и вакцинации, тогда как «коронабесие» — маркер противоположного лагеря. Архаика вообще бинарна, то есть разделяет наличный мир на ценностно окрашенные оппозиции («коронабесы» и «проснувшиеся», «ковидофашизм» и сопротивление). При этом архаики наиболее бинарно оценили «лохдемию» в качестве «барановируса», «баранофикуса», «коробкавиндовса», «блабл-вируса», «макароновируса» и «бананофикуса»... Лексическая сниженность одновременно служит как психологической защитой, нивелирующей угрозу «пандемии», так и средством политического давления. Неологизм «баранофикус» подразумевает и подневольную глупую массу, и аллитерацию некой фикции, чего-то ненастоящего, пустого. Получается стадо баранов, во что-то напрасно поверивших, — образ и сложный, и простой, потому так сильно распространившийся. Негативное номинирование является древним механизмом защиты, связанным с магическим восприятием мира. Изменение понятия означает изменение его сущности, как бы проявление его истинного значения и тем самым предупреждение возможных последствий. «Фикци-нация», «самоэвтаназия», «ковидла», «прибивка» — номинация проявляет скрытый враждебный смысл, который теперь обозначен, а значит, не может навредить. Например, нейтральное сокращение «ковид» стало «ковидлой», словно речь о чем-то прилипшем, быдло-повидле, которое надо стряхнуть, как что-то впечатавшееся в подошву. Ковидла не может быть опасной, не для этого в ней заложена столь насмешливая семантика. На ум приходят слова Тургенева о русском языке: «Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?»³⁹

Помимо языка, оскоромившаяся архаика пытается научно — от иммунологии до социологии — себя аргументировать. Так, утверждается, что массовый отказ от прививки мотивирован не чем-то иррациональным, а обоснован

³⁷ Заговор составлен кандидатом филологических наук, фольклористкой Марией Кундозеровой на основе заговорных текстов карел, записанных в 1970—1980-х гг. Это прежде всего реконструкция, которая тем не менее получила «колдовское» хождение среди архаиков.

³⁸ В словаре «Русский язык коронавирусной эпохи», составленном Институтом лингвистических исследований РАН, содержится около 3 500 лексических единиц.

³⁹ Интересный факт: Тургенев боялся заразиться холерой и постоянно выискивал у себя ее признаки. Со слов литературоведа Юрия Лебедева, мать писателя, Варвара Петровна, во время эпидемии холеры повелела сделать себе носимый стеклянный короб, в котором и объезжала окрестности. Стоит заметить, что сестра Тургенева, Варвара Николаевна Житова, в мемуарах заявляет, что Варвара Петровна холеры совершенно не боялась.

объективным недоверием государству. Раз от него никогда не было ничего хорошего, значит, и вакцина не может быть хорошей. Но это ведь и есть суть архаического мышления (подчиненность нового прецеденту; перенос подобия; санкционность личного опыта).

К тому же вакцину произвело не государство, а микробиолог Денис Логунов и его команда, но архаическое сознание, вновь пользуясь законом подобия, ассоциирует разработчика вакцины с ее заказчиком. Тот же принцип применяется и к «умершим после вакцинации», когда безупречная логическая связка «после не значит вследствие» высмеивается с искренним архаическим весельем, где «после» — обязательно «вследствие».

Не менее архаизирован принцип «работы» иммунитета, который вакцина якобы выключает, чтобы заменить его ненастоящим, искусственным иммунитетом, требующим инвазивной поддержки. В такой оптике иммунитет выступает как некая непорочная священная сущность, которую требуется оберегать рядом «настоящих» мер, зачастую сведенных до ритуальных практик вроде закаливания, на укрепление иммунитета не влияющих. «Настоящий»/«ненастоящий» — важнейшая для архаиков оппозиция, где «настоящее» связано с идеализируемым естественным состоянием, которое пытаются нарушить «официальная» медицина — ведь врач борется с естественностью, он пытается отсрочить смерть — что для архаика означает обрушение всего микрокосма. Врач — это чужак, посмевшийся вмешаться в естественный ход вещей, тот, кто нарушает извечный порядок, поэтому гнев архаиков так часто обращен к людям в белых халатах, к тем, кто ответственен за уничтожение «настоящего» и сокрытие правды⁴⁰. Если человека модерна интересует факт, то человека архаики — правда. Причем архаическая правда вынуждена маскироваться под факт, то есть опытное знание, которое может быть верифицировано. К примеру, архаика трубит о люциферине — «сатанинском» ингредиенте в вакцинах, якобы лишаящем людей связи с духовным миром, хотя это вполне реальное светоизлучающее вещество не может служить Сатане, иначе его бы славили грибы, улитки и насекомые. Используя настоящий научный термин и вписывая его в работающий механизм вакцинации (люциферин якобы разводится в 66,6 мл фосфатного буферного раствора⁴¹), современное магическое мышление показывает свою амбивалентность: форма и структура действия остаются архаическими, тогда как содержание соответствует чему-то актуальному. При холере был силен мотив божьей кары за отступничество от завета предков⁴², сегодня же человечество карает сама Земля, очищающаяся от людей, то есть причинность переносится с религиозной повестки на экологическую. Сам религиозный каркас остается, если понимать его авраамически, где структурно присутствуют такие

⁴⁰ Еще Владимир Короленко увидел в холерных бунтах отзвук антиеврейских настроений, чего не избежала и нынешняя пандемия: одна из архаических «мотивировок» отказа прививаться в том, что директор НИЦЭМ им. Н. Ф. Гамалеи Александр Гинцбург кровно «связан» с банкирами Ротшильдами и Шиффами.

⁴¹ Одна доза Гам-КОВИД-Вак составляет всего 0,5 мл, то есть, чтобы «вколоть» люциферин, потребуются шприц Жане, как в кинофильме «Кавказская пленница».

⁴² Этнограф Сергей Максимов отмечал, что в установленных случаях крестьяне увязывают природу эпидемических болезней (холера, тиф) с Богом, пославшим напасти «в наказание или для вразумления». См. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.-Петербург, т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. — С. 27.

понятия, как грех, судия, наказание и возмездие. Грех — загрязнение окружающей среды, судия — природа/планета, наказание — вирус, возмездие — прорезживание или уничтожение человечества. Наличествует и мотив испуга — человечеству необходимо изменить свое поведение, стать более экологичным, что должно избавить от напасти.

Религиозные страсти вокруг пандемии — как среди сторонников культа безопасности, фетишизирующих символы карантина, так и среди хтонических сил отрицания — сами по себе еще не означают наличие архаического. Архаика — это механизм, а не атрибут поведения. Религиозное или традиционное не равно архаическому⁴³. Так, часть православных рационализирует отказ от прививки Гам-КОВИД-Вак тем, что в ней якобы присутствует клеточная линия НЕК 293, добытая из эмбриональных почек человека еще в 1973 году, хотя разработчики отдельно оговорили, что «с помощью хроматографической очистки вирусная частица избавляется от следов человеческой клетки»⁴⁴. Хорошо видно отличие традиционного от архаического: традиция защищается религиозной нормой, запрещающей как-либо поощрять аборт, это просто культурный стандарт, тогда как архаическое выступает магическим законом подобия — раз в клеточных линиях, используемых для получения нужных вакцинных частиц, присутствуют эмбриональные ткани, значит, они есть и в самой вакцине. И все это вправлено в науку или околонауку, то есть архаика пока не может разомкнуть контур модерна, хотя в ней уже присутствуют свободные от современности лакуны⁴⁵. Архаика окружает науку подобно гало.

Примечательно, что архаика атакует своих противников как раз критикой самой архаики: «коронабесов», то есть истово верующих в пандемию, упрекают в существовании «культа святого Ковидия» или «церкви Коронавируса». Коронавирус даже уподобляют новому христианству: от зарождения на Востоке и распространения по миру через Италию до бытовых параллелей: маски — кресты, причастие — прививка. Даже на лобовом стекле машин вместо четок и елочных «ладанок» теперь висят медицинские маски.

Безусловно, ношение маски является не только дискуссионной защитной мерой, но и общим символическим ритуалом. А любой обязующий ритуал всегда имеет своих противников. «Намордник» — вероятно, самое популярное негативно окрашенное слово российской пандемии. Архаика вообще работает на отрицание. Ведь кто скажет, что маска — это «рыцарское забрало нашего времени»? Зато архаичность «намордника» наглядна: во-первых, она снимает медицинскую значимость вещи, так как медицина, связанная с темами жизни и смерти, сакральна; во-вторых, расчеловечивает носителя

⁴³ Публицистика на все лады просклоняла новую ковидную религию, в основном через самый слабый риторический прием — аналогию. Подобные построения эффектны, но слабы. Материалы эти интересны главным образом тем, что даже критика новой религиозности (не важно, проковидной или антиковидной, ибо это крайности одного и того же культа) основывается на архаическом мышлении: подобие, похожесть, личный опыт и т. п.

⁴⁴ Заявление сделал руководитель лаборатории механизмов популяционной изменчивости патогенных микроорганизмов НИЦЭМ имени Гамалеи, один из разработчиков «Спутника V» Владимир Гушин. См. Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/02/11/sozdateli-sputnika-v-otvetili-na-zapros-rpc-o-komponentah-vakciny.html> [Дата обращения: 09.07.2021].

⁴⁵ Такими могут считаться неорелигиозные общины, увязывающие природу болезни с психологическим состоянием человека, практикующие самолечение настроением, связью с космосом, то есть опять же терапевтической помощью *подобия*.

маски, ведь морда может быть только у животного; в-третьих, намордник не защищает, а не дает напасть, то есть делает беззащитным — в том числе как бы и перед вирусом. При этом нападки на «намордник» производятся не по причине его малоэффективности в случае инфекций аэрозольного типа или несогласия с данными мета-исследования The Lancet⁴⁶, а в лучшем случае из-за неприятия карантинных мер. То есть архаическое мышление может выражаться через актуальную социальную программу. Оно «подтверждает» себя апелляцией к рациональности, критическому мышлению, анализу, набору идей Просвещения. Такова, к примеру, популярность советского вирусолога Г. П. Червонской, докторов медицинских наук А. А. Редько и И. А. Гундарова, чьи звания, а не «знания» стали тотемами для отрицателей коронавируса. Архаика подтверждает себя модерном, что свидетельствует о ее глобальном проигрыше, подчиненности просвещенческой модели Нового времени: те, кто борется с вирусами заклинаниями, составляют все-таки меньшинство, тогда как наседающая на «лохдемию» псевдонаука — от отрицания до «люциферина» — вынуждена растворять свои догмы в буферном научном растворе. С другой стороны, научное прикрытие способствует выживанию архаического мышления, которое, как хамелеон, может притвориться чем угодно.

Но почему вообще стала возможна такая ошеломляющая архаизация?

Во-первых, из-за перенасыщения символического. В «обществе спектакля» означавшее давно оторвалось от означаемого, то есть образ вещи перестал выражать ее сущность. Символическая среда настолько насыщена, что как-то ориентироваться в ней можно лишь по выступающим вешкам, манипуляция с которыми и напоминает магическое действие. Когда пандемия стала главной мировой темой, она уже не могла восприниматься с точки зрения вирусологии и вообще медицины, а была усвоена человечеством через понятные символы: маску, перчатки, потерю обоняния, социальную дистанцию, самоизоляцию и т. п. Символы эти оторвались от своего реального наполнения (потеря обоняния и другие симптомы вроде кашля с температурой стали чаще трактоваться как заражение вирусом) и стали участниками архаико-магических процедур, где с ними начали работать современные «колдуны». То есть само по себе символическое насыщение создает почву для архаического мышления. Чем плотнее концентрация символов — тем важнее они породившего их контекста, а значит, социальное взаимодействие все больше определяется не чем-то наличествующим, а представляющимся, с чем испокон веков и взаимодействовало архаическое мышление. Поэтому всякий кризис — это время магии, вдруг вернувшегося волшебства. В период кризиса символы оживают, отрываются от социального контекста и начинают кружить в небе, как духи.

Во-вторых, архаизация не является прямым агентом упадка. Архаика по-существу законно присутствует в современности, даже в ее постиндустриальном изводе как «свое другое», как очаг локального. Глобализация вместе с «единством» порождает закрытые ценностные множества, строящиеся на

⁴⁶ Обобщение наиболее известных исследований о социальной дистанции и ношении масок, подтверждающих их эффективность. См. The Lancet: [сайт]. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)31142-9/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)31142-9/fulltext) [Дата обращения: 09.07.2021].

причастии, знакомстве, сопереживании. Множество всегда частность, оно разрывает общность, как разрывает ее мигрантский квартал, сообщество антипрививочников, терроризм, субкультура, секта — возможные как раз в силу длительности, пространственности общего, растянутого настолько, что в нем образуются лакуны и дыры. Их и заполняет архаическое сознание. Архаика — это не только ответная реакция на современность, но и своеобразные колодки, удерживающие от проваливания в совсем уж дикарство, это механизм самозащиты в кризисе, когда вместо пещер откатываются только в Средневековье. Поэтому архаизация кажется исключительно негативным процессом лишь с позиции ошибочного линейного позитивизма. В действительности это попытка пересобрать мир на сниженных основаниях, отступить и закрепиться на когда-то оторванных рубежах. Это инерция, желание замедлиться и перестать. Такой поведенческий изоляционизм, решимость не впускать чужака, в том числе государство. «Оставьте нас в покое!» — один из реальных лозунгов антипрививочников. И возник он не на пустом месте, а на месте кризиса государства. Не архаика расшатала его, а, наоборот, упадок государства все явственнее обнажает подчиненную прежде ритуалистику⁴⁷. И даже ее аффективность может указывать на какую-то подлинность. Все-таки отличие ритуала от спектакля в том, что ритуал не является ни постановкой, ни развлечением. Его переживают, когда начинают ощущать утрату подлинности. Поэтому ритмика архаики, как бы мракобесно она ни выглядела, несет в себе заряд сочувствия и соединения. Она тоже что-то выражает, пусть и негативное. Это тоже связь. Окаzionaliальные ритуалы, будь то опаживание села или причитания «Коронавирус, уходи!», — это ритуалы согласовывания неких общих смыслов, ритуалы общественно-го самовосстановления. Это нельзя срежиссировать, здесь нет диверсии. Неоспоримое достоинство архаики в том, что в ней нет приказа, это нечто присутствующее каждому и функционирующее по неясным до сих пор законам. Архаика — это эмоциональный иммунитет.

В-третьих, российская архаика — это своего рода некро-архаика, или инактивированная архаика, традиционализм без традиции, прошлое без опоры, форма без содержания. История России в XX веке — это история постоянного перелома, который не успевал как следует срастись, прежде чем его снова ломали. Традиционное общество хоть и было преодолено, но преодолено с приставкой «пост», не последовательно, без общеразделяемой преемственности. Когда пандемия запустила механизмы обращения к идеальному времени, его в воображаемой истории не оказалось — россиянам некуда возвращаться, позади лишь resentment. К примеру, так называемые граждане СССР — местная разновидность «сект» суверенных граждан — настаивают на том, что пандемия (мнимая или реальная) будет преодолена только тогда, когда до сих пор юридически «существующий» СССР наконец-то проявит себя физически⁴⁸.

⁴⁷ Об архаизации культуры начинают активно говорить с 70-х гг. XX в. См. Недугова И. А. Тенденции культурного развития на основе герменевтического круга // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (90). С. 69—74.

⁴⁸ Отрицающий вирус «гражданин СССР» Вадим Чельдиев организовал один из самых жестких антикоронавирусных протестов в России в апреле 2020-го (Владикавказ).

Нечто подобное обнаружилось в Германии, стране с похожей прерывистостью. Рейхсбюргеры, не признающие легитимность ФРГ и считающие себя гражданами рейха довоенных границ, в ходе антиковидного митинга 29 августа 2020 попробовали штурмовать Рейхстаг. Это были самые результативные европейские антиковидные протесты, во главе которых оказались сторонники возвращения в золотую когда-то эру. Кризис тем явственнее возвращает архаику, чем сильнее травмировано общество. Неудивительно, что, согласно ряду опросов, именно Россия была одной из самых антивакциционно настроенных стран в мире задолго до пандемии⁴⁹. В истории, воспринимаемой как череда катастроф, столпом покоя может выступить только полная архаика, то есть мир образов и архетипов, где больше не досаждают логические противоречия, мир существующих до сих пор СССР или Руси. Дополняя Ключевского, Россия — не просто постоянно колонизируемая страна, но и страна, постоянно архаизирующаяся, где русский человек неизменно выступает жертвой самого себя.

Пандемия показала, насколько близки человечеству эсхатологические настроения. То, что началось как неизвестная болезнь, развернулось как гонка вакцин, закончится как победа тех, кто наиболее эффективно отстоит от своего архаического прошлого. В России архаика инактивирована, прошлое ее сбивает, поэтому надежды на выход из кризиса призрачны — он останется сопричастным, проявляющимся всегда. Российскую архаику уже не раз пытались объяснить недоверием государству, но если человек полагает, что правительство, дабы разбогатеть, решило уничтожить налогоплательщиков, а с помощью вакцинации отслеживать тех, кто и так каждый день пользуется телефоном, то у человека недоверие не к государству, а к реальности.

Это другой, вышестоящий уровень.

Именно здесь таится один из неясных уроков пандемии — болезненная реакция не только на вирус, но и на саму современность. С ней что-то не так. Со всем миром что-то не так. Архаика лишь симптом, попытка защиты от неназванной еще угрозы. Подспудное ощущение своей оставленности. Тоска по правде и настоящему.

И вот как справиться уже с этой болезнью — не знает пока никто.

⁴⁹ Согласно опросу Morning Consult, против прививки настроено 29 % россиян. См. Morning consult: [сайт]. URL: <https://morningconsult.com/global-vaccine-tracking> [Дата обращения: 09.07.2021]. В декабре 2020-го ВЦИОМ дал 32 % тех, кто «точно не станет делать прививки». См. ВЦИОМ новости: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-kljuch-na-start> [Дата обращения: 09.07.2021]. Высокое недоверие к антиковидной вакцине часто рационализируют через «незавершенность испытаний», «побочные эффекты», «неэффективность работы государства в пандемии», «непроверенную эффективность» и т. п., но россияне еще в 2016 г. показывали все то же высокое недоверие к вакцинации: 28 %, 64-е место из 67 исследованных стран. См. Heidi J., Alexandre de Figueiredo, Zhao X., William S., Pierre V., Iain G. et al. The State of Vaccine Confidence 2016: Global insights through a 67-country survey // *EbioMedicine*. 2016, 12. — P. 295—301. Мета-исследование подтверждает архаическое неверие россиян в иммунизацию: так, религиозные убеждения не мешают россиянам прививаться (16-е место), тогда как в ответе на пункт «В целом я уверен, что вакцинация эффективна» Россия оказалась почти на дне (66-е место), а в вопросе о необходимости прививок для детей заняла последнее, 67-е место. При этом разделение на идейных антипрививочников и тех, кто по каким-то причинам не хочет вакцинироваться, можно опустить: интересны не процентные группы, а механизмы их защиты от современности. Конкретно доля антипрививочников в России около 11 %. См. Платформа: центр социального проектирования: [сайт]. URL: <https://pltf.ru/2021/06/29/chto-mozhet-izmenit-situaciyu-s-vakcinacziejissledovanie-omi-i-platfomu> [Дата обращения: 09.07.2021].

Александр ШЕКШЕЕВ

МАУТ ДЛЯ РУССКИХ. ВОССТАНИЕ НА ТАЙМЫРЕ

События весны 1932 года остались в памяти населения Таймырского полуострова (самой северной части современного Красноярского края) и в восприятии некоторых авторов как «таймырская трагедия».

Но наряду с этой оценкой сопротивление, оказанное северными народами коллективизации, до сих пор интерпретируется как «незначительное», «бессмысленное» и даже «контрреволюционное».

В данном случае читателю предлагается освещение этой страницы прошлого с использованием публикаций как советских, так и современных знатоков этой темы, воспоминаний одного из главных участников и архивных документов, в частности — многотомного следственного дела № 021878 архива Управления ФСБ Российской Федерации по Красноярскому краю.

Предисловие в лицах

...Задолго до описываемой здесь истории Красноярск посетил экзотически одетый человек, назвавшийся в губернских органах инородческим князем и привезший часть денежных средств, изъятых летом 1918 года местными жителями на территории Туруханского края у бежавших большевиков.

Это был Роман Дмитриевич Бархатов, долган по национальности и житель станка¹ Пясино. Получив миссионерское образование в монастырской школе, он мечтал о создании Соединенных штатов Орд Затундры, а в определенных кругах считался «профессором религии». Бархатов пользовался большим авторитетом у коренных жителей Таймыра. В марте 1922 года они избрали его делегатом III Енисейского губернского съезда советов, а его участники — членом губернского исполкома. Но, кроме того, Бархатов был для долган еще и «великим шаманом», пророчества которого воздействовали на их жизнь, лекарем и сказителем. Вероятно, понимая общественную значимость своего поступка, он передал шаманское одеяние, в котором проводил камлания, в Академию наук.

¹ Небольшое селение в сибирской тундре.

Другим участником событий был Степан Александрович Баранкин — молодой человек, русский по национальности, выходец из семьи енисейского торговца. Получив среднее образование, располагая опытом работы в кооперации и в совершенстве зная долганский язык, он служил заведующим факторией в Авамском районе Таймырского округа.

Наконец, еще один участник — Михаил Николаевич Шорохов. Рожденный в 1904 году в семье красноярского рабочего, он в молодости состоял в ЧОНе и гонялся за бандами, в 1925 году стал чекистом и сотрудником Красноярского окружного отдела ОГПУ, а в 1926 году был принят в ВКП(б). После окончания московских годичных курсов при Высшей пограничной школе ОГПУ Шорохов служил уполномоченным и начальником Игаркского городского отделения, откуда был переведен руководить Черемховским УНКВД Иркутской области. Подвергшись репрессиям и даже пыткам, этот человек, реабилитировавшись, продолжил служить сотрудником УКГБ того же региона. Награжденный орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды, Шорохов ушел на заслуженный отдых в звании полковника и скончался в 1998 году.

Переход к коллективизации. «1917 год в тундре»

Появление при советской власти в Туруханском крае множества торговых организаций не было уж столь положительным для хозяйственной жизни коренных жителей. Торговля процветала здесь в погоне, как свидетельствовали очевидцы, за «белчьи хвосты и туземцами». Предлагая безделушки, торговцы обменивали их на шкурки добытой местными охотниками белки и, организуя кредит, закабалили северян. Спасаясь от взыскивания долгов, «туземцы» были вынуждены перекочевывать, а представители хозяйственных органов — буквально вести на них «охоту».

К 1930-м годам возможности для выживания населения Туруханского края, на территории которого находились четыре «туземных» районных исполкома, объединявших до сорока родовых советов и четыреста восемьдесят национальных сельсоветов, резко ухудшились.

В 1929 году на Таймыре не стало белки, добыча которой являлась одним из основных промыслов населения, а падеж оленей из-за чесотки стал катастрофическим.

Народное образование и здравоохранение находились в зачаточном состоянии. «Тундра темная, и не надо учить» — таковым являлось общее мнение коренного населения и местных советских чиновников. Лечение осуществляли шаманы, порой в уплату за камлание забиравшие у населения последние пожитки. Торговля находилась в руках русских «купцов», завозивших в тундру, например, компот, пряники, шоколад и дорогие ружья, в которых беднота не нуждалась или которые не могла приобрести. В то же время, как говорилось в более позднем отчете партийной комиссии, работа Туруханского районного исполкома (РИКа) сводилась в основном к посылке в «туземные» районы инструкторов, которые исполняли обязанности ми-

лиционеро́в, выполняли поручения от торгующих организаций и подменяли местные советские органы².

Имела место и административно-территориальная неустроенность, осложнявшая жизнь местных жителей. Население, кочующее восточнее районного центра — Хатанги — и, видимо, притесняемое якутами, неоднократно ставило вопрос перед местным РИКом о выходе из состава Якутской АССР и вхождении в Хатанго-Анабарский район Туруханского края Красноярского округа. Состоявшийся в марте 1929 года пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК поручил своему красноярскому органу представить проект новых границ между Красноярским округом и Якутской АССР, а ВЦИК решением от 12 августа того же года включил этот район в состав вышеназванного округа. Однако работа комиссий, прибывших в феврале 1930 года для воплощения в жизнь данного решения в Хатангу и Ессей, из-за отсутствия представителей ЯАССР, отказа ессейских районных властей признать правомочность позиции ВЦИК и начавшегося вновь бандитизма была сорвана.

Еще в декабре 1929 года в якутском поселке Булун после «чистки» парторганизации и советского аппарата произошла «неприятная заварушка с пролитием крови», или переворот. С прибытием 23 января 1930 года из Якутска отряда ОГПУ семьдесят мятежников без боя скрылись в тундре. Для отпора их якобы возможного нападения в Хатанге была создана специальная группа.

По замыслу якутских властей, отряды ОГПУ, преследовавшие бандитов, должны были еще и осуществлять на Севере сплошную коллективизацию. 16 марта 1930 года состоялось совещание представителей местных органов и комсостава оперативно-маневренной группы сводного отряда войск ОГПУ, рассмотревшее списки местных «феодалов» и «кулаков». Задача непосредственного «раскулачивания» в Хатанго-Анабарском районе была возложена на уполномоченного Булунского окружного исполкома и начальника Кель-Блудновской оперативно-маневренной группы войск ОГПУ Н. Н. Кононова.

Действия его отряда от партийно-чеккистских властей Восточной Сибири и округа скрывались. Как правило, группа вооруженных красноармейцев приезжала в стойбище «туземцев», где Кононов объявлял, что «в тундре настал 1917 год», а затем производилась экспроприация имущества у богатых оленеводов. Красноармейцы сводили изъятых оленей в общее стадо, стаскивали в кучу инвентарь, пушнину, посуду, одежду и вещи личного обихода. «Раскулачивание» охватило не только «феодалов», но и тех, кто осмелился выразить недовольство действиями Кононова. Среди «раскулаченных» было восемь «кулаков-лишенцев» и шаман, а также семеро середняков. Большая часть изъятых имущества была отправлена в Якутию, но многое оказалось присвоено красноармейцами.

Запуганное население подписывало уставы колхозов, протоколы собраний об их организации. Созданным колхозам Кононов передал две тысячи оленей, орудия промысла и домашнюю утварь. Закончив «коллективизацию», он письмом от 8 апреля 1930 года сообщил о своей деятельности

² Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 248. Л. 155, 157; Д. 900. Л. 108; Д. 901. Л. 163; Д. 909. Л. 10; Папков С. А. Обыкновенный терроризм. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 143.

хатангским районным властям. Угрожая отправкой оленьего стада в Якутию, начальник отряда продолжил конфискацию и раздачу животных и имущества бедноте.

Следствием его поведения стал ведомственный конфликт между красноярским окружным чекистским отделом и руководством войск ОГПУ ЯАССР. Какое-то время Кононов не подчинялся требованиям работников ОГПУ Красноярского округа и Хатангского РИКа о прекращении деятельности его отряда. Подействовала на Кононова лишь угроза собственного ареста и разоружения красноармейцев³.

Пережив первую волну коллективизации, «туземное» население встречало представителей советской власти настороженно, выпытывая сведения о событиях в Хатанге. В то же время сотрудники ОГПУ для предотвращения антисоветских выступлений предложили «изъять» из района ряд лиц и обеспечить коммунистов в тундре нарезным оружием и связью между собой. 10 августа 1930 года Президиум ВЦИК поручил уполномоченному ОГПУ при Совнарком РСФСР провести расследование этого дела. Правительству ЯАССР было предложено «раскулаченных» людей освободить, а оленей и имущество вернуть в Хатанго-Анабарский район. Виновным в происшедших событиях был объявлен Кононов, которого по статье 110 УК РСФСР за незаконные действия приговорили к пяти годам лишения свободы. Согласно новому районированию, территория Хатанго-Анабарского района в декабре 1930 года была поделена между Якутской АССР и возникшим национальным образованием на Таймыре.

Ситуация накаляется

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 года «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народов Севера» были созданы восемь национальных округов и столько же национальных районов, в том числе в составе Восточно-Сибирского края (ВСК) Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ с административным центром в Дудинке. На его территории проживали 7 650 человек населения, из них 1 414 являлись юраками, 1 214 — долганами, 1 112 — нганасанами, 1 057 — якутами, 497 — тунгусами. Они были оленеводами, охотниками и рыбаками. Образование округа позволило советской власти осуществлять свою политику в более широких масштабах, подстегнуло темпы «социалистического строительства»⁴.

С этого времени в Заполярье стали формироваться структуры советской власти, вырос приток работников заготовительных, торговых, административных и партийных организаций. Они активно распространяли свое влияние на все сферы жизни местного населения.

Однако не все мероприятия новой власти поддерживались коренными жителями. Например, они, сорвав выборы своих представителей в Лапто-

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 767. Л. 3, 6—10, 24—25.

⁴ ГАРФ. Л. 5—5об., 22, 26; Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму. М., 1971. С. 179—180; Трошев Ж. П. Таймырская трагедия // Чекисты Красноярья. Красноярск, 1991. С. 222.

Солянский кочевой совет, заявили: «Мы не хотим советов. Долой советы». Нганасаны же потребовали подчинить национальные советы местным князьям.

При пере выборах на территории Лантакайского совета избиратели не приняли в наказе пункт об осуществлении коллективизации. Направленная прежде всего против «кулаков», она ударила и по маломощным оленеводам, которые, согласно вековым обычаям тундры, ютились вокруг «эксплуататоров» и за счет этого выживали. Лица, недовольные переменами в своей жизни, связывали их с появлением пришлого населения. Поэтому, например, в Хатангском районе они даже запретили жителям разговаривать с русскими.

Вслед за этими событиями начала разгораться борьба против советской власти. Сохранившиеся «кулаки» провели усиленную кампанию против заготовок пушнины. В апреле 1931 года население Таймырского родового совета решило не платить так называемый «культурный» налог и не выполнять заготовку пушнины, а затем ушло в тундру. Отказавшись от участия в работе окружного съезда советов, местный совет выдвинул перед властями требование не трогать «кулаков» и освободить жителей от ряда повинностей. Ставшее известным, такое его поведение вызвало поддержку у населения округа. Оно выражалось в срыве собраний, проводившихся приезжими представителями власти, в отказе населения сотрудничать с экспедицией краевого земельного управления, с закупщиками оленей и в агитации о ненужности советов⁵.

Причины протестного поведения коренных жителей кроются в предыдущих событиях и накапливались еще с «раскулачивания». Осмелевшие представители советской власти для выявления «кулаков» создавали комиссии из своих родственников, которые по их указанию составляли списки «лишенцев». Остальные «туземцы», напуганные и лишённые имущества, насильно записывались в колхозы и ВКП(б). Определяя объемы заготовок без экономического обоснования, власти запугивали лиц, не выполнивших задание, лишением избирательных прав, торговым бойкотом и штрафами. Причем многочисленные, а зачастую и непонятные коренным жителям задания исходили не только от советских органов, но и от всех учреждений, имевших в тундре своих представителей. Полагая, что действия «вооруженных и грубых» пришельцев определены центром, коренные жители терпели это насилие. Но случаи арестов «кулаков» становились все более частыми.

Ситуация обострилась, когда утвержденный 2 марта 1931 года оргкомитет Восточно-Сибирского краевого исполкома, рассмотрев 9 ноября того же года вопрос «О состоянии коллективизации в Таймырском национальном округе», дал установку на искусственное ускорение ее темпов. Составной частью коллективизации являлись поголовное обобществление оленей, мелкого скота и инвентаря, изъятие у «кулаков» «культурного сбора», самообложения, которые по своим размерам превышали экономическую мощь их хозяйств.

⁵ Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму. С. 192—194; Рубителев В. В. Причины восстания в Авамо-Хатангской тундре в 1932 году // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Красноярск, 2019. С. 282—283.

Накануне

В Авамском и Хатангском районах поиск «кулаков» дал незначительные результаты — к 1932 году таковых было обнаружено лишь двадцать человек, а охват населения коллективизацией составлял 8,5 и 2,2 %. В январе того же года прошла I Таймырская окружная партийная конференция в составе сорока семи делегатов, большинство из которых были аппаратчиками. На ней, несмотря на выступление члена Комитета Севера при ВЦИК, заместителя председателя Таймырского окружного исполкома ненца П. С. Болина, предупреждавшего об ошибочности политики «забегания», возобладала точка зрения о решительном наступлении на местное «кулачество»⁶.

С этого времени из Дудинки в стойбища стали наезжать уполномоченные окружного исполкома и заготовители, требовавшие песцов не только для казны. Эти лица, которых, согласно наблюдениям очевидцев, тогда «налетало не меньше комаров», обложили население непонятными сборами, закупили оленей и принимали пушнину без оплаты или расплачиваясь «бумажками» — долговыми расписками. К лицам, не выполнившим «твердое» задание, немедленно применялось штрафование в трехкратном или пятикратном размере. Доходило до анекдотичных случаев, об одном из которых рассказывал официальный документ: «В марте месяце сего года по распоряжению Хатангского РИКа производилась опись имущества у кулака Поротова Евдокима милиционером Космачевым и членом ВКП(б) и Хатангского РИКа Сифоркиным, которые при описи чуть не подрались из-за кулацкой шубы...»⁷

При этом уполномоченные запугивали бедноту и середняков «раскулачиванием», обещая: «Сначала будем кончать кулака, потом за середняка возьмемся». Некоторые из должностных лиц вообще угрожали перебить «таймырский народ» («вот прилетит самолет, сбросит бомбы, и от населения тундры останется только пепел»).

В результате была сорвана кампания заготовок кожевенного сырья и мобилизации средств. «Туземные» советы, перейдя на сторону «кулачества» и отказавшись подчиниться РИКу, высказывали угрозы в адрес уполномоченных. Среди представителей долганского народа, собравшихся в феврале по случаю свадьбы соплеменника, впервые стал обсуждаться вопрос о вооруженном выступлении.

Местные руководители не сразу оценили появляющиеся признаки сопротивления, поскольку до этого терпение и традиционное миролюбие северян не давали поводов для беспокойства, но 14 февраля Таймырский окружком ВКП(б) принял постановление, где говорилось о невозможности уступок протестующим. В Авамский район с группой советских работников выехал председатель Таймырского окружного исполкома, коммунист с 1920 года А. А. Иваненко. Объезжая территорию и организуя собрания граждан, он выслушал массу жалоб, требований освободить население от налогов, не трогать «кулаков» и предупреждений о разоружении и ликвидации уполномо-

⁶ Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму. С.185—186, 199; Трошев Ж. П. Таймырская трагедия. С. 218.

⁷ Открытие Сибири. История взаимоотношений власти и малых коренных народов Севера [Электронный ресурс] / URL: http://www.otherreferats.allbest.ru/moscow/00096501_1.html

ченных. Но, пообещав руководству советов и населению навести порядок и отчитавшись 9 марта 1932 года о своей командировке на бюро окружкома ВКП(б), Иваненко все же, несмотря на телеграмму краевых органов, в которой они требовали прекратить «ликвидацию кулаков», не смог переориентировать деятельность своих работников.

В свою очередь население, не видя перемен в поведении уполномоченных, продолжало акции протеста. На территории Лапто-Солянского и Вадеевского «туземных» советов наблюдалось «брожение» населения, а Зареченского — отказ от самообложения, «культсборов» и «твердых» заданий «кулакам». 28 марта — 1 апреля в административном центре Авамского района — поселке Волочанка — по инициативе «кулака» В. К. Сотникова собрались пятьдесят-шестьдесят человек, пытавшихся получить разъяснение политики, проводимой властями. Они прогнали приехавшего уполномоченного И. Красноярова, заявив властям свое требование о проведении общего съезда населения района с обсуждением причин лишения «кулаков» всех прав.

В ответ окружные органы, назвав этот съезд «кулацким», 29 марта решили командировать секретаря окружного исполкома Кудряшова в сопровождении двенадцати человек, которые должны были произвести замену руководства советов, защищавших «кулаков», а их самих арестовать.

Шестого апреля съехавшиеся в Волочанку делегаты заявили, что население больше не позволит арестовывать «кулаков», и потребовали появления на съезде представителей советской власти. «Велено передать от народа: если к нам не приедут — все отношения прерываем, начинаем изгонять всех русских работников из тундры», — говорилось в этом обращении. Тогда заседавшее 7 апреля бюро Таймырского окружкома ВКП(б) назначило Кудряшова особоуполномоченным по ликвидации этого выступления.

8—10 апреля сформированные «боевые группы» из трех-четырёх человек с целью «изъятия организаторов, ареста кулаков и принуждения их к выполнению всех заданий, данных советской властью», были разосланы по «туземным» советам.

Тундра восстала...

Но было уже поздно: обстановка вышла из-под контроля и попытки советских служащих в начале апреля задержать Сотникова оказались неудачными.

Шестого апреля начались беспорядки на станке Миронов, а 10 апреля возвращавшиеся на Авам трое уполномоченных «туземцами» были разоружены и вывезены в тундру. При этом якут С. Ожигов, оскорбивший долган, был убит.

С этих событий и началось восстание, духовным руководителем которого стал сорокалетний Р. Д. Бархатов.

Своим влиянием восстание поддержали многие шаманы, например, долгане И. М. Бетту, Яким, Халотарга, самоед И. Горнок и «великий шаман» нганасан Дюфаде (или Дюхадэ) Костеркин. 15 апреля восставшие, находившиеся на станке Миронов, обрели своих вожаков. Назначенный в этом качестве, А. Попов тут же расстрелял двоих ранее плененных уполномоченных Денисова и Красноярова.

Функции руководителей выступления были несколько размытыми. Начальником штаба назывался прежде всего А. Н. Попов (Аноська), затем Е. Н. Попов и С. А. Баранкин. В то же время Е. Н. Попов являлся еще и военным руководителем выступления.

Уже на следствии Баранкин показал, что Аноська не столько учился в Ленинградском университете, сколько являлся завсегдаем пивных. В то же время он был человеком, знавшим множество поговорок и сказок. Избранный председателем «туземного» совета и благоговейно называемый сородичами «князем», он стал высокомерным и враждебным к представителям советской власти. Во время восстания он был возбужден и, одетый в голубую кашемировую рубашку, с браунингом, заткнутым за пояс, смотрелся «атаманом», но с приходом правительственного отряда скрылся из стойбища и быстро принял черты простого долгана. Согласно наблюдениям подследственного, другой лидер повстанцев, Е. Н. Попов, в споре был резок и криклив, враждебен и жесток по отношению к пленным. Став авторитетным среди «туземцев», этот повстанец оказался (по сравнению с предшественником) более активным и настойчивым в достижении цели. В перестрелках он шутками и смехом ободрял «орду», но затем также сбежал.

Участие самого Баранкина, русского по национальности, в выступлении коренных жителей объяснялось якобы его «купеческим происхождением», испорченностью отношений с русскими работниками, которые обвиняли его в искривлении национальной политики. Но были, видимо, и другие, более глубокие причины перехода его на сторону «туземцев». Уже находясь в тюрьме, Баранкин, проживший длительное время среди коренного населения Таймыра, в своих записках признавался, что время, проведенное в тундре, было лучшим в его жизни. «С долганами жизнь свою слил», «девчата меня баловали», — написал он стихами в тетради караулившего его и потом уволенного милиционера.

Сначала Баранкин участвовал в событиях в качестве переводчика, но затем присущее ему чувство справедливости привело его в ряды активных повстанцев. Очевидец, освобожденный из плена, потом свидетельствовал, что Баранкин среди восставших выглядел «настоящим князем с правом первого угощения и постели», много и ярко выступал, а при перестрелке «с винчестером в руках поднимал туземцев», командуя ими⁸.

Восставшие начали с того, что в тундре бесследно исчезли председатель Авамского РИКа Лаптуков и четверо уполномоченных. По решению собрания «туземцев» были расстреляны попавшие в плен парторганизатор К. В. Исаков, директор оленеводческого совхоза В. Степанов, председатель Хатангского РИКа якут Т. М. Статейкин и секретарь Я. Н. Краснопеев. Но чаще всего представителей советской власти и активистов не расстреливали, а умерщвляли более привычным способом: надевали на шею *маут* — ременной аркан, привязывали к санкам, волокли по тундре и потом топили в озерах. Убивали не только представителей власти, но и тех, кто находился на ее стороне. Например, «активный бедняк» К. Кудринов был найден по-

⁸ Архив Управления ФСБ Российской Федерации по Красноярскому краю (АУФСБ КК). Д. 021878. Т. 1. Л. 7, 108, 152—153; Т. 2. Л. 4—5, 117; Т. 3. Л. 35, 42, 114, 123; Трошев Ж. П. Таймырская трагедия. С. 228—229.

вешенным у себя в чуме. Повстанцы распустили родовые советы, вместо них избрали «князей» и восстановили древнее название своих административно-территориальных единиц — «орда».

Происходившее не было «кулацким» восстанием, как его квалифицировали официальные власти. Его поддержало большинство коренных жителей тундры. Среди шестидесяти активных участников и пособников повстанцев только 10 являлись «кулаками», 17 были середняками, а 25 — батраками и бедняками⁹.

Первые акции по подавлению восстания. Казнь заложников

Двенадцатого апреля 1932 года сбежавшиеся в Волочанку советские работники сообщили РИКу о начавшемся мятеже. На состоявшемся в тот же день совместном заседании президиума Таймырского окружного исполкома и бюро окружкома партии была создана окружная оперативная тройка, на которую было возложено руководство карательными действиями. 12 или 13 апреля из Дудинки в Авам был отправлен отряд. Одновременно с этими действиями властей повстанческое руководство разослало во все концы округа гонцов с распоряжением «хватать всех русских, вершить суд по совести».

Между тем краевые органы не поддержали такого поворота событий. 15 апреля в Дудинку было направлено распоряжение о прекращении административных мер, запрещении создания оперативной тройки и высылки отряда и о развертывании массовой работы по ликвидации «перегибов». Обескураженное окружное руководство было вынуждено телеграфировать Кудряшову свое решение об отзыве отряда.

Будучи дезориентированными этой телеграммой, представители советской власти численностью в двадцать человек, вооруженные лишь семью винтовками, были обложены повстанцами в Волочанке. 19 апреля они получили подкрепление в лице отряда из Дудинки численностью в тридцать человек. На собрании местных коммунистов и членов отряда было решено выступить в тундру на выручку плененным товарищам.

Прибывшие на станок Миронов с целью объяснить «туземцам» бессмысленность их поведения особо уполномоченный Н. Кудряшов, председатель рабочкома «Норильстроя» Хорев и старший милиционер Дрянных были взяты повстанцами в заложники. Затем, согласно сообщению некоторых авторов, оставшиеся бойцы из отряда Кудряшова подверглись нападению, потеряли убитыми двоих, ранеными одного, но захватили в плен трех повстанцев.

Однако, судя по информации, исходившей от восставших, на рассвете 21 апреля члены отряда, открыв огонь по «туземным» жилищам, получили достойный отпор. Захваченный в бою очевидец потом свидетельствовал, что во время перестрелки отряд, потеряв семь человек убитыми и ранеными, бросив оружие, в панике бежал. Окруженными в районном центре теперь оказались тридцать человек, вооруженных двадцатью пятью винтовками и

⁹ АУФСБ КК. Д. 021878. Т. 3. Л. 35; Открытие Сибири. История взаимоотношений власти и малых коренных народов Севера.

десятью револьверами. Понеся потери, повстанцы взялись за заложников: после шаманского камлания они были жестоко казнены по древнему обычаю — с приданием их телам формы лука¹⁰.

Расширение территории восстания, его кульминация и начало переговорного процесса

Согласно чекистской докладной записке, восстание сначала охватило территорию Авамского района с шестью родовыми советами, 352 «туземными» хозяйствами и населением в 1669 долган, якутов, тунгусов и нганасан обоего пола. Но затем территория восстания расширилась за счет присоединения Хатангского района, состоявшего из шести родовых советов с 368 хозяйствами и населением в 1706 якутов, долган и нганасан. Его население, собравшись в середине апреля по инициативе прибывшего к ним А. Н. Попова, решилось на выступление. Помощь снаряжением и оружием оказал князь Хатангской орды Д. Е. Поротов. Военным руководителем повстанцев был избран К. М. Чарду. 21 апреля они без боя захватили Хатангу.

По призыву шамана М. А. Ямкина повстанцы первым делом перебили советский и общественный актив. Убиты были советские работники Березовский, Игнатов, Николенко, Рогов, Сапожников и учитель Н. И. Замашников. Около ста жителей (в частности — женщины, радист и бухгалтер) в качестве заложников были вывезены в тундру.

Восстание охватило территорию с населением в 5 000 душ, численность же непосредственных членов «банды» выросла до четырехсот человек, вооруженных винтовками, однозарядными ружьями и дробовиками. В целом за время восстания от их рук, по разным данным, погибли от двадцати трех до тридцати шести советских, партийных и хозяйственных работников. Находясь под впечатлением боя, состоявшегося 20—21 апреля, и выступления Бархатова, поднимавшего воинский дух, повстанцы, по наблюдениям очевидца, стали более смелыми и активными¹¹.

Но их руководство, осознавая, что вскоре придется пойти на переговоры с властями и понести неизбежное наказание, решилось на поиски посредничества и защиты во внешнем мире. 24 апреля их руководители от лица всего повстанческого сообщества составили телеграфное обращение «ко всем европейским державам».

В телеграмме, адресованной высшему органу советской власти, повстанцы заявили следующее: «Признавая советскую власть, как власть трудящегося народа, совершенно не стремясь к ее свержению, мы, туземцы Таймырского национального округа, с первых дней организации такового, начали испытывать тяжесть налогов и небывалый нажим местных властей... Реконструкция нашего хозяйства на социалистических рельсах начала производиться темпами центральных частей Союза, без всякого учета специфических условий Севера.

¹⁰ Трошев Ж. П. Таймырская трагедия. С. 219—220, 222—231; Денисов В. Хронология Таймыра. Норильск, 2009. С. 181; АУФСБ КК. Д. 021878. Т. 2. Л. 10, 18; Т. 3. Л. 123.

¹¹ Трошев Ж. П. Таймырская трагедия. С. 232, 238; АУФСБ КК. Д. 021878. Т. 1. Л. 152; Т. 2. Л. 56, 59; Т. 3. Л. 87, 92, 153—154, 226, 230—231; Шлыкова С. А. «Это было на Таймыре». Из воспоминаний Михаила Николаевича Шорохова [Электронный ресурс] / URL: <https://taimyr-museum.ru/shlykova-sa-eto-bylo-na-taumyre-iz-vozpominaniy-mihaila-nikolaevicha-shorohova>

Наложение налогов, платежей, твердых заданий по пушнине, превышающих действительную возможность, неправильное определение классового расслоения, разъезды вооруженных русских, разного рода перегибы национальной политики местных властей среди туземного населения привели к полному негоднованию, охватившему в данный момент районы Авамский, Хатангский, Ессейский, часть Якутии. Чтобы избежать дальнейших обоюдных жертв... заявляем о своих намерениях урегулировать все вопросы мирным путем... От имени восставших просим ВЦИК срочно приостановить произвол местных властей, урегулировать вопросы путем переговоров, так как мы от справедливых повинностей в пользу государства не отказываемся. По поручению от народа: от долган — Петров, от тунгусов — Андиферов, от самоедов — Бодалей. 24 апреля 1932 года»¹².

Следовательно, обращаясь к окружному исполкому, повстанцы в качестве условия для проведения коллективизации выдвинули принцип добровольности, осуществления разъяснительной работы и учета местной специфики.

Подавление восстания

Осознав серьезность создавшегося положения, власти приступили к подавлению восстания и налаживанию отношений с северянами. За ошибочные действия по отношению к коренному населению и утрату контроля за ситуацией секретарь Таймырского окружкома ВКП(б) А. Е. Пермяков и председатель окружного исполкома А. А. Иваненко были наказаны по партийной линии и переведены на другую работу.

Для ликвидации восстания полпред ОГПУ по ВСК И. П. Зирнис 24 апреля 1932 года дал указание начальнику Игаркского отдела ОГПУ М. Н. Шорохову сформировать вооруженные силы и двинуться с ними в Дудинку. 28 апреля отряд Шорохова прибыл в окружной центр Таймыра, где пополнился новыми бойцами, знающими население восставших районов, а также радистом, врачом и двумя проводниками. В количестве пятидесяти двух человек он выехал в Норильск. 1 мая Шорохов и его уже восемьдесят семь бойцов, сменив лошадей на оленей, направились к местам нахождения восставших¹³.

Появление чекистского отряда заставило население держаться ближе друг к другу и провести пристрелку винтовок, захваченных на факториях. Бархатов поддерживал их настроения рассказом, что из Якутии на помощь восставшим идет отряд местных жителей. 5 мая повстанцы объявили амнистию пленным, а 6—8-го — одобрили текст телеграмм во ВЦИК, Таймырский окружной исполком и «Всем, всем, всем».

Последняя телеграмма, инициированная русскими повстанцами, написанная Бархатовым и адресованная в Лигу Наций, заканчивалась так: «Во имя всемогущего Бога, мы, угнетенные племена Таймырского полуострова, с мольбой обращаемся ко всем европейским державам о защите и удержании руки властей от несправедливой расправы. Нам хорошо известна цивили-

¹² Папков С. А. Обыкновенный террор... С. 146; Открытие Сибири. История взаимоотношений власти и малых коренных народов Севера.

¹³ Трошев Ж. П. Таймырская трагедия. С. 216, 218, 233—234; Шлыкова С. А. «Это было на Таймыре».

зованная забота европейских держав о своих племенах. Через громадные пространства мы, туземцы Русского Севера, протягиваем к вам руки с твердым убеждением, надеждой получить помощь в самое ближайшее время. По поручению туземных племен Таймыра, руководитель движения Р. Бархатов. 7 мая 1932 года»¹⁴.

Избранные населением делегаты, в частности Бархатов, должны были доставить текст телеграмм на Диксон, где действовала мощная широкоэвещательная радиостанция, и организовать их передачу в эфир.

К этому времени повстанческая разведка обнаружила приближение чекистского отряда. 9 или 13 мая отряд Шорохова прибыл в поселок Волочанка, где жители, забаррикадившись, ожидали нападения повстанцев. Через несколько дней чекисты задержали повстанца — долгана Аксенова, по прозвищу Булу, прибывшего с разведывательными целями. При нем было обнаружено письмо, написанное повстанческим штабом во ВЦИК и Таймырский окружной исполком. Показав задержанному пулеметы и гранаты и пригрозив их применением против населения, чекисты склонили его к сотрудничеству, а затем инспирировали побег. Прибыв к сородичам, он рассказал о предложении советской власти прекратить сопротивление и имевшемся у нее «страшном оружии».

Через несколько дней разведка отряда обнаружила послание, в котором говорилось: «Начальнику отдела ГПУ. Прекратите нас преследовать вооруженным отрядом. Если хотите учинить над нами расправу, мы все встанем на защиту, будем биться до последнего патрона... Руководитель движения всего народа Бархатов, начальник штаба Попов». Продвигаясь в сторону реки Боганиды, чекистский отряд вышел к стойбищу восставших. Окружив его, Шорохов в ультимативной форме потребовал от повстанцев прекратить восстание и начать переговоры.

Оказавшись без руководства в лице Бархатова, который еще 16 или 17 мая с сопровождением и грузом пушнины для подкупа советских служащих покинул стойбище, повстанцы запаниковали. 20 мая 1932 года состоялось собрание шестидесяти двух представителей долган и самоедов родовых советов Авамского района. Согласно же воспоминаниям самого Шорохова, собралось на него до трехсот разоружившихся повстанцев.

Приехавшие представители советской власти объяснили коренным жителям, что они обмануты своими вождями. Заверив население в том, что Красная армия не тронет их, они просили «закончить войну». Внимавшее им собрание согласилось на предложение мира и постановило сдать оружие, вывезти пленных и трупы в Волочанку, а также сообщило о своем решении в национальные советы. Поэтому когда чекистский отряд, преследуя вторую группировку повстанцев во главе с Поповым, 21 мая вышел к их стойбищу, то они в панике бежали далее на север и затем сложили оружие.

Провалилась и поездка Бархатова к радистам Диксона. Возчики, узнав, что «русские» не убивают сдавшихся, покинули делегатов, несмотря на угрозы Бархатова, а проводник отстал. Воспользовавшись безлюдьем, перешедший на сторону повстанцев и вызвавшийся помочь их руководителю на

¹⁴ Открытие Сибири. История взаимоотношений власти и малых коренных народов Севера.

переговорах бывший счетовод из кооперации М. Я-в, вырвав револьвер из рук Бархатова, несколько раз выстрелил в него. Затем начавший было камлать шаман был добит выстрелом из винтовки. На обратном пути предатель ранил подъехавшего проводника.

После разоружения повстанцев в Авамском районе в Хатанге жители также прекратили борьбу и начали сдавать оружие. 18 июня чекистский отряд закончил поход по тундре и вернулся в Дудинку. Затем в адрес ОГПУ и партийно-советских органов округа поступили решения собраний бывших повстанцев Авамского и Хатангского районов, в которых они сообщали о согласии перейти к трудовой жизни и разрешению всех вопросов мирным путем¹⁵.

Приостановка коллективизации и подготовка репрессий

С открытием навигации на Таймыр прибыла краевая комиссия, принявшая меры по окончательному подавлению восстания и расследовавшая это дело. Оргкомитет, созданный в Хатанге, отправил к остаткам повстанцев своего представителя, который вручил им письмо с призывом прекратить восстание. Повстанцы согласились подчиниться властям, но выдвинули условие, что советские служащие не будут их «прижимать» и оставят оружие охотникам.

В конце июля Таймырский окружком партии дал местным работникам секретные указания: «Изъятие оперирующих в тундре руководителей банды — Баранкина, Попова, Чарду, Дьяконова, Необутова, Лазарева и других — возможно только путем организации общественного мнения против них... Арест производить весьма осторожно, не допуская его в первые дни появления участвующих в банде, стараясь довести до окончательной сдачи всего оружия повстанцами. Запретить нарсуду в Аваме судить лиц за участие в банде или причастных к ней».

Составленная в январе 1933 года докладная записка заместителя начальника Таймырского окружного отделения Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по ВСК Шехнина заключала следующие выводы: «Необходимо всех главарей и активных участников восстания, а также видных шаманов вывезти постепенно из тундры под разными предлогами в зависимости от положения тундры и настроения туземцев. В отношении подозреваемых в пособничестве русских... предложено торговым организациям снять с ответственных работ... а некоторых отправить на магистраль зимним путем, не дожидаясь навигации. <...> Баранкина Степана судить показательным судом в Дудинке нецелесообразно по следующим мотивам: а) на суде необходимо [будет] говорить о перегибах [в деятельности] окружных и районных работников. Это значит подорвать авторитет Окружкому и Окрисполкому; б) настроение туземцев в настоящее время таково, что судить Баранкина и других главарей движения нельзя, так как тут виноваты все туземцы вообще»¹⁶.

Рассмотрев материалы дела, Оргбюро ЦК ВКП(б) в конце августа 1932 года приняло постановление «Об извращении политики партии на

¹⁵ Трошев Ж. П. Таймырская трагедия. С. 234, 236, 239—240, 242; Шлыкова С. А. «Это было на Таймыре»; АУФСБ КК. Д. 021878. Т. 2. Л. 208; Т. 3. Л. 39, 224—226, 230—231.

¹⁶ Папков С. А. Обыкновенный террор... С. 148; Открытие Сибири. История взаимоотношений власти и малых коренных народов Севера.

Крайнем Севере», утвержденное Политбюро 1 сентября того же года. За изъятие оленей у населения без оплаты были наказаны руководители оленеводческого треста, а за форсирование коллективизации — партийная фракция правления «Союзохотцентра». Этим же постановлением было утверждено письмо ЦК ВКП(б) «Об отсутствии руководства, контроля и извращениях политики партии на Крайнем Севере», полученное радиограммой в Дудинке 12 сентября. Наконец, 1 сентября ЦК ВКП(б) принял постановление «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера». Согласно этому документу, обобществление оленеводческих хозяйств на Таймыре было приостановлено.

По свидетельству некоторых авторов, Шорохов во избежание голода среди коренного населения и ради возобновления охотничьего промысла пошел даже на беспрецедентный шаг: он раздал жителям оружие и обеспечил их боеприпасами.

Более справедливые отношения, установившиеся между властью и народностями Таймыра, способствовали оздоровлению политического положения и росту колхозного строительства. В августе 1932 года здесь насчитывалось 163 коммуниста, в том числе 55 представителей коренного населения. Перевыборы советов в 1934—1935 годах состоялись при явке 80 % избирателей. Охват же населения коллективизацией в 1931—1935 годы вырос с 3,8 до 22,1 %.

Однако руководство только что созданного Красноярского края было более реалистичным в оценке ситуации, сложившейся на Крайнем Севере. Выступая на Первой краевой партконференции (июнь 1935 года), секретарь крайкома ВКП(б) П. Д. Акулинушкин сообщил, что уровень коллективизации среди северных народностей чуть ли не в два раза меньше, чем в районах с преимущественно русским населением, а оленеводство только начало выходить из кризиса. Если в 1926 году здесь насчитывалось 106 000 оленей, то в 1933 — лишь 60 000, а в 1935 году — 72 000 голов¹⁷.

Расправа и послесловие

Успокоив население мирными инициативами, власть выявила бывшее ядро повстанчества, а затем приступила к его наказанию. Ответственными за восстание и убийство советских работников следователи определили одиннадцать человек, подвергнутых задержанию в основном лишь весной 1933 года. Все они с сентября того же года были сосредоточены в Иркутском изоляторе. Из них только пятеро расстреливали пленных. Двое свою вину так и не признали. Отверг ее сначала и С. А. Баранкин.

Но затем он согласился с предъявленным обвинением. Осознав ценность жизни, этот человек проявил себя носителем высоких нравственных качеств и, обладая художественным даром, создал несколько многостраничных рукописей, в которых откровенно рассказал о своей жизни. Еще находясь в Дудинском арестном доме, Баранкин пользовался среди надзирателей такой

¹⁷ Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму. С. 201—203; Государственный архив Красноярского края. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 36. Л. 102, 185.

популярностью и сочувствием, что они передавали его письма на волю и даже советовали бежать.

Четвертого апреля 1934 года коллегия при ПП ОГПУ по ВСК приговорила восемь обвиняемых к высшей мере наказания, а еще троих — к десяти годам лишения свободы. Но тут же, пересмотрев свое постановление, она осудила А. С. и С. А. Баранкиных (отца и сына), М. П. Дьяконова, Ф. В. Необутова, А. Н. и Е. Н. Поповых, Д. Е. Поротова, В. К. Сотникова, Н. Н. Спиридонова, К. М. Чарду и М. А. Ямкина к десятилетнему заключению в концлагере¹⁸. В ноябре 1997 года красноярская краевая прокуратура, рассмотрев данное дело, так и не решилась на реабилитацию этих лиц — в связи с причастностью их ко многим случаям насильственной смерти.

Таким образом, полностью игнорируя особенности хозяйственного уклада, быта и психологии коренных жителей, поправ принцип добровольности, коллективизацию на Енисейском Севере начали осуществлять по приказу сверху отряды ОГПУ. Угроза применения оружия по отношению к кочевому населению являлась не только главным средством создания колхозов, но и звучала явственнее, чем в других районах Енисейской Сибири. Причинами повстанчества стали форсирование коллективизации и поведение уполномоченных. Несмотря на предупреждения, власть отказалась от переговорного процесса с населением, сделала ставку на насилие и тем самым спровоцировала смерть многих русских партийцев и активистов.

По мнению некоторых авторов, от других антисоветских и антирусских выступлений северных народов восстание на Таймыре отличалось наличием выдвинутых повстанцами политических требований, свидетельствующих об относительно высоком культурном уровне их вожаков, а также объединением в борьбе за свои интересы представителей нескольких народностей.

Восстание было ликвидировано чекистами «на добровольных началах» и без единого выстрела. Но Таймыр стал единственным регионом на Енисее, население которого путем вооруженного сопротивления внесло существенные коррективы в дальнейшую политику ВКП(б) и советского государства. Только 2 июня 1938 года президиум Таймырского окружного исполкома принял постановление «О передаче колхозам оленей репрессированных кулаков, шаманов, князей» и тем самым дал сигнал к завершению отсроченной коллективизации. Переход к коллективным формам хозяйствования и жизни у северных народов был более длительным и закончился только к 1940-м годам.

Вместе с тем Большой террор не обошел жителей Енисейского Севера. 1 февраля 1936 года был арестован оленевод Д. И. Бархатов, обвиненный в терроризме. Затем состоялись групповые аресты и суды. Только в ноябре и декабре 1937 года осуждению подверглись 169 северян, часть из них была расстреляна, остальные сгинули в лагерях. Тогда же отряд НКВД ликвидировал последнее неподвластное государству таймырское кочевье — «дикую артель» эвенов в районе станка Часовная под Норильском¹⁹.

¹⁸ АУФСБ КК. Д. 021878. Т. 1. Л. 1, 108—109, 152—154; Т. 2. Л. 75, 92; Т. 3. Л. 310.

¹⁹ Стрючкова Л. Таймыр: последнее восстание [Электронный ресурс] / URL: <https://goarctic.ru/live/taymyr-poslednee-vosstanie/>

Михаил ХЛЕБНИКОВ

**«СИБИРСКИЕ ОГНИ»:
«НАСТОЯЩЕЕ», БУДУЩЕЕ
И ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ**

Современный писатель все больше превращается в сумму прочитанных им книг, «осмысление» которых — источник и основа его творчества. Живые литературные дискуссии превращаются в фейсбучные разборки. Самый высокий их накал — осторожное предложение «выйти и поговорить по-мужски». Никто, естественно, не выходит, но «разговор в целом состоялся». Когда-то понятие «литературная жизнь» не нуждалось в кавычках. Писатели «выходили поговорить» по-настоящему, а за некоторыми потом даже и «приходили». Один из таких эпизодов, связанный с историей «Сибирских огней», я предлагаю вспомнить. С перспективой обсуждения, пусть и заочно. Эпизод укладывается всего лишь в четыре года, но наполнен драматизмом и неожиданными поворотами.

Выход в 1922 г. первого номера «Сибирских огней» оказался событием не только литературным, но и политическим. В этом проявилась не только специфика тех дней, но и особая родовая черта русского сознания. Обладание любым орудием печати, начиная с пишущей машинки, делает русского, по крайней мере в его сознании, фигурой мирового масштаба. Поэтому вокруг журнала начинается борьба за право управлять «печатным органом». Один из самых ярких эпизодов относится к концу 20-х годов — времени, когда литературные дискуссии нередко регулировались постановлениями ЦК ВКП(б). Постановления порой выпускали не от хорошей жизни. Литературные группировки в целях усиления позиций обращались к своим покровителям (реальным или мнимым) в высших партийных сферах. И тут все зависело от эстетических предпочтений или соображений политической целесообразности того или иного большевистского лидера. Порой возникали неожиданные сочетания «поверх политических программ». Так, космополитический перманентный революционер Троцкий с симпатией писал о поэзии Есенина, назвав его «прекрасным, настоящим поэтом». Парадокс, но посмертная опала поэта связана в чем-то и с этой оценкой его личности. Одновременно в есениноведении отметился другой партий-

ный деятель — Николай Бухарин. Он в сознании многих остался как «правый уклонист» — защитник крестьянства, автор известного лозунга «Обогащайтесь!». Открываем его брошюру «Злые заметки», выпущенную в 1927 г. Цель публикации заявлена сразу: дать «хорошенький залп по есенинщине». Автор для объективности признает талант поэта. Ему сразу назначается литературный двойник. Им становится Барков. Сопоставление становится основой для вывода: «Есенинщина — это отвратительная напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная». От эстетики Бухарин тут же переходит к политическому моменту: «Идейно Есенин представляет собой самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще».

Помимо личных эстетических пристрастий большую роль в литературной политике играл общекультурный водораздел. Позволю себе небольшое общетеоретическое отступление. Как происходит смена культурных эпох? И по каким признакам мы можем судить о произошедшем переходе? Один из главных маркеров — обнуление предыдущей эпохи. Все, что было значимым и ценным, объявляется устаревшим и даже опасным. Средневековье начинается с отрицания античной культуры — языческой и греховной. Уже средневековый культурный код обнуляется Новым временем. На материале русской культуры это хорошо видно на формировании того, что мы называем ее золотым веком. Если брать литературу, то она состоялась, утвердилась в сознании через отрицание русской литературы XVIII века. Чтобы Пушкин или Лермонтов приобрели статус классиков, нужно было вычеркнуть условного Сумарокова или Хераскова. Причем вычеркнуть буквально — из учебников и хрестоматий, освободив в них место для «новых классиков». Интересно, что в качестве механизма «обнуления» использовались ирония и осмеивание. Практически вся русская литература XVIII столетия символически отразилась в ставшей комической фигуре графа Хвостова — не просто графомана, но сгущенного образа литературы прошлого.

Революция претендовала не только на (если говорить марксистским языком) смену общественной формации. Логично предположить, что появится новая культура — музыка, живопись и, конечно, литература. Но тут возникает большая проблема. Чтобы понять, увидеть ее предметно, обращусь к воспоминаниям Горького о Ленине. Читаем:

«Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том “Войны и мира”.

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечине! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный».

Претендуя на создание «нового общества», справившись, по крайней мере, с разрушением «старого», литературно «вождь всемирной пролетарской революции» сохранил родимые пятна «проклятого прошлого». Из этого органично вытекает неприятие Лениным поэзии Маяковского. Тот же Горький свидетельствует об этом: «К Маяковскому относился недоверчиво и даже раздраженно:

— Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по моему, — не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать».

Следует отдать должное гимназическим преподавателям словесности, которые сумели оказать столь благотворное воздействие на сознание своего ученика, в отличие от преподавателей истории.

Эстетический консерватизм большей части старой партийной гвардии вступал в конфликт со взглядами ультрареволюционного молодого поколения. Спустя почти сто лет внешне нелегко разобраться с пестрым разнообразием различных групп, ассоциаций, писательский объединений того времени: ВАПП, МАПП, РАПП, «Перевал», «Кузница», ЛЕФ, ЛЦК... Но если продолжить аналогию, предложенную выше, то всю сумятицу и неразборчивость писательских позиций можно свести к двум установкам: желание «обнулить» классово реакционную литературу прошлого и желание сохранить связь с русской классикой. Наиболее отчетливо взгляды последних отстаивала группа «Перевал». В нее входили как сохранившие непосредственно личный контакт с дореволюционной Россией авторы (М. Пришвин, Г. Глинка), так и представители нового поколения (И. Катаев, Д. Кедрин, С. Малашкин), чувствовавшие необходимость хотя бы какой-то преемственности. Именно с «Перевалом» идейно была связана редакция «Сибирских огней». Валериан Правдухин, один из создателей журнала, был членом объединения. Переехав в 1923 г. в Москву вместе с женой Лидией Сейфулиной, он продолжал поддерживать тесные связи с сибирскими друзьями и коллегами. Он автор предисловия к повести Зазубрина «Щепка», которую не сумели напечатать даже в относительно свободные двадцатые годы. Слишком жестко и страшно изображен в ней красный террор.

Сторонники полного обнуления, желавшие начать советскую литературу с «белого листа», группировались вокруг МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей), ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей). Отмечу, что последнее объединение, хотя и носило громкое название, проигрывало по аппаратным возможностям столичной ассоциации. В известной мере ВАПП была «пустышкой», позволявшей числить за собой несколько портфелей для солидности. Кроме того, обнуляторам «принадлежали» журналы «Молодая гвардия», «Октябрь», «На посту». Литературную деятельность «пролетарские писатели» понимали прежде всего как борьбу с «самодержавным прошлым» и администрирование. Первая сводилась, по свидетельству Булгакова, к стремлению «рвать на Пушкине в клочья белые штаны». Разрушительная деятельность в известной мере

уравновешивалась их второй функцией. Она сводилась к выяснению чистоты идеологической позиции «внутри рядов». Натренированные выступлениями с отчетами, докладами, обзорами, вожди пролетарской литературы обрушивались с критикой друг на друга. В этом отношении «пролетарские писатели» отзеркаливали разборки между большевистскими вождями.

Пришло время назвать наших персонажей. Илья Вардин (Илларион Виссарионович Мгеладзе) обладал дореволюционным партийным стажем, пришел в литературу со средних партийных должностей. Г. Лелевич (Лабори Гилелевич Калмансон) был потомственным «пролетарским поэтом». Его отец еще в 1907 г. выпустил сборник «Песни босяка». Отца сын печатал в журнале «На посту» под привычно босяцким псевдонимом Перекати-Поле.

Нас же более других интересует фигура Семена Абрамовича Родова. Он родился на юге России в 1893 г. в семье служащего. В 1911 г. уехал в Италию, проучился два года в Неаполитанском университете на политехническом факультете. По возвращении на родину отучился два семестра в Психоневрологическом институте, после чего поступил в Московский политехнический институт. Начинать как поэт. С 1918 по 1924 г. издал восемь сборников поэзии. В стихах классовое начало проявляло себя своеобразно. Вот примеры лирики из сборника «Мой сев»:

Я встал пред нею на колени
Впервые — юноша победный.
Я жаждал радости смиренней —
Печальный мальчик, мальчик бледный.

Другие примеры указывали на то, что «мальчик бледный» был хорошо знаком с поэзией Ахматовой:

Молитвы смутные слова,
Полузабыв, я бормотала,
И четки скользкая рука
Замедленно перебирала.

Уйдя из поэзии, Родов нашел себя в пролетарской литературе. Даже коллеги по пролетарскому искусству отмечали склонность Родова к интригам и скандалам. В. Сутырин писал о нем в 1930 г.: «Потрясающий схематизм мышления, не сравнимое ни с чем доктринерство, колоссальнейшее упрямство, необыкновеннейшая способность все большое сводить к малому и глубокое — к мелкому, нестерпимая ура-классовость». Знакомство с «критикой» Родова подтверждает верность характеристики. Вот его статья «Новые задачи и новые опасности» в номере 3-4 журнала «Октябрь» за 1925 г. В ней молодой критик разбирается с позицией Н. Осинского, который слишком мягок к непролетарской литературе: «Три года тому назад т. Осинский имел вполне определенные литературные взгляды. Он имел мужество высказать их на страницах “Правды”, а мы имели счастье быть осведомленными о них. Тов. Осинский был твердо убежден, что Анна Ахматова — лучший поэт». Как понимаем, четки из «скользких рук» автора выпали навсегда. Родов обрушивается на оппонента за мнение о необходимости попутчиков

в советской литературе. Согласно классификации напостовцев, все писатели делились на три неравноценные категории. Попутчики — писатели, которые пассивно, в чем-то вынужденно принимают советскую власть, присматриваясь к ней. Крестьянские писатели — авторы из правильного социального класса, но испорченные средой. Высший уровень развития советского писателя — пролетарский писатель. Кроме ругани, в статье Родова присутствуют лишь барабанные лозунги и призывы к единству пролетарской литературы: «Первой и простейшей задачей организации является сосредоточение сил пролетлитературы, соби́рание всех пролетарских писателей в одно целое. Когда мы распылены, когда мы действуем в одиночку, каждый за свой страх и риск, тогда мы слабы, и с нами никто не считается. Тогда, действительно, может казаться, что нет пролетарской литературы, а где-то, в числе прочих, существуют только отдельные пролетписатели. Так оно и было три года тому назад. Но как только мы объединились, как только мы собрались в один кулак, должны были признать нашу силу. Это сделала организация, и без нее мы снова распылимся, снова потеряем свое значение. Три года тому назад пролетарских писателей можно было по пальцам пересчитать, а теперь в ВАППе организовано свыше 3000 членов. Конечно, пролетарская литература за это время колоссально выросла, но можно ли это явление объяснить только ростом числа пролетписателей? Нет, нельзя. Мы попросту не знали очень значительной части пролетарских писателей, которые в то время работали и делали свое дело. Некому было знать, так как не было организации. Жившие вне столиц пролетписатели сплошь “пребывали в неизвестности”. Они трудились, боролись, писали, печатались...»

Подтверждая правоту слов критика, пролетарские писатели начали борьбу против самого Родова и его соратников. Одним из зачинщиков бунта был Дмитрий Фурманов — автор легендарного «Чапаева». Фурманов избрал ту же тактику, что и руководство напостовцев. Выступает с докладами, участвует в бесчисленных собраниях. Им написан доклад «О родовщине», название которого раскрывает содержание. Обращаясь к столь нелюбимой оппонентами русской классике, Фурманов сравнивает деятельность напостовцев с «революционной организацией» Петруши Верховенского из «Бесов» Достоевского. Обидное, слишком меткое сравнение. Но, несмотря на весь авторитет — «Чапаев» к тому времени стал сверхпопулярным, — Фурманов проигрывает молодым, но опытным литературным функционерам. Весной 1925 г. его снимают с поста ответственного секретаря МАПП. Должность переходит к Лелевичу.

Активную поддержку Фурманову оказывает Феоктист Березовский — один из основателей «Сибирских огней». В начале 1924 г. он, как и Правдухин с Сейфуллиной, переехал в Москву. Несколько позже он напишет о своем участии в литературной схватке: «Мне пришлось, в буквальном смысле в одиночку, начать борьбу против неправильных и вредных методов руководства пролетарской литературой, которые проводила головка МАПП и ВАПП — Родов, Лелевич, Вардин, Авербах, Либединский и пр. Позднее ко мне присоединился тов. Фурманов».

Кто к кому присоединился — сейчас понять трудно, да особо и незачем. В любом случае изгнание мятежного Фурманова лишь отстрочило развяз-

ку конфликта. В феврале 1926 г. состоялась пятая по счету конференция МАПП. На ней Родова, Лелевича, Вардина обвинили в чрезмерной левизне взглядов, склонности к диктатуре и других грехах, которые совсем недавно считались политическими добродетелями. Триумвират изгнали из руководства МАПП и ВАПП. У политического падения Родова имелся еще один аспект, о котором многие знали, но вслух не проговаривали.

В феврале 1925 г. эмигрантская газета «Дни» опубликовала очерк В. Ходасевича «Господин Родов», в котором поэт рассказывает о своем знакомстве с вождем пролетарской литературы. «Осенью 1917 г. мой добрый знакомый Л. Б. Яффе, с которым мы тогда редактировали антологию современной еврейской поэзии, попросил разрешения привести молодого поэта, еврея, желающего узнать мое мнение о его русских стихах. В назначенный день явился ко мне небритый, немного сутулый человек в студенческой тужурке. Он представился — Семен Родов». Поэтические упражнения «немного сутулого человека» не произвели особого впечатления: «По форме стихи были гладко зализаны, полны дешевых, общеизвестных эффектов, довольно кудрявы и подражательны». Здесь трудно не согласиться с Владиславом Фелициановичем: мальчик бледный с четками не слишком вдохновляет. Из хорошего в новом знакомом Ходасевич отметил «пламенный сионизм» и не менее жгучий антибольшевизм: «Видя мое сочувствие Временному правительству, Родов меня обличал в сочувствии большевикам. Подсмеивался над моей наивностью, как мог я не видеть, что Ленин — отъявленный пломбированный шпион. Словом, большевиков ненавидел Родов мучительно.

Вскоре после переворота он принес на мой суд новую поэму. Не помню ее теперь, помню только, что темой был Октябрь. Ненависть автора к большевикам была кровожадна до отвращения. Заканчивалась поэма в том смысле, что, дескать, вы победили, но мы еще отомстим».

Менее чем через полгода Родов записался в «столбовые пролетарии». Он переписывает свою октябрьскую поэму. Талантливей она не стала по объективным причинам, но приобрела правильное политическое звучание. Реакция на очерк Ходасевича последовала незамедлительно. Родов пишет письмо в ЦК, копию его отправляет в правление ВАПП. В итоге публикует его в журнале «Октябрь» в рубрике «По поводу статьи Ходасевича в “Днях”». В нем он упирал на умышленную провокацию со стороны классово чуждого элемента: «Единственная правда в словах г-на Ходасевича состоит в том, что в свое время я в течение двух лет (1915—1916) состоял членом еврейской студенческой организации “Геховер”, которая не была политической партией, но входила в общесионистскую организацию». Хотя в партию Родов вступил только в 1918 г., но стихийным большевиком был уже с весны 1917 г.: «Стал на точку зрения большевиков и вел усиленную большевистскую агитацию на тогдашних уличных митингах». Понятно, что подобные заявления ничем нельзя было подтвердить. Партия вроде бы поверила Родову, но ничего не забыла. Вскоре и появился повод задвинуть скандалиста в тень.

Кто пришел к власти? Буквально во время конференции умирает Фурманов. Березовский не обладал достаточным весом и поддержкой со стороны

партии. Пролетарскую литературу возглавил Леопольд Леонидович Авербах (Исер-Лейб Меер-Шоломович Авербах). Он, как и многие прежние руководители, не мог похвастаться правильным социальным происхождением. Но последнее было компенсировано неплохими семейными связями. Надеюсь, что смотревшие «Игру престолов» имеют представление о сложных генеалогических древах. Мать нового вождя пролетарской литературы была родной сестрой Я. М. Свердлова, которому Авербах, соответственно, приходился племянником. Младшая сестра Леопольда, Ида, вышла замуж за Генриха Ягоду — одного из руководителей ОГПУ, будущего наркома внутренних дел. Сам Леопольд женился на дочери В. Д. Бонч-Бруевича — одного из ближайших помощников Ленина. При таком раскладе открывались практически неограниченные возможности реализовать свои таланты в новом, социалистическом обществе.

Нужно сказать, что Семен Родов достойно пережил поражение. Оно, конечно, было громким, но не фатальным. Воспринималось это как временное выражение недоверия со стороны партии и старших товарищей. Восстановить его можно, проявив себя на периферии. Самое лучшее — «разоблачение контрреволюции на местах». Точкой приложения пролетарской энергии был выбран Новосибирск. Родова командируют в распоряжение Сибкрайкома. Весной 1926 г. он прибывает на место. Командировка может быть ссылкой, из которой уже не получится вернуться. Родов занимает сразу две должности. Он заведует литературным отделом в «Советской Сибири» и редактирует «Неделю Советской Сибири» — иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете.

Задача перед вольноссылным Родовым стояла непростая: найти проблемы в сибирской литературе. При необходимости их следовало создать. Положение осложнялось тем, что внешне все выглядело неплохо. Более того. В марте в Новосибирске состоялся Первый съезд сибирских писателей. Организационным ядром съезда выступили «Сибирские огни», подтвердив тем самым свое лидирующее положение в сибирской литературе. Работа по подготовке съезда началась осенью предыдущего года. На собрании новосибирских писателей было создано оргбюро, председателем которого выбрали Зазубрина. Всего в съезде участвовали сорок четыре делегата, представлявших различные сибирские города (Омск, Кузнецк, Томск, Ачинск, Иркутск, Щегловск). С программным докладом «Писатель, литература и революция» выступил Владимир Зазубрин. Он обратился к съезду: «Наша советская литература — куски быта, листы записных книжек, более или менее удачные попытки отразить революцию, Россию в революции. Но мощных широких обобщений нет. Адекватного эпохе ничего не создано». Это не проходное замечание. Для напостовцев и других обнуляторов одной из главных задач борьбы с прошлым являлось создание новых литературных форм, которые должны были заменить устаревшие рассказы, повести, романы. Под это подводился нехитрый идеологический базис. Новое, передовое общество должна отображать «литература факта» — новая, передовая форма литературы.

Не отрицая современности, сибирские писатели ориентировались на сохранение связи с отечественной литературой. Съезд завершился созда-

нием Сибирского союза писателей, утверждением его платформы и устава. В состав правления ССП были избраны В. Зазубрин, В. Итин, В. Кронгауз, Г. Пушкарев, К. Урманов, Н. Изонги, Е. Пермитин, представлявшие Новосибирск. Другие сибирские города также имели свой голос в правлении: И. Гольдберг (Иркутск), М. Никитин (Омск), А. Сенч (Барнаул). Председателем правления выбрали Зазубрина. Оба события (съезд, учреждение ССП) можно смело записать в актив редактору «Сибирских огней» и его соратникам по журналу. На фоне постоянной грызни в столичных литературных группах и объединениях сибирские писатели сумели преодолеть, как бы сейчас сказали, логику конфронтации. С одной стороны, признавалась необходимость отражения в литературе «классовой искренности» и «верности в изображении революции». Но с другой стороны — зафиксирована необходимость помощи всякому советскому писателю: «рабочему, крестьянину, интеллигенту». Тем самым создавались условия для относительно свободного существования писателя. То, что успешно было реализовано в «Сибирских огнях», могло быть распространено на весь регион. И это воспринималось как реальность. Доказывает сказанное сухой язык чисел. Через два года количество членов ССП выросло в три раза: до 126 человек. Свое желание состоять в его рядах выразили даже писатели, уехавшие из Сибири (А. Караева, Р. Фраерман).

Родов начинает осторожно. Для «пользы дела» он записывается в ССП. В первых публикациях в «Советской Сибири» он продолжил терзать столичные издания, отрабатывая напостовскую тематику в «Литературных заметках». Под плотным огнем «Красная новь» — оплот попутчиков. Сибирских авторов он упоминает преимущественно в контексте. Говоря о чрезмерном интересе к поэзии Есенина, Родов упоминает статью Правдухина в «Сибирских огнях», которая грешит тем же самым отсутствием марксистского подхода. Со стороны сибирских писателей отношение к Родову достаточно спокойное, столичные разборки остались в прошлом, предполагалось включение критика в новую литературную жизнь. Во втором номере «Сибирских огней» за 1927 г. помещена стенограмма юбилейного заседания, посвященного пятилетию журнала. В выступлении Зазубрина — по сути, обзоре авторов журнала — трезвая оценка их публикаций. Иногда она очень точная и «неюбилейная». Например, по поводу прозы Вивиана Итина отмечается следующее: «Итин — человек очень культурный. Но его культура, его знания владеют им, а не он ими... Итин живет больше отраженным светом, светом искусства, а не действительности». По поводу прозаика Александра Каргаполова: «Он принес в редакцию две повести, такие же растрепанные, как и он сам». А вот выступление Михаила Басова — одного из основателей журнала, главного редактора «Сибирской советской энциклопедии» — по поводу состояния журнальной критики: «У нас, в “Сибирских огнях”, критики почти нет, она занимает крайне небольшой процент. Нет у нас сейчас и критиков. Не совсем сибирским критиком является только Семен Родов. Правда, Сибирь уже оказала на него хорошее влияние: он осибирячился и пишет книгу о сибирской литературе. Я надеюсь, что выражу общее мнение, если скажу, что мы ничего не будем иметь против того, чтобы Семен Родов остался в Сибири подольше, до конца дней своих, и принес нам посильную

пользу». Трудно расценивать данное выступление иначе как приглашение к сотрудничеству. Но думаю, что самого Родова оно вряд ли вдохновило. В любом случае книгу о сибирской литературе читатель так и не получил. Думается, что сибирской словесности это пошло только на пользу.

Родов прекрасно понимал, что без поддержки со стороны он рискует превратиться в городского сумасшедшего с перспективой, действительно, остаться в Сибири «до конца дней своих». Он приступает к поиску и вербовке возможных союзников. И здесь непроизвольно вспоминаешь характеристику Родова, которую ему выдал Фурманов. Совпадение удивительное. Петруша Верховенский прибывает в губернский город, вербует сторонников и последователей «святого дела»... Выбирается следующая стратегия. Во-первых, найти единомышленников из лиц, обладающих какими-то аппаратными возможностями. Во-вторых, открыть и согреть классовым теплом таланты из числа «пролетарских авторов», зажимаемых «реакционной» верушкой сибирских писателей («Сибирские огни», ССП).

Удача в решении первой задачи не заставила себя ждать. Как утверждает диалектика, случайность есть форма необходимости. Такой закономерностью для Родова выступило знакомство с Александром Львовичем Курсом. Он был практически ровесником Родова. Родился Курс в 1892 г. в Гродно, в семье кантониста. Но, в отличие от Родова, политически прозревшего после утверждения большевиков во власти, Курс сделал немало для того, чтобы они к ней пришли. С юности он принимал активное участие в подпольной борьбе. В 1906 г. он попадает в тюрьму, после чего отправляется в ссылку в Нарымский край. С 1911 г. проживает в Англии, работает журналистом. В Россию Курс возвращается уже после революции. Он принимает активное участие в Гражданской войне: северный фронт борьбы с Юденичем, кампании на Украине, где власть менялась часто и непредсказуемо. Судьба сталкивает его с Сергеем Ивановичем Сырцовым. Одногодок Курса, Сырцов успел проявить себя в рассказывании на юге России, хотя и старался избегать крайностей. После окончания Гражданской войны Сырцов назначается секретарем Одесского губкома РКП(б). Начиная с этого времени Курс, будучи профессиональным журналистом, присоединяется к его команде. В начале 1926 г. Сырцов назначается секретарем Сибирского краевого комитета ВКП(б). Вместе с ним в Новосибирск приезжает и Курс. К тому времени он составил себе некоторое имя в кинокритике и киноиндустрии. В кино, подобно обнуляторам, он видел новую форму искусства, свободную от «фальшивого психологизма», создающую «пафос победительных иллюзий». Курс не просто писал киноведческие работы и сценарии. Он возглавил такие профессиональные издания, как журнал «Экран» и газету «Кино». Промежуточным итогом его «киношной» деятельности можно считать книгу «Самое могущественное», которая вышла в 1927 г. Понятно, что по своим взглядам он близок к левому флангу советской культуры. В частности, он был хорошо знаком с Маяковским, который называл его «газетчиком от бога».

Приехав весной 1926 г. в Новосибирск, Курс получает должность инструктора отдела печати Сибкрайкома, затем становится заместителем начальника этого же отдела. В конце года происходит еще одна кадровая ротация — Курс назначается главным редактором «Советской Сибири».

Понятно, что Родов не мог обойти столь значимую фигуру. Курс для него важен еще и возможностью прямого влияния на Сырцова. Дело в том, что новый партийный лидер Сибири придерживался достаточно умеренных взглядов, выступая против чрезмерного давления на крестьянство, отстаивал необходимость продолжения политики НЭПа. Согласно смутной политической классификации того времени, Сырцова относили к «правым уклонистам». В этом отношении идеологические позиции секретаря Сибкрайкома и писателей, группировавшихся вокруг «Сибирских огней», совпадали. Повлиять на Сырцова можно было только лично, воздействуя на его ближайшее окружение для создания негативного представления о сибирской литературе.

Вторым объектом влияния, как я уже говорил, для Родова служили молодые пролетарские писательские кадры. Первые подобные объединения возникли еще в начале 20-х гг. (Томск, Омск, Иркутск). Развитие их тормозилось двумя факторами. Первый, исходный, — недостаточная грамотность. Второй — наличие «Сибирских огней», особое внимание уделявших воспитанию и развитию молодых писателей. Из цитируемого выше выступления Зазубрина понятно, что отношение формировалось из сочетания благожелательности и требовательности. Чуть позже, в 1927 г., он скажет об этом еще раз: «Мы не против молодых поэтов. Ведь в большинстве случаев они увидели свет через “Сибирские огни”. Их мы не думаем заглушивать, но считаем, что смешно, проработавши год в литкружке, устраивать юбилей, раздувать его значение в газете. Хорошо, что молодежь организовалась, что она читает, работает, пишет, учится, но все-таки масштабы должны быть соблюдены». Кто-то проходил огранку и становился публикуемым в серьезных изданиях автором, кто-то застревал, несмотря на правильное социальное происхождение и классовое чутье.

Серьезный удар по чисто пролетарской литературе нанес Сибирский союз писателей. Отдельные группы Ассоциации пролетарской литературы вошли в состав ССП. В частности, иркутское, томское, семипалатинское отделения. В «Советской Сибири» от 21 ноября 1926 г. опубликована информация о деятельности ССП. В ней говорится, что поэты, беллетристы, драматурги, художественные критики принимаются в Союз по двум критериям. Первый: согласие с платформой ССП. Второй: соответствие «художественной квалификационной норме». Всем не прошедшим по второму пункту предлагалось «работать в литгруппе, в кружках молодняка, секциях и т. д. с правом вступления в Союз по мере своего художественного выявления». Понятно, что второй пункт — самый тяжелый. Поэтому неудивительно, что не все молодые пролетарские авторы проходили отбор. Например, из омской группы ВАПП в члены ССП были приняты только Н. Чертова и Е. Минин.

Интересно и символично, что на этой же странице газеты напечатана статья Родова «Писатели и газета». Начинается она с экзистенциального пассажа: «Писатель, по роду своей работы, — кустарь. У нас нет еще условий, которые заставили бы писателя прорвать одиночество, в котором протекает его творчество, а также необходимость для него готовить продукт своей работы на рынок». Уже по приведенному пассажиру ясно, что его автор обрек бы себя на скорую голодную смерть при попытке представить «про-

дукт своей работы на рынок». Писателю угрожает замыкание исключительно в литературной сфере: «Очень часто такое бегство от действительности маскируется требованием досуга, который действительно необходим художнику». Родов не удержался и куснул «Сибирские огни»: «В журналах мы нередко встретим произведения, весьма далекие от нашей современности; там еще ютятся некоторые писатели, от имени которых, очевидно, Мария Шкапская в “Сибирских огнях” заявила:

О современности вам милой
 Мы никогда не говорим».

У молодого таланта в этой ситуации одна дорога — печатать свои произведения на страницах газет: «Писатель должен решительно оставить ту старую в наших условиях неверную мысль, что газета годится только для выучки, что в газету можно сбить произведения похуже». Отдадим должное автору: он честно пишет одинаково плохо и для журнала, и для газет. При всей кривизне словесного исполнения нельзя не отметить определенно-го изящества посылок с последующим заключением. «Сибирские огни» — приют старорежимных эстетов. Молодым авторам туда дорога закрыта. Газета — единственный их путь к читателю.

Для начала Родов сам находит дорогу к тем самым молодым авторам. В начале 1926 г. при редакции газеты «Путь молодежи» (с августа того же года — «Молодая деревня») возник литературный кружок. Его посещали С. Марков, П. Семыхин, Г. Акимов, Г. Езерский. Кружковцы обсуждали тексты друг друга, пытались найти свой язык, темы. Их заметили. Кружковцам открыли страницы «Молодая деревня», «Советская Сибирь» и «Сибирские огни». В начале следующего года статус кружка повысили — он теперь назывался юнсекцией при ССП. От Союза молодым писателям назначили кураторов: А. Оленича-Гнененко и С. Родова. По мнению Родова, кружковцы были благодатным материалом. Усиленная работа с ними привела к тому, что 15 мая 1927 г. юнсекция почти в полном составе объявила себя отделением ВАПП в Новосибирске. Отказался от перехода в пролетарские писатели только лишь Сергей Марков — в будущем известный поэт, исторический романист, исследователь жизни русских путешественников. «Отряд не заметил потери бойца». Секретарем отделения избрали Алексея Панкрушина, из-за спины которого выглядывал всем знакомый «немного сутулый человек».

Появление отделения можно назвать вызовом, брошенным Сибкрайкому, видевшему ССП в качестве единственной писательской организации. Родов делает следующий шаг: он обращается в ВАПП с требованием обратить внимание на ситуацию в Сибири. Идет зажим пролетарской литературы. Становится понятной стратегия Родова — создать «под себя» Сибирскую ассоциацию пролетарских писателей. Письмо Родова передали в ЦК. К проблеме подключились старые друзья-соперники: Л. Авербах и А. Безыменский. На волне скандала они объявили о признании своего новосибирского отделения. Родов в «Неделе Советской Сибири» торжественно объявил о скором создании отделений ВАПП в других сибирских

городах с прицелом на создание в итоге краевой организации пролетарских писателей. С самого начала деятельность новой писательской организации строилась на противопоставлении себя «академическим» «Сибирским огням» и «политически разнородному» ССП.

Желание войны было односторонним. Зазубрин осенью 1927 г. выступил с докладом «Писатель и Октябрь в Сибири», посвященным десятилетию революции. В нем он попытался объяснить специфику развития сибирской литературы: «Мне приходилось говорить, что даже наши рабочие писатели настроены не всегда пролетарски, и чистоты пролетарской идеологии у них иногда и не найти. Это объясняется условиями Сибири». Далее он переходит к деятельности самоназначенных пролетарских литераторов: «Они хотят немедленно организовать здесь ВАПП в сибирском масштабе с тем, чтобы с помощью этой организации воздействовать на ССП». Достаточно прозрачно сказано о конечном выгодоприобретателе — Родове. Зазубрин предлагает отделить личные амбиции от общей задачи — развития литературы: «Мы считаем, что возникновение организации ВАППа в Сибири неизбежно, такая организация будет. Будущее у этой организации, будущее за ней. Но рост ее должен быть ростом органическим, ростом естественным, а не искусственным». На любые попытки наладить отношения следовал отказ:

«Мы пытались разговаривать с ними:

— Товарищи, дайте нам свои вещи...

Ответа не последовало или последовало опять-таки что-то странное:

— Не пишется, знаете ли, как-то в ваш журнал».

Наконец называется ближайший соратник Родова, без помощи которого борьба не смогла бы приобрести такого размаха: «Разве может критик-товарищ замолчать положительное в нашей книге (“Худ. лит. в Сибири”), и разве не сектант, ослепленный фракционной узостью, может говорить о юбилейном вине, опьянении и не видеть работы, проделанной журналом и нашими писателями? Родову вторит его единомышленник — сибирская литература это деревянный велосипед (Голос с места: — Кто это? Вегман: — Курс). Этот товарищ в одном из музеев увидел деревянный велосипед и, упоминая его в своем фельетоне, нашел возможным лягнуть сибирскую литературу».

Ироническому выпадку Курса противопоставляется, по сути, метафора, раскрывающая глубокое идейное несовпадение: «Я говорил лично Курсу, что он на своем американском автомобиле завязнет где-нибудь в тайге в первом же болоте, а мы на деревянной телеге как-нибудь проедем».

Оценить атмосферу, в которой проходило выступление Зазубрина, можно по стенограмме, напечатанной в шестом номере журнала. В ремарках — реплики Родова, перебивавшего, поправлявшего Зазубрина.

Ситуация все больше накалялась. Развязка последовала неожиданно быстро. Буквально через несколько недель после доклада Зазубрина решением Сибкрайкома Родова отстраняют от руководства отделением ВАПП. Делать в Сибири ему было больше нечего. Он возвращается в Москву.

Но поражение Родова не означало того, что журнал и сибирские писатели могли спокойно работать дальше. Как ни странно, положение в чем-то стало хуже. Во-первых, ухудшились отношения журнала с Сырцовым, на позицию которого серьезно влияло мнение Курса. Во-вторых, сам Курс

предпринял мощную атаку, выпустив в январе 1928 г. первый номер журнала «Настоящее», задуманного еще при Родове. Для его издания пришлось даже прибегнуть к экстраординарным мерам. В воспоминаниях Афанасия Коптелова рассказывается о том, что выходявший тогда литературно-художественный ежемесячник «Сибирь» был закрыт для того, чтобы передать освободившиеся полиграфические мощности детищу Курса. Для ускорения процесса издание «Сибири» перешло из Сибкрайиздата в ведение «Советской Сибири».

Первый номер «Настоящего» можно назвать компромиссным. В редколлегии значились Зазубрин и Басов. Среди публикаций — стихотворение С. Маркова, рассказ А. Сорокина. Оформление яркое и броское, в стиле изданий ЛЕФа. Журнал обращается к читателям: «Вам, конечно, нравится этот номер журнала. Подпишитесь на год. Заставьте всех ваших друзей и знакомых подписаться». Программа журнала озвучена не менее напористо: «Мы не хотим выдумывать ничего, кроме способов находить вас и факты вашей жизни. Вас надо сделать хозяевами фактов, чтобы уметь их переделывать. Мы хотим вскрывать факты». Далее следовало еще много «фактов».

Признавая, что еще не все готовы воспринимать только «вскрытые и переделанные» факты, журнал балует читателей такой же программной поэзией. В качестве таковой — стихотворение Давида Бурлюка «Картуз Ленина»:

Он носил так просто
Всероссийской власти груз —
Как носит крестьянин в деревне
Свой честнорабочий картуз.
В науке и жизни громадный,
Он был с беднотой за одно —
Из эксплуатации адной
Красное делал вино!

После такой поэзии, затосковав, действительно можно признать необходимость «литературы факта».

На издание обратили внимание «старшие товарищи» из ЛЕФа. Сергей Третьяков похвалил журнал, предсказуемо скаламбурив: «Провинция создает вещи, до которых центр не дотянулся. Вещи нужные, изобретательные, настоящие». Естественно, была одобрена «установка на факт». В то же время строго указано на определенные недостатки: «К сожалению, у журнала лицо еще двойное. Рядом с очерком встречается рассказ, герои которого выдуманы или обобщены». Словом, есть куда расти и развиваться.

Достаточно быстро авторы «Настоящего» преодолели болезнь роста и сосредоточилось на двух основных темах: фигуре Максима Горького и неправильных сибирских писателях. В 1928 г. Горький отмечал юбилей. На событие откликнулся и журнал, напечатав большую статью А. Алексева со строгим, далеким от праздничного названием «О Максиме Горьком в порядке не юбилейного, а нормального обсуждения». Начиналась она с пересказа как бы реальной беседы.

«В суть этого вопроса нас введет разговор вполне советского мальчика с отцом.

— Папа, а кто теперь самый знаменитый писатель, ну, как раньше Пушкин был или Толстой?

— Самый знаменитый? Пожалуй, Максим Горький.

— Он еще жив?»

Действительно, трудно рассмотреть в таком зачатке традиционную юбилейную статью. Из текста следует, что на наивный, в духе сказок Андерсена, вопрос «советского мальчика» трудно ответить однозначно. Алексеев считает, что пребывание Горького в Италии есть, по сути, обыкновенная эмиграция. Писателю неведома и неинтересна жизнь советского общества, непонятен новый советский человек. Автор статьи пытается по мере сил иронизировать: «Ведь никто не может сказать, что Горький не интересуется современностью. Наоборот, всем известно, что он, сидя в лазурном Сорренто, пытливым взором всматривается в малейшие бугорки и ямки нашей земли, выискивая там светлые ростки нового». Явно, что Алексеев видит юбиляра в такой метафорической «ямке», а его статья — ритуальный «бугорок» сверху. Интересно, что двадцать лет тому назад А. Бернштейн в статье с апологетическим названием «Время и дела Александра Курса» попытался смягчить разоблачительный пафос текста Алексева, назвав его «вполне мирной статьей». Конечно, призывов поступить с Горьким по всей строгости революционной справедливости в ней не прозвучало. Представляется, что именно пребывание писателя в «лазурном Сорренто» спасло его от гораздо более радикального юбилейного поздравления.

Зато с сибирскими писателями можно было не осторожничать. Этот же номер открывается литературной перепиской. К А. Курсу как к редактору «Настоящего» обращается знакомый нам М. Басов: «Просьба указать в журнале, что часть редакции (Басов и Зазубрин) не разделяет взглядов, изложенных в вашей статье, в частности, не согласна с оценкой журнала “Сиб. Огни”, которые, “к счастью, не читаются”, и возражает против указания источника (“С.О.”, № 5) в отношении стихов Ерошина (первая цитата), так как эта именно строфа и была исключена при печатании книжки журнала». На это отвечает другая часть редакции в лице А. Курса и И. Шацкого: «Опубликовывая это письмо, необходимо отметить, что в распоряжении редакции имеется один из многих экземпляров “Сиб. Огней”, в котором цитированные стихи напечатаны полностью. “Настоящее” интересуется не факт запоздалого изъятия одной строфы из идеологически враждебного пролетариату стихотворения И. Ерошина, а факт принятия такого стихотворения редакцией “Сиб. Огней”».

Речь идет о статье Курса «О чем поет канарейка», которой и открывается номер. Тут уже без реверансов и полутонов. А. Бернштейн, говоря о первом номере «Настоящего», отмечает: «Об Иосифе Сталине и его деятельности там не было ничего, кроме нескольких цитат из его речей, набранных мелким шрифтом». Подобное замечание намекает на условный антисталинизм руководства журнала. Но вот «Канарейке», которая, как понимает читатель, посвящена «Сибирским огням», предшествует симпатичный эпи-

граф: «Шахтинское дело»^{*} знаменует собой новое серьезное выступление международного капитала и его агентов в нашей стране против советской власти. Это есть экономическая интервенция в наши внутренние дела. Нечего и говорить, что эти и подобные им выступления как по линии внутренней, так и по линии внешней могут и, пожалуй, будут повторяться. Наша задача — иметь максимальную бдительность и быть начеку». Подпись: «Из речи тов. Сталина 15 апреля». После таких эпитафий метафорические «ямки» и «бугорки» могут легко овестьваться. Автор начинает с писем читателей по поводу его предыдущей статьи «В чужом доме». Один из них призывает расширить зону критики: «Взглянуть в глаза врага — неотложное дело». Курс громит мецдан и обывателей, которых называет «канарейками». Далее переход. «Канарейки» пишут упаднические стихи. А кто является самым упадническим поэтом современности? Ответ есть: «Есенин был — совершенно отчетливо — выразителем чувства мелкой буржуазии — городской обывательщины и деревенского кулачества». От категорий социально-эстетических автор переходит к чистой политике: «Кто они — кандидаты в самоубийцы или кандидаты в фашисты? Есенин вместил оба эти качества». Органичен переход к стихам Ивана Ерошина, которые напечатаны на страницах «мало читаемого, к счастью, журнала “Сибирские огни”». Ерошин пишет также упаднические стихи. Двойную характеристику Есенина мы помним. Следовательно, нужно успеть разоблачить потенциального фашиста Ерошина до его возможного самоубийства.

После публикации статьи Зазубрин и Басов выходят из состава редакции «Настоящего». Для этого появилась и еще одна причина.

Журнального пространства явно было недостаточно для борьбы с «Сибирскими огнями». Курс использует запасную площадку — «Советскую Сибирь». Буквально встык к статье в «Настоящем» он пишет «Кровяную колбасу», которую Бернштейн назвал «острым блестящим фельетоном». Автор начинает без разгона: «Есть такой писатель Зазубрин. Он написал — пять лет тому назад — роман “Два мира”». Роман, по мнению Курса, переполнен сценами насилия. По приведенному в «фельетоне» свидетельству А. Топорова, члены коммуны «Майское утро», прочитавшие «Два мира», испытали шок от описанных сцен казней и убийств. Это почему-то веселит автора «фельетона». Причина — непонятна. Затем следует переход к личности самого Зазубрина. Он упрекается в том, что на страницах «Сибирских огней» печатаются статьи о его творчестве. Наконец, Зазубрин публикует в журнале собственные тексты. При этом он коммунист, что заставляет задуматься. Следующим пунктом обвинения идет замысел писателя написать роман о чекистах, о чем он рассказывает в «Заметках о ремесле». Понятно, что речь идет о «Щепке». Курса не устраивает упоминание о подвалах и расстрелах как части работы ЧК — ОГПУ: «Зазубрин — коммунист, знает, что ЧК — это не только расстрелы, что только в глазах трясущегося от страха и жуткого любопытства обывателя трупы расстрелянных застилают творческую, строительную работу ЧК и ГПУ». По мнению «фельетониста», Зазубрин должен

^{*} Шахтинское дело — инсценированный судебно-политический процесс 1928 г. В рамках процесса пятьдесят три специалиста и руководителя угольной промышленности обвинялись во вредительстве и саботаже.

спросить себя: «Послушай, парень, зачем ты так напирал на расстрелы, зачем ты все размазываешь кровь да кровь? Ведь представление о революции как о кровавой бойне, это же — обывательское представление». Что «острого» и «блестящего» нашел в этом поклонник фельетониста Курса, непонятно.

Искрометный текст Курса опубликован 22 апреля 1928 г. Десятью днями ранее в номере «Советской Сибири» появилась статья А. Оленича-Гнененко «О ложной скромности, о рецензиях в “Сибирских огнях” и о прочем». Имя автора нам знакомо — он совсем недавно вместе с репатриантом Родовым окормлял молодых новосибирских авторов. В отличие от невнятной, разваливающейся «Кровавой колбасы» сочинение Оленича-Гнененко больше походит на фельетон. Для начала он, проявив подозрительную для наставника пролетарских писателей эрудицию, нарекает Зазубрина — Заглобой, а Правдухина — Фальстафом. Напомню, что Заглоба — герой исторических романов Генриха Сенкевича — тип хвастливого польского шляхтича. Между прочим, Курс заимствует эту «находку» для «Кровавой колбасы», отчего текст еще больше теряет связность. Оленич-Гнененко сосредотачивается в первой части статьи на литературе. Он пытается представить «Сибирские огни» как некий междусобойчик — свои хвалят своих: «Фальстаф “милует” и “карает”: “В. Итин пишет интереснее и лучше среднего уровня наших известных беллетристов”». Эстетика-критика не устраивает язык Правдухина: относительно уровня можно писать выше или ниже, а не лучше или хуже. Также автор не понимает: говоря об «известных беллетристах», кого имеет в виду Правдухин? Может, это не признанные советские писатели, а «поставщики тусклого литературного чтива»? Во второй части текста критик переходит к анализу книги Правдухина «Творец, общество, искусство», которая вышла в 1923 г. Оленич-Гнененко находит ее внеклассовой, подчеркивает место, в котором говорится о «растущем культурном единстве всего человечества». Критик сбрасывает маску эстета и барабанит: «Кому же не известно, что в период смертельных схваток двух классов мещанские социалисты и пацифисты всех мастей выполняют — хотят они того или нет — роль сирены буржуазии, призванной сладкими речами о мире всего мира наркотизировать пролетариат. Этой задаче посильно и служит та пошлятина об уже наступившем “золотом веке”, которую преподносит опекаемому им писателю и читателю Правдухин и которую достаточно простодушные люди, очевидно, принимают всерьез — потому что пошлость эта... напечатана». Да, Родов так не смог бы написать в силу патологического косноязычия, но «генеральные линии» совпадают.

Третий удар по журналу нанесен 26 апреля. На этот раз «Советская Сибирь» посвятила журналу и его авторам целую страницу. Общий заголовок вопрошал: «Кому светят “Сибирские огни”?» Интриги особой нет. В подзаголовке все объясняется: «Через “Сибирские огни” свободно просачивается в нашу литературу чуждая нам мелко-буржуазная и открыто-реакционная идеология». Названия материалов и статей также сильны: «Мещанин на съезде», «Морда класса». Для написания текстов Курс подтягивает сборную из авторов «Настоящего» и «Советской Сибири»: Б. Резникова, И. Шацкого, Г. Шибайло. Естественно, и сам вдохновитель отметился. Курсу принадлежит материал «Нежности в номере», посвященный неправиль-

ной поэзии в «Сибирских огнях». Шибайло в «Мещанине на съезде» проходит по описанию советских вождей на XV съезде партии, участником которого был Зазубрин. Речь идет о знакомых нам «Записках о ремесле».

Там, действительно, мы находим колоритные зарисовки: «Сталин всегда спокоен. Ходит по президиуму с трубочкой, улыбается. Остановится, положит руку кому-нибудь на плечо и слегка покачает, точно попробует — крепок ли. Возьмет за талию или за плечи двоих и толкает их друг на друга. Сталин тащит на своей спине тягчайший груз. Он — генсек. Но съезд видит только его спокойное, улыбающееся рябоватое, серое лицо под низким лбом с негнуцимся ершом черных волос». Для двадцать восьмого года — это еще не преступление, но «заставляет задуматься». В то же время Шибайло огибает другую сцену в «Записках о ремесле»: «Заметил, что много пишу о Сталине. Задумался и решил, что Сталин живет всех в президиуме. Он бросает реплики ораторам, он разговаривает с соседями, переходит от одного к другому, перемигивается с кем-то в зале. Он первый при голосовании поднимает руку, потом, спохватившись, хватается делегатский билет. Он живет на съезде каждой частицей своего тела. Нужно было видеть его лицо, сияющее какой-то отеческой нежностью, когда он слушал молодого Ломинадзе». А вот так можно, и только так будет нужно совсем скоро.

Б. Резников иронизирует по поводу материала Николая Феоктистова в «Сибирских огнях». В нем автор, кстати, работавший заместителем заведующего отделом печати Сибкрайкома, рассказывает о своих поисках неизвестных писем Достоевского. Резников с какой-то задушевностью спрашивает: знает ли Феоктистов о том, что Достоевский является классовым врагом?

И. Шацкий анализирует роман А. Югова «Безумные идеи Ферапонта Ивановича», который вышел в первых двух номерах журнала. Обвиняется молодой автор во многих грехах: от болезненного эротизма и натурализма до симпатии к колчаковскому офицеру Яхонтову — одному из главных героев романа. Он, несмотря на безусловную враждебность, «мужественный, храбрый, умница, энергичный, скромный, образованный, красивый».

Я привел далеко не все примеры публикаций, разоблачавших «Сибирские огни», его редактора и авторов. Но уже из того, что озвучено, понятно: речь шла не о литературной дискуссии, пусть даже и предельно жесткой, переходящей на личности. Перед нами оголтелая политическая кампания, цель которой — фактическое и прямое подавление не оппонентов, но врагов. А «фактичность», как вы знаете, особенно ценилась «настоященцами». Комментируя эти публикации А. Курса и его сотоварищей, А. Бернштейн пытается обелить своего героя: «Интересные в целом аргументы Курса несколько не убедили его противников — некоторых сибирских литераторов, писателей невысокого художественного уровня, литературных эпигонов, искавших поддержки у Горького. Это Н. Анов, В. Зазубрин, А. Коптелов, С. Марков, И. Ерошин, М. Басов, которым просто пришлось не по сердцу принципиальный и настырный Курс, ярый враг неноваторской и серой художественной литературы». Тут два вопроса. Кто вынес решение по поводу «невысокого художественного уровня»? Второй вопрос: зачем использовать так много слов, напирая на борьбу с «неноваторской и серой литературой», если речь идет о банальном политическом доносе?

Тучи, сгустившиеся над журналом и Зазубриным, не обещали ничего хорошего. Гром грянул в июне. Тогда, после доклада отдела печати, выходит резолюция Сибкрайкома о журнале «Сибирские огни». В ней говорится о серьезных идеологических ошибках руководства журнала. Всего озвучены четыре обвинения. Среди них главными можно назвать два первых. Приведем их:

«1) Наличие в журнале (особенно в №№ 1 и 2 за 1928 г.) отдельных произведений, отражающих чуждые рабочему классу настроения и влияния, а именно: тенденции сменовеховского национализма (статьи Бурдукова “Сибирь и Монголия”, Романова “Основные моменты русской политики на Д. Востоке”, роман Югова “Безумные затеи Ферапонта Ивановича” и др.), элементы областничества и “провинциальной ограниченности” (В. Зазубрин — “Литературная пушнина” и др.), неправильное изображение советской деревни (как сплошная темнота, одичание) и трактовка взаимоотношений города и деревни, как эксплуатации рабочим классом крестьянства.

2) Отсутствие со стороны основной группы коммунистов — руководителей и литсотрудников журнала — необходимого отпора указанным чуждым нам настроениям и недостаточно критическое отношение к идеологической выдержанности собственных произведений, в результате чего последние нередко дают неправильное, вредное по своим результатам, отражение советской действительности (В. Зазубрин “Заметки о ремесле” и проч.).»

Как видите, в резолюции практически полностью повторяются обвинения, озвученные Курсом и его компаньонами. Среди мер по исправлению ситуации, расположенных в алфавитном порядке, роковым для Зазубрина оказался пункт «ж»: «Поручить секретариату проработать вопрос о составе редакции журнала».

Падение Зазубрина объясняется несколькими причинами. Среди явных и озвученных — деятельность Родова, Курса, «пролетарских писателей», «настоященцев». Среди неявных можно назвать две. После выступлений оппозиции в ноябре 1927 г. репрессиям подвергся ряд политических деятелей. В том числе пострадал Александр Воронский — редактор «Красной нови», идеолог попутчиков. Он был объявлен троцкистом и отправлен в ссылку в Липецк. Зазубрин, не скрывавший своих левопопутнических симпатий, оказался удобным объектом для демонстрации бдительности. Тем более что в третьем пункте резолюции крайкома фигурировала статья «Вопросы художественного творчества» некоего Л. Анисимова, напечатанная в «Сибирских огнях». Под этим псевдонимом и скрывался Воронский.

Вторая причина связана со скандалом, который произошел на памятном XV съезде партии. Там некто Мясков опознал в Зазубрине «полицейского провокатора». Как потом писал в письме к Горькому сам Зазубрин, корни этой истории — в дореволюционном периоде. Тогда молодой Владимир Зубцов (Зазубрин — писательский псевдоним), восхищенный подвигом народовольца Н. Клеточникова, специально поступившего на службу в 3-е отделение, решает также стать революционным разведчиком. С этой целью он добровольно вызывается стать полицейским осведомителем.

Инцидент на съезде не мог не задеть лично Сырцова, которого писатель упомянул в «Заметках о ремесле»: «Близился XV съезд. Я пошел к С. И. Сырцову и заявил ему, что мне надоела литература, что я хочу по-

быть среди настоящих людей. Много я говорил и писал отсеку Сибкрайкома. В конце концов, он согласился, что мне нужно самому себя выбрать на съезд партии. Конечно, без его помощи такие “выборы” не имели бы под собой никакой почвы. Он помог». Желание Сырцова дистанцироваться от такой опасной близости понятно. Говоря современным языком, Зазубрин стал излишне токсичным для партийного руководства края.

Дополнительным ударом для Зазубрина стала реакция на резолюцию со стороны ССП. Большая часть правления Союза и членов ревизионной комиссии выступили с обращением, опубликованным в четвертом номере «Сибирских огней» за 1928 г. В журнале оно шло сразу после напечатанной там же резолюции крайкома. В обращении говорилось: «В настоящее время всякое художественное произведение о современной жизни может быть большим шагом вперед для членов нашего союза, но мы обязаны решительно заявить, что ни одно такое произведение не может стоять вне связи с идеями пролетарской революции. Сознательное и бессознательное замазывание этой связи (натуралистический “объективизм”, голый бытовизм, беспросветная лиричность и т. п.) на деле является вовсе не “объективным, художественно-правдивым подходом”, а проникнуты совершенно ясной и враждебной пролетариату тенденцией. Мы должны указать также, что в то время, как для революционных писателей, участников гражданской войны и партизанского движения, все еще является своего рода долгом писать об этой славной, неповторимой эпохе революции, для молодых писателей, из которых по преимуществу и состоит наш союз, установка резолюции Крайкома на современность является особенно актуальной».

Подписавшие обращение разделяют негодование по поводу публикаций Югова и Зазубрина, пренебрежения «основными темами современной советской действительности (классовая борьба, культурная революция, социалистическое строительство и пр.)». Среди «обращенцев» имена В. Итина, Е. Пермитина, Г. Пушкарева, А. Коптелова. О неприсоединившихся стыдливо упомянуто в сноске к обращению: «Остальные члены правления: В. Зазубрин, И. Гольдберг, К. Урманов, находящиеся в разъезде, вследствие этого не могли сообщить о своем желании присоединиться к “Обращению”». Предательство, другое слово здесь вряд ли уместно, со стороны бывших единомышленников и даже друзей объясняется несколькими мотивами. Часть подписантов искренне верила в то, что партия не ошибается. Другие испугались. Кое-кто испытывал личную неприязнь к Зазубрину, считая, что его «слишком много» в журнале и сибирской литературе как таковой. Иные думали, что совершают тактическое отступление, выводя из-под удара журнал и ССП. Они, как показало время, заблуждались, если так можно сказать, «дальновиднее» других. Уже через два года «Сибирские огни» были отданы местным рапповцам. «Раппская» жизнь журнала растянулась на долгие годы, даже после формального роспуска организации.

«Голова» Зазубрина лишь подстегнула «настоященцев», которые «поймали волну». Они не собирались сворачивать погромные кампании. По обеим целям («Сибирские огни», Горький) бомбометания производились с завидной регулярностью. Вот в десятом номере «Настоящего» за тот же год отклик на приезд в страну Горького: «Когда Максим Горький

приехал в Россию, он очень огорчился. Все у нас хорошо, такая масса достижений, но критикуем друг друга нехорошо и зло. Горький жил в Европе лег восемь, там у людей обхождение вежливое: прежде чем подражаться, прикладывают друг другу компрессы от ушибов.

О своих огорчениях Горький говорил и на собраниях и печатно. Не помню подлинных его выражений (не стоит того, чтобы искать), но смысл был такой: люди вы все хорошие, дела делаете великие, но царапаете друг друга на глазах у самой Европы, так что даже совестно. Разве нельзя без ссор и без брани? Давайте, будем жить в мире и дружбе и издавать журнал «Наши достижения».

Многие даже плакали».

И снова — с поправкой на значимость фигуры Горького — умеренное хамство в форме «товарищеской критики». Бурлящая активность прорывается в «акциях прямого действия». Из воспоминаний Афанасия Коптелова: «Напротив профсоюзного клуба было здание Сибгосоперы, единственного музыкального коллектива на всю Сибирь. И коллектива талантливого, неутомимо пропагандировавшего русскую и мировую оперную классику. “Настоящцы”, переполняя галерку своими малограмотными молодчиками, пытались срывать спектакли, в особенности балетные».

Сражаясь с театральными пережитками, авторы и поклонники журнала используют приемы современного им массового искусства. Второй номер «Настоящего» за 1929 г. целиком посвящен литературе. Вот А. Попова в статье «Нашим противникам» снова рассуждает о необходимости литературы факта: «Ведь во много раз больше заражают волей к борьбе такие две маленькие книжечки, как “Письма К. Либкнехта к жене и детям” и “Письма Р. Люксембург к С. Либкнехт”, чем горы пухлых романов, где люди выдуманы, где почти все основано на половых переживаниях.

Прочтите эти две маленькие книжки, и вы почувствуете прилив новых сил к борьбе, прилив непоколебимой веры в дело рабочего класса, прилив непримиримой ненависти к его врагам».

В следующем материале — выступление Курса на диспуте. Неутомимый борец с серой литературой продолжает терзать «Сибирские огни», возвращаясь к их публикациям годичной давности, ставшим формальным поводом для изгнания Зазубрина. Теперь взгляд Курса упал на повесть Н. Анова «Глухомань»: «В прошлом году были у нас хлебозаготовительные затруднения, — борьба с кулаком, а литература поднесла нам “Глухомань” писателя Анова. Писатель Анов считается, кстати сказать, пролетарским писателем. И в этой “Глухомани” нет никаких упоминаний о классовой борьбе, о расслоении, о борьбе социалистических и капиталистических начал в деревне, а деревня вся целиком изображена сплошной глухоманью. В этой беллетристической деревне в непонятном клубке перепутались: симпатичнейший кулак с симпатичнейшей учительницей, которая глушит водку, как извозчик; чистейшей святости профессор-тихоновец с идиотиком-коммунистом. Жить в этой беллетристической деревне советскому интеллигенту никак невозможно — учительница согласна пойти в любовницы к любому, кто заберет ее из деревни». Курсу явно нравится слово «симпатичнейший», которое он использует с завидной частотой. Автор с его помощью пытается

ся придать тексту иронический оттенок. Но ирония быстро заканчивается, уступая место привычному классовому подходу родовского толка: «Идет стговор Польши и Румынии о нападении на Советскую Россию, а “Сибирские огни” печатают рассказ Арсения Несмелова “Короткий удар”, где говорится об империалистической войне, но говорится так, что царский генерал Корнилов становится симпатичнейшим демократическим генералом, а царские офицеры — людьми с очень сложной, привлекательнейшей психологией; что же касается бунта солдат, то он никак не изображается, хотя, с нашей точки зрения, казалось бы, что самое интересное — изобразить восстание солдат против царского генерала».

Хорошо заметно, что конструкции Курса совпадают с приемами критиков РАПП. Напомню, что в 1928 г. происходит «ребрендинг» ВАПП, поменявшей в названии одну букву, но не изменившей духу «пролетарской литературы». Тот же примитивный классовый подход, плоское социологизаторство. Журнал пытается показать, что настоящая, здоровая литература идет на смену упадничеству и так называемой классике. Курс судит последнюю строго и беспощадно: «Наши методы, а следовательно, и наши формы не могут быть методами и формами Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Мы не можем работать методом эстетного созерцания Тургенева, “объективного” созерцания Толстого, психологистики Чехова и самогрызения Достоевского. Пассивная созерцательность — основное свойство старой литературы. Писатель дворянский, писатель буржуазный — эпохи упадка — не может смотреть на жизнь иначе, как созерцательно, он не может желать ее переделать, потому что это не в интересах его класса». Что идет на смену мшистой созерцательности? У журнала есть будущее: «Письмо в редакцию “Настоящего”»: «...буду высылать бесплатно материалу много. Я инвалид красной армии, 54 года, пролетарий-калека рабкорством занимаюсь с 23 года во всех европейских газетах. Псевдоним Валентиниди без инициалов Нижний-Новгород, местечко Канавино, ул. Долгополова, д. 9 кв. 4. Валентин Дмитриевич Ищенко. Сам грек. Псевдоним Валентиниди — по-гречески сокращенная моя фамилия». Здесь любые комментарии излишни.

В очередной раз «будущее» ущипнуло и Горького, который был пойман на неверном цитировании. Он приписал строчки Надсона Пушкину. Прекрасный повод для карикатуры. Разъяренный Пушкин выговаривает сконфуженному «буревестнику»: «Стыдно, Алексей Максимович, стыдно! Плохо учите рабселькоров! Ругали прекрасного поэта Николая Асева за то, что он никому не известной рыбе-мурэну приписал не ту морду, а сами приписали мне стихи Надсона. Стыдно!»

Горький услышал призыв к покаянию. Тем более что начиная с 1928 г. завязалась оживленная переписка между ним и Зазубриным, которого он знал заочно: по книгам, по рассказам сибирских писателей, перебравшихся в центр страны (Л. Сейфуллина, Вс. Иванов). Он был в курсе событий, связанных с ситуацией вокруг «Сибирских огней» и Зазубрина лично. После снятия Зазубрина именно благодаря ходатайству Горького опальный сибирский писатель получает работу в московском Госиздате. Горький озвучил свою позицию в 1929 г. во вступительной статье к первому тому «Книги тысячи и одной ночи» «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров

культуры». В этом тексте, далеко от анализа восточных сказок, Горький размышляет о путях развития советской культуры. Собственно «Настоящему» и его авторам там отводится один абзац: «У нас в области оценок воспитательного значения художественной литературы не все благополучно. Особенно заметно это в провинции. Вот пример: редактор “Советской Сибири”, краевой газеты, Курс, — бывший анархист, как мне сказали, — организовал гонение на художественную литературу, и один из его сторонников, некто Панкрушин, заявил, что “художественная литература реакционна по своей природе”. Это, конечно, провинциальное истолкование теории покойника “Лефа”. С моей точки зрения, — не цеховой, а с точки зрения человека, который лет пятьдесят наблюдал и до сего дня наблюдает революционно-воспитательное значение литературы, — Панкрушин не только малограмотный парень, а человек, которого я считаю себя вправе назвать бессознательным “вредителем” в области культурной работы. Далее: при газете организована литературная страница. Но некий товарищ Гиндин заявляет литкружку: “Партия и Советская власть не для того дали бумагу, чтобы печатать на ней стихи и рассказы”. Литературная страница ликвидируется».

«Настоящее» откликается мгновенно. В № 5-6-7 напечатана резолюция общего собрания коммунистов — сотрудников краевых собраний: «Мы считаем своим долгом обратить внимание как самого М. Горького, так и всей пролетарской общественности на тот факт, что М. Горький все чаще и чаще становится рупором и прикрытием для всей реакционной части советской литературы, что агенты новой буржуазии в литературе попросту используют его имя и авторитет в борьбе против растущей пролетарской литературы». Редакция «Настоящего» сообщает своим читателям, что «на журнал и на его будущее никак не повлияла правая выходка Горького». В № 8-9 за 1929 г. появляется материал за подписью студийцев новосибирского Пролеткульта. Поборники истинно пролетарского театра — большая вероятность, что именно они и боролись с таким пережитком прошлого, как балет, — дали отпор зарвавшемуся Горькому. Тут уже не было места иронии: «Общее собрание студийцев и сотрудников Новосибирского Пролеткульта, ознакомившись со статьей М. Горького “Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры” и с вызванными ею откликами, в частности, с решением собрания коммунистов — работников краевой прессы, — постановляет целиком и полностью присоединиться к последнему». Замечателен финал письма: «Мы, пролеткультовцы, глубоко возмущенные этим выпадом, расцениваем его, как выступление изворотливого, маскирующегося врага на арене классовой борьбы в области искусства, с враждебной пролетариату, реакционной линией».

Наверху было обращено внимание на «выходки» с поправкой на их квалификацию. «Выходки» были признаны «левыми». 25 декабря 1929 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О выступлениях части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького». В нем говорилось: «Не входя в рассмотрение по существу предмета спора по вопросам литературы и считая, что ряд вопросов, затронутых в этих спорах, найдет свое разрешение в специальной резолюции ЦК по вопросам художественной литературы, ЦК ВКП(б) считает грубо ошибочными и граничащими с хулиганством характеристику выступления М. Горького, как

“выступления изворотливого, маскирующегося врага” (резолюция сибирского Пролеткульта, журнал “Настоящее” № 8-9 за 1929 г.), и обвинения М. Горького в том, что он якобы “все чаще и чаще становится рупором и прикрытием для всей реакционной части советской литературы” (резолюция коммунистов — сотрудников краевой газеты Сибири, журнал “Настоящее” № 5-6-7)...

Третьим пунктом постановления значилось: «отстранить тов. Курса от фактического редактирования журнала “Настоящее” и от обязанностей редактора газеты “Советская Сибирь”, отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б)».

Журнал дотянул до первого номера 1930 г. В нем редакция признала ошибки: «Литературная группа “Настоящее” полностью признает правильность указания Центрального Комитета на ошибки, допущенные в журнале. “Настоящее” примет все меры, чтобы на практической работе исправить свои ошибки, и, развертывая жесткую большевистскую самокритику, будет неустанно бороться в рядах пролетарской литературы за развернутое социалистическое наступление на фронте искусств». Но всем было понятно, что у «Настоящего» нет будущего. Первый номер за 1930 г. оказался и последним в недолгой, но бурной истории журнала. Заигравшиеся «настоященцы» не сориентировались как в политическом моменте, так и в постепенном общем стратегическом повороте. Руководство партии нуждалось в Горьком, в его полном (во всех смыслах) возвращении в страну. Активную роль, кстати, в этом играл знакомый нам Л. Авербах, возглавлявший РАПП — идейно близкую «Настоящему» влиятельную писательскую группу. Я не зря упоминал о его богатом генеалогическом древе. Через линию Свердловых Авербах был связан почти родственными отношениями с писателем. Горький еще в начале века фактически усыновил Зиновия Свердлова — после того как стал его крестным отцом. Поэтому заступаться за журнал было некому.

Помимо «фактора Горького» следует указать на общий отход от политики «обнуления». Самоубийство Маяковского в 1930 г. ставило символическую точку в претензиях «левых» на гегемонию в культуре. Проблема в том, что состоявшийся разгром «Сибирских огней» воспринимался всего лишь как боковая ветвь, запутанная история на фоне больших сдвигов и конфликтов того времени. Для большинства ее участников, как «правых», так и «левых», «пролетарских писателей» и «попутчиков», судьба приготовила общий невеселый финал. В 1937 г. расстреляны «левые» Л. Авербах, Г. Лелевич, С. Сырцов и его соратник А. Курс, а также В. Зазубрин. В следующем году оборвалась жизнь В. Правдухина, М. Басова, В. Итина. В 1941 г. расстрелян И. Вардин. Удивительно, но сумел избежать общей печальной судьбы Семен Родов. Он благополучно дожил до 1968 г. Родов успел откликнуться на «Историю русской советской литературы» написанием своей книги «Не та “История”», которая до сих пор не опубликована.

Я постарался в меру своих сил восстановить один из эпизодов «литературной борьбы», к которой Родов имел прямое отношение, но о которой мог «благополучно» забыть. Долгие годы «Сибирским огням» пришлось выбираться из кризиса, возвращаясь к своим истокам — быть журналом, вокруг и внутри которого всегда шла живая, непростая литературная жизнь.

Анастасия КОБОЗЕВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕРИАЛ: ВЕЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ИЛИ СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА?

Быков Д., Драгунский Д., Лукьяненко С., Служитель Г., Сальников А., Веркин Э. и др. Война и мир в отдельно взятой школе. Роман-буриме. М., Редакция Елены Шубиной, 2021. — 384 с.

Если рассматривать литературу с точки зрения рыночного продукта, то она определенно проигрывает другим видам искусства — например, театр пользуется большим спросом и чаще обсуждается, нежели современные, в особенности русские, произведения. Отсюда и развитие новой теории «яйца и курицы»: что же является первостепенным для продвижения писателей — наличие самой литературы или читательский интерес?

Выход новых книг мы видим практически ежедневно, то есть литература существует, причем совершенно разного качества — от элитарной до массовой, но читателей от этого больше не становится. Не секрет, что основной причиной потери интереса к печатной книге стало развитие цифровых технологий и смена вербального восприятия на визуальное. Согласно социальным научным исследованиям А. Павлова, А. Архиповой, Е. Нехлюдовой, наиболее популярным способом проведения свободного времени (особенно во время пандемии) является просмотр сериалов. Этот вид киноиндустрии включает в себе два самых очевидных и выигрышных аспекта: увлекательность и удобство. Искусствоведы, к примеру И. Кушнарера, также рассматривают предпочтение сериальной продукции как тягу современного человека к чему-то большему: «На фоне сумасшедшего потока информации, членямого на небольшие фрагменты, современный человек тянется к устойчивой рамке, которую задает сериал. С одной стороны, сериалы обеспечивают постоянство, с другой — вариации внутри этой рамки. Сериал дает возможность подольше задержаться в полюбившемся художественном мире».

Факт остается фактом — сериал уверенно вытесняет остальные виды искусства.

С первого взгляда может показаться, что дальше нет смысла говорить о книгах, но ничто не исчезает бесследно. Литература находится на развилке элитарного и массового путей, ни один из них еще не выбран окончательно. Между актуальными и увлекательными сериалами и допотопной — неважно,

о классике или о Людмиле Улицкой идет речь — литературой легла непродоходимая пропасть, и, чтобы ее преодолеть, необходимо найти компромисс.

Поиски ведутся активно: открываются новые платформы для чтения, создаются романы в формате онлайн на «ЛитРесе», сняли несколько сериалов по литературным произведениям, но едва ли от этого выросло количество поклонников Гузели Яхиной или Захара Прилепина.

И вот в ход пошли новые приемы, взятые из хорошо забытого старого!

Журналист Анастасия Скорондаева и психолог Анна Хрусталева (создатели сайта «Хочу читать») решили собрать вместе 24 современных автора для написания коллективного романа. Идея не оригинальная, самым известным примером в советской литературе считается роман-буриме «Большие пожары» — Михаил Кольцов, будучи главным редактором журнала «Огонек», хотел таким образом привлечь к сотрудничеству наиболее известных авторов того времени: Александра Грина, Леонида Леонова, Исаака Бабеля, Алексея Толстого, Вениамина Каверина, Михаила Зощенко...

Современный же проект, роман-буриме «Война и мир в отдельно взятой школе», поставил перед собой другую задачу — привлечение к чтению подростковой и детской аудитории, и, видимо, поэтому создатели главными героями сделали десятиклассников. Старшеклассники — ни в коей мере не детская аудитория, в школьную программу входят мировая, русская и советская литературная классика, поэтому можно предположить, что некоторые читатели, будучи знакомы с ней, станут сравнивать два упомянутых произведения. И с этой точки зрения хочется отметить активное и вполне удачное применение аллюзий в коллективном труде современных литераторов.

Настроение и направление романа задал Денис Драгунский, которому досталась первая глава, — он сразу наделил героев говорящими именами и фамилиями, отсылающими к Толстому (Петя Безнососов, Элен Абрикосова), а действие начал с «вечера» на квартире дочери бизнесмена, где собрался весь «свет» ее класса с разговорами исключительно на модном английском языке. Аллюзия вышла довольно жирной, слегка сатирической, но по своему интересной.

Разумеется, в каждой главе чувствуется свой стиль и голос отдельно-го автора, ведь самостоятельно подстроиться под общий ритм едва ли возможно: например, в коллективных романах группы «Бу Минг»*, чьи книги становились бестселлерами и входили в шорт-листы First Book Award, главы неоднократно переписывались разными участниками группы до полного обезличивания стиля.

«Война и мир в отдельно взятой школе», напротив, акцентирует внимание на авторе каждой главы по принципу раннего романа-буриме «Большие пожары».

* «Не подумайте ничего плохого, чистокровные итальянцы: Роберто Буи (Бу Минг-1), Джованна Каттабрига (Бу Минг-2), Лука Ди Мео (Бу Минг-3), Федерико Гульельми (Бу Минг-4) и Риккардо Педрини (Бу Минг-5). Роман Q в оригинале был написан на итальянском. Тогда почему «Бу Минг»?

Здесь есть элемент литературной игры. На мандаринском диалекте китайского языка сочетание «ву минг»... может означать как «безымянный», так и «пять имен»... в зависимости от того, как произносится первый звук. Псевдоним отражал критическое отношение авторов к «звездному» статусу писателя в современном мире, а также к различным аспектам книгоиздательства, в том числе к проблеме авторских прав. Все тексты коллектива находятся в открытом доступе на официальном сайте и могут быть свободно скачаны при условии их дальнейшего использования в некоммерческих целях и запрете на воспроизведение и распространение» (Наксен А. Движение Q и почему оно связано с Трампом? <https://newconcepts.club/website/articles/3019.html>).

В этом есть как положительные, так и отрицательные моменты: с одной стороны, читателю может приглянуться чье-то повествование и, возможно, он захочет подробнее ознакомиться с другими произведениями этого автора, а с другой стороны — свобода снимает с участников проекта ответственность за продолжение романа.

Так, Григорий Служитель решил разбавить сюжет спорной религиозной темой об увлечении христианством современных школьников, и школа оказалась построенной на месте церкви святого Трофима. Мало того, что в первых двух главах и намек на какую церковь не было, так еще и сама по себе сюжетная линия с церковью не является особенно актуальной, если роман ориентирован на старшеклассников и молодое поколение.

Служитель и в целом по своей стилистике не сумел вписаться в молодежный роман — пытаясь подстроиться под подростковый сленг, он телефон называет «трубой», а мистику ассоциирует с сериалом о Чертанове, а потом у него и вовсе десятиклассник Дядя Федор, увидев фотографию той самой церкви, восклицает: «Фигасе! Это же на месте нашей “двенашки”». Точно, церковь Трофима. Круто. И все по-другому». Притом что Федя вполне обычный мальчик, он вряд ли по фотографии мог узнать храм, а тем более заинтересоваться им. Далее диалог двух одноклассников переполнен смесью междометий и нецензурной лексики, хотя в главах ранее школьники умели культурно выражаться не только на русском, но и на английском. Автор так старался подстроиться под своих предшественников, что вместо прямой речи вообще стал использовать знаки препинания, как правило, характеризующие письменную сетевую, а не устную речь: «— ??»

Столкнувшись с «основанной» Служителем церковью, авторы следующих глав религиозной составляющей всеми силами стали избегать, но на мистику сделали упор.

Среди детских авторов-фантастов и сказочников затесался сам Сергей Лукьяненко, поэтому в романе появились и целительный источник, и бабка-ведунья, и перерождение, и раздвоение личности, правда, как писал Дмитрий Быков в предисловии к переизданию советских «Больших пожаров», «что происходит — не могли понять и сами авторы».

Стоит отметить, что в обеих ситуациях при создании романов-буриме запутывают сюжет именно писатели-фантасты — логика, присущая этому жанру, чаще всего существует исключительно в голове автора, поэтому даже другим фантастам (а уж тем более — авторам-реалистам!) уловить ход их мысли практически нереально.

Решить проблему можно было бы, определив жанр романа заранее и в соответствии с этим подбирая авторов, которым тогда не пришлось бы оправдывать столкновение с мистическими силами психической неадекватностью героев.

Некую толику спокойствия и адекватности попытался привнести Алексей Сальников, сконцентрировав внимание на зашифрованном послании в альбоме с марками, но при этом писатель открыто иронизирует над деталями, использованными предшественниками, тем самым выходя за рамки авторской точки зрения и сбивая читателя с толку: «А на самом деле, при всем моем английском и других побрякушках, мне, как бы я ни хотел, ближе даже вот тот утырок, который тебе сигарету дал, чем любой представитель

оппозиционной элиты. От меня любой представитель любой из элит далек астрономически, я не могу у него сигарету стрелнуть, ведь так?»

Трудно представить, какой образ должен сложиться у читателя, если в одной главе герои и двух слов связать не могут, а в следующей красноречиво заывают на бунт...

История создания «Войны и мира в отдельно взятой школе» еще не известна детально, мы можем лишь догадываться о принципе чередования авторов, но каждая глава в течение нескольких месяцев последовательно выкладывалась в Сеть, значит, у создателей проекта была возможность следить за ходом, а точнее — полетом сюжета в тартарары.

...Сюжетную линию и повествование в целом спасла группа авторов, работавших над финальными главами. На удивление лаконичной вышла глава Евгения Сулеса, более известного как актер, нежели как писатель; он сумел вернуться к аллюзиям на Льва Толстого, преподнеся классику как нечто бессознательное, исторически уложившееся в нашем мышлении: «Андрею казалось, что они бегут на поле боя и он как будто держит в руках древко полкового знамени. Он видел растерянные лица ребят. Ему хотелось что-то крикнуть, подбодрить друзей. И он крикнул: “Ура!” Зачем, почему?.. Бог весть! Просто крикнул первое всплывшее откуда-то из глубин внутреннего человека. Как будто кто-то вложил ему в уста этот крик. Ребята подхватили. Так они и бежали некоторое время к милым сердцу развалинам, крича бессмысленное “ура”». При этом Сулес не теряет связи со временем — в голове его героя играет песня «Сансары», а действие главы начинается с типичной «стрелки» за углом школы.

Но поскольку разобраться с волшебной атрибутикой и психологическими помутнениями героев-школьников было уже невозможно, Дмитрий Быков в эпилоге заимствует прием Михаила Кольцова и объявляет все вышеизложенное... произведением тех самых школьников, написанным для отправки в некий департамент вместе с петицией об отмене сноса школы!

Интересно, что, помимо школьников, в эпилоге появляется преподаватель Соболев, очень похожий на «голос автора», и оценивает получившийся продукт: «В вашей книге есть все приметы современного романа, успешного ровно настолько, чтобы его прочитали и на другой день забыли». Действительно, инцест, психические расстройства, мистика, эротические сцены — ингредиенты не чуждые литературе, но в такой гремучей смеси говорящие больше об эпатажности, нежели о вкусе авторов.

«Война и мир в отдельно взятой школе», мне кажется, не самостоятельный, не целостный роман, а очередной литературный эксперимент, заранее обреченный на неудачу.

Сериальность, воплощенная в форме и процессе создания этого продукта, изначально была почти гарантированной ставкой на выигрыш, но, помимо сюжетной линии, нечто скрепляющее должно присутствовать и между самими авторами.

Идеологи проекта Анастасия Скорондаева и Анна Хрусталева собрали слишком разношерстных писателей, которые, заигравшись и потянув сюжет в разные стороны, разорвали его, после чего завершающим авторам пришлось склеивать все из кусочков — эту поделку и представили на суд читателя.

История коллективного романа — это не только советские «Большие пожары».

В 1931 году члены лондонского Детективного клуба во главе с Агатой Кристи решили создать роман-буриме «Последнее плавание адмирала». В его основе лежали два главных правила: первое — каждая глава должна иметь однозначную концовку, а автор должен быть в состоянии адекватно объяснить свои сюжетные повороты, второе — писатель не имеет права откидывать героев и сюжетные линии, введенные предшественниками. Применение подобных правил при написании «Войны и мира в отдельно взятой школе» лишило бы авторов возможности захламлять сюжет ненужными церквями, подводными источниками и суперсилами.

О некоей форме похожего проекта ранее мечтал в своем предисловии к переизданию «Больших пожаров» Дмитрий Быков: «Завязку, естественно, попросить у Пелевина. Петрушевская наделит всех героев геморроем, колитом и беременными пятнадцатилетними дочерьми с огромными глазами и пересохшими губами... Алексей Иванов перенес бы действие в Пермь и густо разбавил местной лексикой, Захар Прилепин отправил бы героев на баррикады... а Токарева в конце всех их переженила бы к общему удовольствию». Несмотря на явный сарказм, эти авторы все же куда больше подходят на роль лидеров современной литературы...

У коллективного романа, мне кажется, есть два спасительных пути: или «звездный» состав авторов, или писатели одного направления, работающие в тандеме. У последнего варианта есть известные зарубежные примеры, особенно в детской литературе — созданная авторским коллективом под псевдонимом Эрин Хантер серия книг «Коты-воители», о популярности которых говорит размер серии — более двадцати книг. Однако это история скорее о маркетинге, нежели о литературе.

Первый подход более художественен, он подразумевает помощь читателю в знакомстве с современными лицами нашей литературы, но возникает вопрос: каких писателей считать «звездными»?

Сейчас список Дмитрия Быкова можно было бы слегка подкорректировать, включив туда Евгения Водолазкина, Алексея Варламова, Гузель Яхину, Яну Вагнер, которые, независимо от различных мнений, все-таки являются наиболее обсуждаемыми и читаемыми авторами на сегодняшний день.

В любом случае подобные опыты должны проходить только под строгим контролем создателей проекта и с соблюдением разработанного плана в работе самих авторов. Такой подход исключает высокую художественность общего текста, соответственно, цель проекта — не совершенствование жанра коллективного романа, а просто знакомство читателя с отдельными авторами, помещенными для удобства в одинаковые условия и ограниченными единым сюжетом. При этом в отличие от сборников рассказов в романе-буриме сохраняется сюжетная интрига, поэтому сама идея воплощения литературного сериала в жизнь по-прежнему остается перспективной.

Елена ЕЛИНА

**«НА ХОЛСТЕ СОВЕРШАЕТСЯ
ТАИНСТВО»: О ДВУХ КНИГАХ
СВЕТЛАНЫ КЕКОВОЙ**

Кекова С. В. Солдатская трава. Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2020. — 168 с.

Кекова С. В. Любви исцеляющий взгляд. Саратов: Амирит, 2020. — 196 с.

Стихи замечательного русского поэта Светланы Кековой регулярно появляются на страницах литературных журналов, публикуются в столичных издательствах, переводятся на мировые языки. Вышедшие недавно два поэтических сборника были подготовлены в Саратове — городе, где со студенческих лет живет Светлана Васильевна, где складывалась ее научная и ее творческая судьба. Наверное, поэтому обе книги наполнены саратовской топонимикой, по стихам этим идешь, словно по знакомым улицам и переулкам, сворачивая от центра к периферии. Как для Саратова Волга, так для Кековой вода, водная стихия, просторы реки (в книгах много названий волжских островов и отмелей), ручьи, дожди, русалки, морская и речная живность, рыболовные снасти являются чем-то базисным: градообразующим, стихообразующим. Да, в текстах много еще и земли, много воздуха, и вместе с водой эти стихии становятся некими отправными точками: «Печаль возникает из персти земной, а горе — из желтой воды».

Новые книги сохраняют напряженную пульсацию мысли, безбрежные горизонты поэтического мировидения, гармонию слога, которые и отличают Светлану Кекову как поэта первого ряда. Диалектика жизни и смерти, осознание любви как чувства единственного и уникального в своем роде, поиски своего пути — то ли грешником быть, то ли праведником, поиски Бога и надежда на Него — все эти и многие другие мотивы стали приметам поэтики Кековой. И в этой поэтике (что не раз было отмечено) есть место любимым Светланой Васильевной Н. Заболоцкому и А. Тарковскому, точнее, их ритмам, интонациям, образным рядам, но в совершенно новых смысловых, эмоциональных воплощениях.

Стихотворная книга «Любви исцеляющий взгляд» включила в себя ряд картин художницы Натальи Леонтьевой: «Так же, как и стихи, входящие в сборник, создают некое смысловое единство, картины, соседствуя друг с другом, выстраивают особое художественное пространство, вступающее

в диалог с пространством словесным», — пишет Светлана Кекова в предисловии.

Книги 2020 года сохраняют, как сказано, прежние мотивы, но свидетельствуют о некоем новом этапе в творчестве поэта. Уже самое первое стихотворение из «Солдатской травы» вводит читателя в непривычные для автора метафизические территории, центром которых становится Россия.

Мы привыкли к тому, что непростая для наших дней тема — разговор о патриотизме начинает расплываться и в том случае, когда патриотизм обочивается догматом, спущенным сверху очередным косноязычным циркуляром, и в том случае, когда сам предмет обсуждения оказывается в числе табуированных. Между тем разговор этот вполне возможен, но на самом хрупком, глубоко запрятанном, выговариваемом лишь отчасти душевном уровне, и тогда трудная тема звучит как натянутая струна, напрягает нервы, вызывая глубокую ответную реакцию:

Тянет с севера тленом и холодом,
 подо льдом цепенеет река,
 и опять над разрушенным городом
 кучевые плывут облака.

Проплывут над столицею древнею,
 над зубчатой кремлевской стеной,
 над заброшенной русской деревнею,
 над огромной усталой страной.

Равнодушное небо безбрежное,
 этот синий воздушный простор,
 бороздят облака — белоснежные,
 как вершины невидимых гор.

Злого времени ветер пронзительный
 над тобою не властен, пока
 в неземной красоте ослепительной
 над Россией плывут облака,

очертанья меняют, колышутся,
 и, покуда не кончился день,
 как бесшумно, стремительно движется
 по земле их летучая тень!

Стихотворение, как камертон, задает эталонную высоту всем последующим десяти текстам цикла «Путь домой». В этом цикле, посвященном «памяти тети Маши», стремительно меняются поэтические ракурсы, укрупняются детали, возвышаются подробности жизни отдельной семьи до исторически значимых. Виртуозные смены ритмов, оптики (я, мы, отец-солдат, ребенок, птицы, ангел), точек зрения, участников диалогических отношений (то между людьми, то между человеком и Богом) дают ощущение, что все, что бы мы ни встретили в стихах, существует параллельно, одновременно, как одновременны война и мир, жизнь и смерть, спасенная дедом икона и вкус ржаного хлеба:

Никакого зазора нет в пространстве ином
между ангельским хором и провидческим сном.

Между сушей и морем, между ночью и днем,
между будущим горем и слезами о нем...

Кажется, что Светлане Кековой открылось новое зрение, новые возможности видеть и ощущать далекие друг от друга понятия. Появилось умение подняться над происходящим, увидеть мир сразу в нескольких пространствах и временах: «Но вдруг могучий Бах рукой коснется клавиш, / и ты, обняв меня, вдруг целый мир поймешь / и Бога милосердного восславишь».

Те, кто многие годы читают Кекову, наверняка обращали внимание на свойственное ей умение сближать или же сталкивать, противопоставлять бытовое и бытийное. Некоторые стихотворения основаны на приеме разрастания метафоры, когда повседневное на наших глазах перевоплощается в глобальное, общезначимое.

Месит бабушка тесто, какие-то шепчет слова,
и святая вода выливается в белую миску...
<...>

Здесь над белой мукою невидимый Ангел летал,
сердце бедных детей защищая от смерти и мрака,
здесь когда-то мой дед у святого Матфея читал
родословье Христа: «Авраам же роди Исаака...»

Сиюминутное, обыденное то и дело в стихах Кековой перерастает свою сущность, уходя в глубины подтекстов, смещая или совмещая времена, переводя неторопливую интонацию повествования в выходящий из берегов обостренный лиризм.

Это чистая тарелка. Это ложка. Это ложь.
Это страшно. Это мелко. (Слов во тьме не разберешь.)
Тьма закрыла свет, как штора. Ночь на улице шуршит.
Тонкой ниткой разговора воздух в комнате прошит.
Я ребенка пеленаю, тихо плачу и молчу.
Помнишь? Помню. Знаешь? Знаю. И заплатишь? Заплачу.

Почти каждое слово в этих строках относится к нескольким смысловым регистрам: накрытый стол и страдание от неприкрытой лжи, тьма и свет как физические явления и как состояние души, семейный уклад и тяжелый разговор, в котором бытовое постепенно смещается в сторону бытийного. Словно на качелях, читатель мгновенно перемещается от бытовых предметов и действий в мир иных ценностей и других вопрошаний.

И еще об одном качестве поэтического слова Кековой стоит сказать. Филолог, доктор наук, ученый, Светлана Кекова безусловно может считаться автором текстов, принадлежащих филологической поэзии, но освоенной, понятой и предъявленной читателю в новом качестве. Человек книжной

культуры в самом высоком смысле этого понятия, Кекова во многих стихах откликается на имена любимых авторов, их слова или строки. То Ахматова здесь мелькнет, то Тарковский, то Набоков, то Гоголь, то Пушкин, то Мережковский, то Волошин, то Блок, то Мандельштам...

Однако в отличие от многих филологов, выбравших для себя поэтическую стезю, Светлана Васильевна никогда и нигде свою филологичность намеренно не демонстрирует. «Чужое слово» в ее текстах становится их природной сутью, вырастает в строку, принося в стихотворение легкий отголосок известного, будит, но не будоражит читательскую память. Если мы встречаемся здесь с примерами поэтического переосмысления, то никогда не пародийного, а всегда точного и уместного.

Столь же органично поэзия Светланы Кековой впитывает в себя библейские сюжеты, известные всем высказывания из Нового и Ветхого Заветов. Передки в этих случаях примеры «обратного» пути, проделанного устойчивым выражением или библейским персонажем: «и в раю — Мария Магдалина / с ниткою простых янтарных бус». Однако это ни в коем случае не снижение образа, его переход с бытийного уровня к бытовому. Напротив, такие смелые введения библейского персонажа в контекст обыденного позволяют осознать и понять далекое как близкое, неведомое, книжное принять как свое, родное. Вот такое сближение общечеловеческого и частного — еще одна мета нового поэтического этапа в творчестве Кековой:

Раздался гром, ударил в землю посох,
из раны земляной забил родник.
По мостику из полусгнивших досок
меня туда доставит проводник.

Покажет мне струящуюся воду,
похожую на детские стихи,
и скажет мне и моему народу:
«Тебе твои прощаются грехи!»

Стихи новых сборников населены родственниками и знакомыми автора, и все они, с их историями и биографиями, с их нелегкими судьбами и твердыми нравственными принципами, столь же значимы, так же пишут историю государства Российского, как исторические или литературные герои, как величайшие библейские персонажи. Эта глубокая убежденность поэта в равноценности, равновеликости и важности всех, кто стал ее плотью и кровью, кому она наследует и чье мировоззрение ей особенно близко, — одно из важнейших поэтических открытий Светланы Кековой.

Герои русской истории и библейские герои оказываются очень близки и родственны (через автора) тем, кто прошел Великую Отечественную или не вернулся с нее. Поэтическое слово о войне тоже открывает новые грани таланта Кековой. Словно продолжая трагическую стилистику «Я убит подо Ржевом...», она пишет: «Я была солдатом лихой войны...» Эта причастность к давним событиям, память о которых не заживает, превращается в лейтмотив (раздел «По принципу дальнего боя»). Лирическая героиня стихотворения, как Ярославна, готовая полететь «зегзицею по Дунаеви»,

становилась водой, травой, землею — лишь бы помочь раненому. В военных стихах Кековой много личного, воспринятого через семью, отца. Наверное, поэтому в этих произведениях ощущается интонация фольклорного плача:

Я была водой — тем, кто хочет пить.
Я была травой — тем, кто хочет спать.
Кто меня в иголку вставлял, как нить?
Кто меня заставил землею стать?

Собственный взгляд на миссию поэта, какой она представляется автору сегодня, Кекова формулирует в стихотворении «Я люблю смотреть на слоистый лед...», помещенном в обеих книгах. Поэзия становится живой и пульсирующей, когда возникает сродство, слиянность поэта с природой, представляющей во всем своем блеске и очаровании («Я люблю каштана завод свечной, беготню в траве муравьиных слуг...»). Этот яркий и притягательный мир возможен, с точки зрения автора, потому что «печется Бог о своих птенцах». Чтение книг и их создание видится Кековой тоже как некое действие природное, как явление природы.

Я траву читаю, словно простую книжицу.
Костянику рву, ежевику ем,
в огороде сажаю ижицу —
вдруг да вырастет куст,
будто слово с заглавной буквою...
Обернется буква морошкой, брусникой, клюквою...

Отношение к слову как к явлению Божьего мира, как к муравью, птице или ягоде абсолютно в духе поэта. Светлана Кекова открыто говорит о неисчерпаемых ресурсах стихотворца, видящего прямые связи слова и очередного чуда, которое творит природа.

Но я сумею вопреки рассудку
и собственному слову вопреки
из капель крови сделать незабудку
и камешек найти на дне реки.

При этом Кекова знает и другое — труд поэта сложен и не всегда благодарен:

Как ты знаешь, милый, всегда я живу на грани
немоты и звука, суровой зимы и лета,
мне куда как трудно разобраться в словесной ткани
нашей общей жизни; нащупывать швы сюжета...

Однако она уверена, что поэтическое слово будет найдено, и «здесь легко нам поля рифмовать с перелесками / и с холмами зелеными — гребень волны».

Тем не менее «зелеными холмами» автор новых сборников не ограничивается. Наступает момент, и стихи Кековой приобретают отчетливо вы-

раженное гражданственное звучание, когда поэт делится, например, своей непреходящей болью по поводу украинских событий:

В Киеве уже цветут каштаны,
с мостовой дождями смыло кровь.
— Ты мне, друг, для каждой новой раны
по свинцовой пуле приготовь.

Свой путь в поэзии Светлана Кекова видит как преодоление зазора между словом сказанным и несказанным. Для поэта исключительно важными оказываются не только предметные субстанции, для которых привычно словесное обозначение, но и трансцендентальные абстракции, укорененные в молчании:

И ты, дитя мое, звучанье,
моя горчайшая строка,
лишь ты узнаешь, что молчанье
хранится в недрах языка,
что в безъязыком подземелье,
в подвалах брани площадной
любовное тaitся зелье,
доступное тебе одной...

Мотив продуктивного молчания для поэта — один из самых важных. Молчание, по Кековой, это тайник, рождающий целый мир вместе с языком, этот мир объясняющим. Как взаимосвязаны в художественном сознании мысль и слово, столь же неразлучными оказываются связи времен. Поэту удается почувствовать действительность через пересечение прошедшего и настоящего с ненавязчивым обращением к будущему: «Нет уже ни странства, ни времени, / ни страданья, ни языка».

Поэзию Кекова уподобляет манипуляциям с разными видами прошедшего времени:

Ни о чем не спросит и, видимо, не простит...
Имперфект скрежещет, аорист — благовестит,
а поэт из них второпях сколотил строфу,
где тaitся жизнь, словно детский скелет в шкафу.

Что же это было? Стрaдание? Стрaсть? Аффе́кт?
Утекло, ушло, превратилось в плюсквамперфект,
в золотую пыль, в неземную — навеки — синь,
в ледяной санскрит и в литую, как сталь, латынь.

Замолчишь, заплачешь, откроешь на миг окно —
там уже струится влажное волокно,
а в твоей постели, презрев наготу и стыд,
не добившись цели,
прошедшее время спит.

Идя вслед за поэтом, взмывая ввысь — туда, где парит душа, — или разглядывая подробности земного существования, читатель, конечно, обратит внимание на россыпи настоящих поэтических жемчужин, свидетельствующих о тончайшем поэтическом слухе, взыскательном вкусе и богатом образном мышлении Кековой: «На ветке дуба сидит сорока, он прекрасна, как Анна Керн», «А небесное наше отечество / говорит безутешной земле: / “Осторожно — плывет человечество, / на огромном плывет корабле!”», «Караваны брели из Каира, Багдада, Магриба...»

Поэтический мир Светланы Кековой неисчерпаем и безграничен. Будут рождаться новые стихи, складываться новые книги. И всякий раз мы будем видеть, как:

На холсте совершается таинство,
мертвый стебель рождается вновь,
потому что художник пытается
даже в смерти увидеть любовь.

Валерий КОПНИНОВ

ВПЕРЕД, К КЛАССИКЕ!

У каждого художника есть мечта
написать свои «Грачи прилетели».

Александр Дейнека

Художник и его картина — сообщающиеся сосуды. Это аксиома.

Темперамент, чувственность, интеллект, философия — все личностное, все мировоззренческое, что в процессе работы удалось художнику привнести в картину, зашифровано там особым энергетическим кодом. И нет нужды доказывать, что именно энергетика есть главная составляющая восприятия картины, а техника, умение найти верную композицию, цвет, линию — даны энергетике в помощь.

Энергетика и есть тот самый «негасимый свет», что заставляет нас часами простаивать у полотна, испытывая живые эмоции («и жизнь, и слезы, и любовь»), а затем долгое время носить в сердце тонкое послевкусие этих эмоций.

Картины похожи на своих авторов — это тоже аксиома. Равно как и то, что художники похожи на свои картины. Скажу больше — если художник искренен, открыт в творчестве, то по его полотнам порой можно узнать о художнике больше, чем при личном общении. Картина позволяет заглянуть в самую суть ее автора, понять, насколько он глубок и как человек, и как мастер.

Такова Наталья Акимова — художник открытый и искренний, познаваемый через свои картины, признанный мастер портрета, натюрморта и пейзажа (особое место в ее творчестве — пленэрный пейзаж).

Портрет ее работы — подробный, обязательно дружеский или как минимум уважительный рассказ о человеке, а пейзажи наполнены такой естественной и спокойной красотой, что понимаешь вдруг — красота природы и красота женщины имеют одни истоки. И осознаешь: предназначение красоты природы и предназначение красоты женщины — схожи.

* * *

Родилась Наталья Акимова в Барнауле. Рисовать начала довольно рано, и первым источником вдохновения для маленькой Наташи послужили не картины великих мастеров (они в ее жизни появятся позже), а купленный

мамой телевизор (в начале семидесятых годов агрегат, еще способный удивлять и не каждой семье доступный). И первые шаги в живописи Наталья сделала как «баталист» — рисовала «войнушку» на тему увиденных по телевизору фильмов. Все это осталось в памяти: листочки в клеточку, цветные карандаши, русские, немцы, стреляют...

А потом, как пишут в романах, счастливый случай привел Наташу в детскую художественную школу. Хотя в отношении Натальи Акимовой это был все-таки не просто случай, это была судьба. И то, что она попала в класс известного на весь Алтайский край педагога, энтузиаста, беззаветно любившего детей, всю жизнь посвятившего творчеству и преподаванию, Ивана Ивановича Самозванцева — тоже судьба.

«Иван Иванович Самозванцев, — вспоминала Наталья Акимова, — просто заразил нас творчеством, усидчивостью. Хотя я и так была усидчивая, старательная девочка... Иван Иванович нам все это преподносил в игровой форме — все равно же мы дети, двенадцать, тринадцать лет. Он нам ставил на пластинке какую-нибудь сказку, мы слушали, он анализировал, как и что, какие моменты мы можем изобразить, и мы потом рисовали. Так же он нам ставил просто музыкальные произведения... Он, сочетая разное искусство, развивал в нас фантазию и воображение, закладывал интерес к миру живописи. Это важно для становления — кто твой педагог. Когда я уже сама начала преподавать (Наталья Акимова в течение двенадцати лет проработала в Институте архитектуры и дизайна АлтГТУ, а затем преподавала рисунок и живопись на кафедре дизайна и архитектуры Алтайского государственного института культуры. — В. К.), поняла: видно сразу, учился человек у специалиста или так, шалая-валяй, особо не вникая. Приходилось переучивать грамоте — элементарно карандаш не умели держать правильно, пропорции выстраивать, анализ формы в рисунке отсутствовал... От педагога очень многое зависит — что он заложил в ученика».

От педагога, безусловно, зависит многое. Недаром, когда Наталья училась в художественной школе, она бежала туда как на крыльях, для нее «художка» была первым делом среди прочих дел.

«Еще в “художке”, — рассказывала Наталья, — я поняла, что живопись — это мое, что именно этим я хочу заниматься. Иван Иванович рассказывал о разных художниках, он приносил большие альбомы с картинами выдающихся мастеров. Листал, показывал и рассказывал. Все анализировал. И о женщинах-художниках... И я подумала, что тоже хочу стать художником — они же, эти женщины, смогли».

В дальнейшем, всем сердцем ощутив призвание, Наталья уже осознанно училась выбранной профессии — сначала в Новоалтайском художественном училище на курсе Ильбека Сунагатовича Хайрулинова, а затем в Красноярском художественном институте им. В. И. Сурикова под руководством Анатолия Марковича Знака.

И так сложилось (видимо, опять судьба!), что Наталья Акимова выросла в художника, приверженного классической живописи в трех ее ипостасях — пейзаже, портрете, натюрморте. Это логичный путь развития для усидчивой, трудолюбивой девочки, и дело не только в том, что еще в «художке» в характере Акимовой проявилась способность к самоорганизации

и самодисциплине. Самое важное, что в таких вот «усидчивых и трудолюбивых» напрочь отсутствуют гонор и тщеславие, свойственные живописцам.

Иначе как воспринять величие окружающего мира? Только через признание себя малой его частью!

Иначе как перелить реалистическое пространство в пространство художественное? Объективно существующее в субъективно созданное? Только признав реалистическое пространство субъектом и вступив с ним на этих основаниях в диалог.

«Природа сама содержит внутренние сюжеты, — убеждена Наталья, — такие, что диву даешься. Художники, которые приезжают сюда из Москвы, Санкт-Петербурга, — они не знают, как писать Алтай. У нас тут такие просторы гигантские! А им надо — домик, березка, речка бежит, все уютно... А здесь такие масштабы! Один из приезжих художников сказал: “У вас тут пейзажей нет. Тут сплошные панорамы!”»

Вот, к примеру, одна из картин Натальи Акимовой — «Дом матери В. М. Шукшина», написанная на пленэре в Сростках в 2018 году. Казалось бы, зачем художнику так издали подходить к образу нашего великого земляка, известного писателя и кинематографиста Василия Макаровича Шукшина? Не проще ли взяться за портрет самого Шукшина? Наверное, проще. Но Наталья Акимова, изобразив небольшой беленый домик с голубыми наличниками, крепко стоящий на земле (хотя так и подмывает написать «земля» с большой буквы, подразумевая планету), смогла передать все величие нашей памяти о Василии Макаровиче. Памяти о нем не как о монументе или биографической статье в энциклопедии, а как о человеке — сыне своей матери, сыне родной земли...

А вот про алтайского писателя Анатолия Кирилина Наталья рассказала именно с помощью портрета.

«Как обычно возникает желание написать чей-нибудь портрет? — открывает дверь в свою творческую кухню Наталья Акимова. — Общаешься с человеком: что-то зацепило интересное, почувствовался характер, и захотелось нарисовать... Вот, к примеру, с Анатолием Владимировичем Кирилиным мы один раз ездили в Чарышское — приезжал Иван Федорович Жданов, а у меня есть машина, и меня попросили свозить поэта и его друзей на родину к Жданову. И такой вот компанией: Жданов, Кирилин, Лариса Вигандт и я — мы поехали. В дороге общались, разговаривали — я познакомилась с Кирилиным уже по пути. Так и возникла идея написать портрет Анатолия Владимировича... Я смотрю на человека и сразу вижу, как бы я его нарисовала, — образ складывается быстро. Меня еще в училище хвалили, что я характер сразу схватываю».

Портрет написан в 2020 году специально к выставке, посвященной Барнаулу. Писатель изображен за рабочим столом, но и в этой скупой деловой обстановке угадывается сложный мир, даже не мир, а миры — внутренний, писателя и человека Анатолия Кирилина, и внешний — мир, познаваемый писателем в своих трудах. И в этом подтексте нет художнического позерства или пафосной образности, что тоже важно для характеристики Кирилина в заявленном соотношении миров — художественного и реального.

Такая смысловая и психологическая глубина читается практически во всех картинах Натальи Акимовой. Безусловно, это признак мастерства, да только ли в мастерстве дело?

«Я придаю огромное значение технике — основе мастерства, без которого лучшие пожелания художника сводятся к дилетантству. Но мастерство целиком вытекает из духовной сущности...» — говорил один из любимых художников Натальи Акимовой Александр Дейнека.

Мастерство — не цель, мастерство — средство. Мастерство есть у многих, но главное — не техника, главное — понимание, образ, который создает художник (неважно, пейзаж это или портрет), умение прочувствовать природу или человека, их глубину, состояние... И тут без мировоззрения и культуры художнику никуда! Если художник развивается сам, то и творчество его будет развиваться! Именно так и происходит с творчеством Натальи Акимовой — поступательно и последовательно оно движется вперед, к классике!

И в этом движении — все тот же осознанный выбор (правда, в этом случае кто кого выбрал: Наталья классику или классика Наталью — вопрос пока открытый): «У меня классический подход к живописи. Это заложили и воспитали во мне педагоги. И потом, раз у меня это получается, раз мне нравится — я уже сама дальше развиваюсь и стараюсь в этом ключе и работать. В поисках других жанров у меня были разные пробы: графика, абстракция, но все-таки в большей степени я привержена реализму».

Классическая живопись сродни литературе — в пейзажах (равно как и в самой природе) угадывается величавое тургеневское «утро туманное, утро седое», случается, что пушкинская «буря мглою небо кроет», наводя грусть-тоску, или есенинский «месяц рожу полощет в луже»...

Художник, способный различать сиюминутность жизни, переводит ее в разряд вечности.

Оттого-то классическая живопись — это не есть понятие несовременное и неактуальное, если сиюминутность жизни художественными средствами переводить в разряд вечности.

Классическая живопись — это когда полотно дышит естественной красотой природы и человеческого духа. И умение видеть эту сложную и порой неоднозначную красоту, а равно чувствовать и любить ее — передается генетически от поколения к поколению.

Художник Наталья Акимова занимает достойное место в этой цепочке, воедино связывающей прошлое, настоящее и будущее.

P. S.

Наталья Геннадьевна Акимова безвременно ушла из жизни 28 июня 2021 года, 55 лет от роду.

Художница скорострительно скончалась в Республике Алтай на отдыхе в районе ледников Актру. Была в горах. Не выдержало сердце. Сердце, что всегда помогало Наталье Акимовой тонко чувствовать и красоту природы, и красоту человеческой души. И свет этой красоты продолжает жить в ее картинах.

Светлая память Наталье Геннадьевне...

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2021 ГОД

ПРОЗА

- Алексеев Игорь.** Бремя управленца. Рассказы. — 7.
Амангулов Анвар. Выигрыш. Повесть. — 3.
Андреева Татьяна. Маршруты нашего детства. Повесть. — 5.
Антонов Сергей. Дурак и дурочка. Рассказ. — 7.
Аржаникова Марина. Рыбий клей. Рассказ. — 1.
Бекуров Руслан. Небесные батуты. Рассказ. — 12.
Бердичевский Валентин. Маска. Рассказ. — 8.
Богданова Вера. Дорога за яблоками. Рассказы. — 8.
Бороздин Сергей. Дочь тайги. Рассказ. — 12.
Вегнер Александр. Экстрасенс. Повесть. — 5.
Волчков Константин. Ужин. Рассказ. — 3.
Горак Валентина. Северное сияние. Повесть. — 4.
Горепёкин Роман. Кошка с пулей в голове. Рассказ. — 6.
Гундарин Михаил. #ПесницоЯ. Повесть. — 10.
Драган Наталья. Опасные стремления. Рассказы. — 3.
Дроботова Ольга. Не жмись! Рассказ. — 6.
Закиров Рашит. Василька. Рассказ. — 10.
Зарубин Дмитрий. Старший прапорщик Аврора. Рассказ. — 5.
Зябрев Анатолий. Ворон на снегу. Роман. — 7, 8, 9.
Калинкина Галина. Квантовый день. Повесть. — 11.
Кононов Дмитрий. Где-то сказки были. Рассказ. — 1.
Копнинов Валерий. Ария московского гостя. Рассказы. — 9.
Королев Андрей. Ночной футбол. Рассказ. — 6.
Косарев Михаил. Двоюродная жена, или Восемь понедельников Виктора Верижникова. Киноповесть. — 10.
Кузнецова Полина. Как говорит Никитка. Повесть. — 1.
Кырова Татьяна. Завиток. Рассказ. — 6.
Левина Нина. Мгновения вечности. Рассказ. — 10.
Леушев Николай. Отец. Рассказ. — 6.
Лозович Виталий. За духов неба и тундры! Повесть. — 6.
Мардань Александр. Любимый дедушка. *Странный детектив.* Повесть. — 1, 2.
Марков Александр. Мечтатели. Повесть. — 12.
Минский Модест. Гриша. Рассказ. — 11.
Митрофанова Алина. Музыка в дороге. Рассказ. — 9.
Неклюдов Андрей. Чай с персиками. Рассказ. — 1.
Николов Дмитрий. Цветочный Дьявол. Рассказ. — 4.
Огарков Владислав. Листья. Короткие рассказы о природе. — 6.
Осокина Алина. Там, где нет войны. Рассказ. — 12.
Останин Олег. Встречи с Севером. Рассказы. — 3.
Павлова Ольга. Жизнь других. Рассказы. — 7.
Подистов Андрей. Заговор обезьян. Повесть. — 11.
Романова Татьяна. Наперекор. Рассказ. — 6.
Сапрыкина Татьяна. Светлость безымянная. Рассказы. — 9.
Сенсиф Станислав. Банкноты. Повесть. — 2.

- Соловьева Елена. Букет невесты летит. Рассказ. — 2.
 Соляная Ирина. Подержи мои часы. Рассказ. — 7.
 Стекачёв Михаил. Железо — тоже неплохо. Рассказ. — 4.
 Стеценко Игорь и Евгений. Колечко. Рассказ. — 9.
 Теминский Сергей. Спички. Рассказ. — 4.
 Терентьева Александра. Два рассказа. Из цикла «Сказки о пустоте». Рассказы. — 3.
 Турицына Нина. Бюро героической смерти. Рассказ. — 8.

ПОЭЗИЯ

- Алейников Владимир. К облакам облака. Стихи. — 11.
 Бабанская Алена. «Это ливня скорый поезд...» Стихи. — 7.
 Бабилов Евгений. Рябиновые песни. Стихи. — 5.
 Берязев Владимир. «Над злаковым простором ойкумены...» Стихи. — 10.
 Веденяпин Дмитрий. Форма молчания. Стихи. — 8.
 Витченко Евгений. Из цикла «Аварийный ангел». Стихи. — 9.
 Волков Сергей. Под надзором разлуки. Стихи. — 9.
 Заборцева Варвара. Пинежанка. Стихи. — 3.
 Зонов Никита. На белом ветру. Стихи. — 1.
 Ивантер Алексей. Образок в конверте. Стихи. — 6.
 Кекова Светлана. «Книги памяти все перечитаны...» Стихи. — 9.
 Коврижных Виктор. Кроткие огни. Стихи. — 3.
 Комаров Константин. Машина тишины. Стихи. — 1.
 Корицкая Полина. Шестнадцать счастливых минут. Стихи. — 1.
 Косогов Владимир. Потому что тьма. Стихи. — 5.
 Кузьмина Вера. Окраины. Стихи. — 2.
 Лобанов Валерий. «Что кричит лесная птица...» Стихи. — 1.
 Малофеева Екатерина. Навык бытия. Стихи. — 4.
 Малыгина Александра. Заговор теней. Стихи. — 8.
 Михня Святослав. «Грозовой сгустился свет...» Стихи. — 6.
 Павловская Анна. Небесный эхолот. Стихи. — 12.
 Перетокина Елена. Танатофобия. Стихи. — 10.
 Плохих Илья. «...На полдороге из Тамбова в Итаку». Стихи. — 10.
 Погожева Галина. Мученик века. Стихи. — 5.
 Попов Денис. Евангелие от... Стихи. — 4.
 Пузыревская Лада. Я не вижу тебя. Стихи. — 7.
 Румянцев Дмитрий. Из трепетных глин. Стихи. — 7.
 Самойленко Сергей. Железобетонная радуга. Стихи. — 4.
 Светлосанов Владимир. Сумрачный лес. Стихи. — 8. Из «Книги насекомых». Стихи. — 12.
 Сентиментальные прогулки. Константин Гришин, Вера Дорди, Лидия Шаркунова. Стихи. — 11.
 Собенников Анатолий. Запах чабреца. Стихи. — 2.
 Титов Владимир. Homo bulla. Стихи. — 8.

- Тихий улов.** Андрей Новиков, Олег Мошников, Надежда Герман, Андрей Кулюкин, Анастасия Скоринова. Стихи. — 6.
- Фроловская Мария.** Купите лето. Стихи. — 3. Поздние яблоки. Стихи. — 11.
- Шевченко Ганна.** Дожди на крышах. Стихи. — 12.
- Шелленберг Вероника.** «Доисторически безлюдно...» Стихи. — 2.

ДРАМАТУРГИЯ

- Рябов Дмитрий, Чепурнов Юрий.** Танго с манго. Комедия в одном желании. — 1.
- Чепурнов Юрий.** См.: Рябов Дмитрий, Чепурнов Юрий. Танго с манго. Комедия в одном желании. — 1.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Прашкевич Геннадий.** Архипелаг исчезающих островов. Поиски литературной среды и жизнь в ней. — 5, 6.
- Урманов Кондратий.** Мой дневник. Предисловие Натальи Левченко. — 8.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Бусаргина Тамара.** Мир и война моего детства. — 5.
- Бутрин Андрей.** Любовь Борисова — царственная легенда новосибирской сцены. — 1.
- Глембоцкая Яна.** О тех, кто вокруг. — 9.
- Голодяев Константин.** Наш старый цирк. — 7.
- Гончаров Юрий.** См.: Ладыгин Игорь, Гончаров Юрий. «Ивакинский мятеж»: взгляд сто лет спустя. — 2.
- Гортман Кристина.** Телега с культурой и искусством. — 6.
- Зайков Николай.** «Оттепель». Эпизоды детства. 1957—1961. — 6, 10.
- Злобин Володя.** Люциферин и ковидла: инактивированный вирус российской архаики. — 12.
- Кирилин Анатолий.** Вот и я выбираю. — 7.
- Ладыгин Игорь, Гончаров Юрий.** «Ивакинский мятеж»: взгляд сто лет спустя. — 2.
- Орлов Павел.** Сибирские бронепоезда. Битва за Кавказ. — 5.
- Преодолеть зияющие пустоты.** Беседа с Капитолиной Кокшенёвой. — 11.
- Прогулка по Ново-Николаевску.** Беседа с новосибирским антикваром и библиофилом Станиславом Савченко. — 4.
- Проталин Борис.** Дом, где живет фольклор. К 100-летию со дня рождения М. Н. Мельникова и 30-летию Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии. — 9.
- Савченко Александр.** Под знаком соёмбо. Воспоминания советского специалиста. — 10, 11.
- Тихонов Александр.** Четыре истории от мистера Бьюэла. — 7.
- Трошин Владимир.** Семейные хроники. — 11.

«Хочу быть дома во всей своей Родине, а не в одном углу...» Из переписки Валентина Курбатова и Валентина Распутина. — 2, 3.

Шекшеев Александр. «Да воздастся каждому по делам его»: мифы и реалии Гражданской войны. — 8. Маут для русских. Восстание на Таймыре. — 12.

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В поисках утраченного жанра. Обзор онлайн-дискуссии. — 2.

Гундарин Михаил. Солнце всходит и заходит. Главы из новой книги о писателе Евгении Попове. — 2, 3.

Злобин Володя. Русская ширококозая: перипетии Революции В. Я. Зазубрина. — 1. Дух живет где хочет: «Пламень» Пимена Карпова. — 9.

Савченко Станислав. Николай Гумилев и «Сибирские огни». — 8.

Тимофеев Андрей. Философия литературы. Главы из книги. — 2, 3.

Хлебников Михаил. Союз и Довлатов. Главы из книги. — 4. «Сибирские огни»: «Настоящее», будущее и пролетарские писатели. — 12.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Елина Елена. «На холсте совершается таинство»: о двух книгах Светланы Кековой. — 12.

Кобозева Анастасия. Литературный сериал: вечный эксперимент или становление жанра? — 12.

Пекуровская Ася. Порядок снов. О романе Глеба Шульпякова «Красная планета», и не только о нем. — 11.

КОРОТКО О КНИГАХ

Издано в Сибири. — 1.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Богданова Елена. Сибирские лица Бориса Смирнова. — 5.

Голодяев Константин. Новосибирск глазами Василия Касаткина. — 10.

Иванов Евгений. Радикальная нежность художника Мизина. — 3.

Копнин Валерий. Родом из детства. О живописи Александра Андрусенко. — 2. Летящие линии. — 7. Вперед, к классике! — 12.

Кузнецов Андрей. Сложные оттенки простых красок. — 1.

Любовь Лазарева: детский взгляд на взрослый мир. — 6.

Чирков Владимир. Алфавит цветов Елены Бобровой. Искусствоведческие письма. — 8. Дмитрий Лысяков: новизна — в традиции. Искусствоведческие письма. — 11.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бекуров Руслан родился в 1974 г. во Владикавказе (Северная Осетия). Проза печаталась в журнале «Дарьял». Живет в Санкт-Петербурге, работает в СПбГУ. Кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики.

Бороздин Сергей Сергеевич родился в 1985 г. в Свердловске. Окончил исторический факультет Уральского федерального университета. Кандидат исторических наук. Работает переводчиком с английского и персидского языков. Публикуется впервые. Проживает в Екатеринбурге.

Елина Елена Генриховна родилась в 1952 г. в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского национального исследовательского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор, руководитель приоритетных проектов и программ Саратовского государственного университета. Автор многих научных публикаций. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Живет в Саратове.

Злобин Володя родился в 1990 г. в Новосибирске. Трудится разнорабочим. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2017). Живет в Новосибирске.

Кобозева Анастасия родилась в Москве в 1999 году. Учится на 5 курсе Московского государственного института культуры по специальности «литературный работник и художественный переводчик». Печаталась в изданиях «Невский альманах», «День литературы», «Российский писатель» и др. Член Союза писателей России.

Копнинов Валерий Павлович родился в 1963 г. в Барнауле. Окончил Алтайский институт культуры и ГИТИС. Автор книги рассказов «Сукины дети». Публиковался в журналах «Север», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Работает режиссером телевидения. Член Союза театральных деятелей РФ. Живет в Барнауле.

Марков Александр Владимирович родился в 1971 г. в Москве. Окончил Московский инженерно-строительный университет. Работал на телевидении. Сейчас комментатор в аналитической программе «Постскриптум». Автор десяти романов, лауреат премии Союза писателей России «Во славу Отечества». Рассказы печатались в журналах «Юность», «Смена», «Уральский следопыт» и др. Член Союза писателей России.

Осокина Алина Андреевна родилась в 1991 г. в Ульяновске. Окончила исторический факультет УлГПУ им. И. Н. Ульянова. Работает в областной библиотеке. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов. Публиковалась в журналах «Подъем», «Неман», «Дон новый» и др. Член Союза писателей России.

Павловская Анна Славомировна родилась в 1977 г. в Минске. Окончила Институт журналистики и литературного творчества. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия» и др. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии журнала «Сибирские огни». Живет в Домодедове.

Светлосанов Владимир Сергеевич родился в 1957 г. в Новосибирске. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института. Работал преподавателем русского языка и литературы. Автор нескольких поэтических книг и ряда публикаций. Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Хлебников Михаил Владимирович родился в 1974 г. Кандидат философских наук. Автор пяти книг, среди которых: «Топор Негоро», «Большая чи(с)тка», «Союз и Довлатов (подробно и приблизительно)». Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Культура», «Литературная газета», в журналах «Бельские просторы», «Наш современник», «Москва», «Вопросы литературы», «Новый мир». Живет в Новосибирске.

Шевченко Ганна родилась в 1975 г. в г. Енакиеве Донецкой области. По профессии бухгалтер, финансовый менеджер. Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Октябрь», «Сибирские огни» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор трех книг прозы и четырех поэтических сборников. Член Союза писателей Москвы, член Русского ПЕН-центра. Живет в Подмосковье.

Шекшеев Александр Петрович — кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации общества «Мемориал», автор трех книг и 250 научных статей и сообщений. Печатался в журналах «Вопросы истории», «Российская история», «Родина», «Гуманитарные науки в Сибири», в альманахах «Белая гвардия», «Тобольск и вся Сибирь» и др. Живет в Абакане.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 15.11.2021. Дата выхода № 12 за 2021 г. в свет 18.12.2021.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.